

ISSN 0131—6656

СМЕНА 24 88

Просчеты гидростроения. Фотоочерк
Отечество. Командоры
Штрихи к портрету Генералиссимуса
Фаина Раневская. Неожиданный ракурс
Стивен Кинг. Маленькая повесть

Звезда:
СВЕТ И ТЕНЬ...
(читайте стр. 16—19.)

Фото Евгения СТЕЦКО

- Несколько вопросов Минздраву СССР
- Кто тормозит перестройку?
- Комсомольцы — о комсомоле
- Чем помочь «кукушке»?

О НАСУ

Нет в Запорожье ни одного человека, которого не взволновала бы статья Аркадия Пальма «Ложь на душу населения» (№ 16) о чрезвычайно опасной экологической обстановке в нашем городе.

В течение 20 лет происходит физическая деградация жителей почти 900-тысячного города.

За залповые выбросы вредных веществ руководители производств в крайнем случае платят штраф (не из своего кармана), но за преступный вред здоровью горожан не несут никакой ответственности — не привлекаются к суду и не отстраняются от работы! А медицинские службы города до сих пор скрывают от населения информацию о предельно допустимой концентрации в воздухе химических ядов и канцерогенов, а также держат в глубокой тайне заболеваемость онкологическими, сердечно-сосудистыми и другими болезнями.

Если руководители Чернобыльской АЭС, создавшие аварийную ситуацию, уже давно осуждены, то представители Минчермета и Минцветмета до сих пор занимают прежние высокие посты, до сих пор несудимы, до сих пор являются членами партии.

Георгий СУШКО,
Запорожье

Дорогие товарищи, не могу не поддержать позицию редколлегии, постоянно обращающейся к экологической проблематике («Водилась рыбка золотая» (№ 14), «Ложь на душу населения» (№ 16). Именно так — предельно откровенно — и надо говорить сегодня об этих проблемах. Уверен, что без решения экологических проблем мы не решим никаких других — ни продовольственных, ни экономических, ни социальных. К сожалению, экологическое невежество цепко держит в своих лапах лиц, принимающих решения на всех уровнях.

Успехов вам в так необходимой сейчас экологизации мышления!

А. ЯБЛОКОВ,
член-корреспондент АН СССР

Мы, члены неформальной экологической ассоциации «Зеленый фронт» Алма-Аты, были поражены содержанием документа, напечатанного в «Смене» № 16 за 1988 год в статье А. Пальма «Ложь на душу населения». Там говорится о том, в какой тайне хранятся Минздравом данные санэпидстанций о загрязнении окружающей среды.

Мало того, что Минздрав СССР периодически повышает предельно допустимое содержание нитратов в картофеле, овощах и других сельхозкультурах, так в 1986 году без объяснений их утроил! Правда, с оговоркой, что эти меры временные. В прошлом году овощи опять «перекормили», и опять — увеличение норм в два раза. Может

быть, министерство исходит из «высших» интересов и согласовывает свои акции с торговлей: мол, не принять от хозяйства продукцию с повышенным содержанием нитратов можно, но чем тогда кормить народ?..

В связи с этим хотелось бы получить ответ на следующие вопросы.

Когда Минздрав СССР в лице главного государственного врача СССР начнет разбираться с министерствами и ведомствами, предприятия которых загрязняют окружающую среду, а не с людьми, вскрывающими эти безобразия? Когда Минздрав СССР раскритикует данные о загрязнении окружающей среды и связанных с этим заболеваниях? Когда Минздрав СССР опубликует в открытой печати данные о ПДК для всех видов загрязнения, чтобы люди могли контролировать ситуацию в любой местности и оказывали действенную помощь местным СЭС в охране окружающей среды и здоровья человека? Когда Минздрав СССР прекратит завышать нормативы по ПДК?

СКВОРЦОВ, ЖИГАРЕВ, ЩЕРБАЧКОВ, БИКБУЛАТОВ и другие (более сорока подписей), Алма-Ата

Наверное, это письмо будет особенным, может, нескладным, но написано от чистого сердца.

Дорогие советские друзья! Ваше великодушие, доброта, широта ваших сердец, ваша отзывчивость всегда казались загадочными, просто недостижимыми. И сейчас мы надеемся на вашу помощь.

У наших близких друзей большая трагедия: их дочь Веселка три года назад тяжело заболела. Веселке 21 год. Она отчаялась, не хочет жить, и нам всем почти невозможно ее переубедить. Жизнь кажется ей бессмысленной, а когда мы приводим примеры мужества, она принимает их за уговоры. Вот мы и решили обратиться к вам, к вашим добрым и великодушным сердцам: может, кто-то из вас отзовется, даст Веселке совет, поддержит ее. Есть и конкретная просьба к тем, у кого есть повесть «Всем смертям назло», может, вы пошлете ее для Веселки? А может, кто-либо из докторов-энтузиастов отзовется, подаст нам руку помощи? (Все расходы мы берем на себя.) Очень просим вас, дорогие советские друзья, отзовитесь, напишите Веселке по адресу: Народная Республика Болгария, 4000, Пловдив, ул. «Буная», 1, ап(кв) 4, Веселка Димчева-Димова.

Заранее всех вас благодарим. С уважением,

семья ПЕЙКОВЫХ,
Пловдив

Наш журнал одним из первых поставил вопрос о необходимости создания общества инвалидов. Идея была горячо поддержана читателями.

И вот Всероссийское общество инвалидов создано. Аналогичные общества образованы в Белоруссии и Литве.

О первых шагах ВОИ рассказывает председатель центрального правления Алексей Васильевич Дерюгин:

— Учредительная конференция состоялась в августе нынешнего года. Проблемы, которые нам предстоит решать, — давние, застарелые. Одна из главных: дать возможность всем желающим инвалидам посылать время вдвое увеличить число работающих инвалидов. Другая важная забота — организация быта людей. Наша комиссия работает совместно с Госстроем СССР и Госкомитетом по архитектуре: новое строительство должно быть таким, чтобы обеспечить удобства тем, кто прикован к креслу-каталке или коляске. Рассматривается вопрос о возведении жилищно-производственного комплекса для инвалидов. Представители ВОИ отстаивают интересы инвалидов в ходе подготовки Закона о пенсиях, новой инструкции ВТЭК. Начали работу секции общества, занимающиеся проблемами культуры и спорта... Районные и первичные организации ВОИ создаются во всех регионах России.

Прочла вашу глубокомысленную статью о сексе. Все вроде достоверно и доходчиво, но неправдоподобно. Я как раз представительница той части женщин, которым за 30 лет и которые должны быть более сексуальными, чем молодые девушки. Но весь парадокс в том, что, пока я не была замужем, а жила сама по себе, я чувствовала необходимость и желание уделять сексу большое внимание. Что же сейчас, где же «пик сексуальности»? А нигде, и дело совсем не в неопытности мужа или незнании методов и способов полового акта. По-моему, главное — это не только знать теорию, надо еще иметь возможность использовать свои знания на деле. А теперь скажите, о каком сексе будет думать наша замордованная к 30 годам женщина? С утра — на работу, рабочий день — 8 часов. Многие даже в обед не отдыхают — надо бежать по магазинам. После работы — еще полтора-два часа в очередях. Потом вторая смена уже дома: готовить еду, стирать, мыть посуду, заниматься с ребенком. К ночи валюсь с ног от усталости. Так о каком сексе я могу думать, уважаемые мужчины? Муж, естественно, обижается на меня, но помочь не считает нужным — мол, дела «женские». Он обвиняет меня в холодности и лени, говорит, что ошибся во мне. На этой почве у нас возникают скандалы. О какой любви тут может идти речь?

Еще один больной вопрос — жилплощадь. Мы живем с матерью, а комната у нас проходная, рядом спит ребенок пяти лет. О какой интимной обстановке можно говорить?

Так что все ваши рассуждения о психологии, о теории секса — это одна сторона вопроса, главное же — вернуть

женщине ее суть. Чтобы у нее было время заняться собой и появилось желание заняться сексом и, что немаловажно, возможностью. Без этих условий ни психологи, ни философы, ни гинекологи. Пока семейная жизнь будет проходить примерно так, как в нашей семье, никакие сексуальные способности не разовьются. А сейчас, после 30 лет, у меня нет никаких желаний, кроме как лечь и выспаться.

А. ВОЛКОВА,
Брянск

После прочтения статьи «На цыпочках?» (№ 17) я подумал о комсомольских организациях в Вооруженных Силах. У нас, например, в Калининградском высшем военно-морском училище дело доходит до того, что политический отдел училища сам дает указания на проведение собраний. «Комсорг, у вас на следующей неделе должно быть собрание на тему...» И вот начинается: «Достойную встречу», «Сдадим экзамены на 4 и 5», «Проведем отпуск без замечаний» и т. д. А когда кто-то возмутится таким порядком, то: «Повестка дня: грубый проступок курсанта Сидорова».

Надо комсомолу дать самостоятельность! И без давления сверху, чтобы первичная организация могла работать в полную силу и бороться за свои права. А пока нам вешают только обязанности.

Вы скажете, что это все надо писать в «Красную звезду». Но ведь у нас нет деления на комсомольцев гражданских и комсомольцев военных. У нас союз единый!

М. АНДРЕЕВ,
Калининград

Сейчас много говорят о комсомоле, о том, что есть светлого и теневого в молодежном союзе. Да, действительно, комсомол очень много сделал для страны — этого нельзя недооценивать. С этим я согласен. Но не верю, что у комсомола есть будущее. На том этапе развития, когда он был создан, это действительно было необходимо, но сейчас... Что сейчас может сделать комсомол? Нет у него реальной силы.

Появилось в нашем лексиконе новое слово — неформальность. Вот это реальная сила нашего времени! Без помощи комсомола, на одном энтузиазме они делают много. Короче, комсомол на данном этапе сделал все и добиться большего не сможет. И отнестись к этому надо спокойно. Понимаю, что это, видимо, не реально, сила инерции велика. Но суть моего предложения понятна — распустить ВЛКСМ как организацию, сделавшую свое дело на все 100 процентов. И пусть комсомол займет должное место в нашей памяти.

Владислав ГОРАЗДОВ,
г. Горький

ИЩНОМ

Задела меня за живое статья Ю. Разгозина «На цыпочках?» в «Смене» № 17. Уже 2,5 года я работаю первым секретарем горкома комсомола (до этого почти 2 года работал вторым).

Так вот. Я, кажется, нашел еще одну причину, благодаря которой мы вынуждены ходить на цыпочках. Эта причина — не обвиняйте меня в меркантильности — зарплата. Предположим, что партийные и комсомольские работники получают ее за труд, его количество и качество. Зарплата I секретаря ГК ВЛКСМ примерно равна зарплате инструктора горкома партии. То есть мой труд оценивается обществом наравне с трудом инструктора. Хотя права, обязанности и ответственность (прежде всего) — совершенно разные. Да и интенсивность труда, прочие его атрибуты — тоже. Как говорят на Западе, мы «стоим» одинаково. И отношение к нам — объективно — у партийного руководителя одинаковое. Не в деньгах, конечно, дело, но другой самой объективной меры оценки трудовой деятельности пока не изобретено.

С. КУЧЕРЯВЕНКО,
г. Юрга

Мы прочитали письмо Наташи М. из Москвы (№ 18) и не согласны с ее мнением, потому что считаем, что комсомол не обязан что-то «давать». Наоборот, вступив в комсомол, каждый его член обязан отдать Союзу молодежи все свои силы. Плоха же та комсомольская организация, которая принимает в свои ряды необузданных людей. Выполняя общественную работу, ты, Наташа, ждала благодарности, но ее не было, поэтому ты решила, что твоя работа никому не нужна. Но это не так. Любая ответственная работа, пусть даже самая маленькая, нужна обществу. Поэтому подумай, может быть, ты еще найдешь работу по душе. Конечно, и у нас много проблем, например, по организации школьных мероприятий, комсомольских собраний. Если твои одноклассники захотят, то мы можем наладить переписку друг с другом. Хотелось бы поближе познакомиться. Напишите нам.

Комсомольцы 9 класса «А»,
школа № 2 Ногинска
Московской области

Я из тех молодых, кто прошел «Афган», а теперь ежедневно слушаю про перестройку. Может быть, она где-то и идет, но только не в таких маленьких городках, как наш.

Работаю в СМУ-41 города Ртищево Саратовской области. Как я понимаю решения партии, жилье — это наша задача номер один. А у нас на стройке творятся одни безобразия.

Зима, а все объекты открыты и без отопления. Нет оконных и дверных блоков, бригады простаивают. Руковод-

ство наше тоже бьется, но все бесполезно: ничего не дают трест и главк. Зарплата у нас 100 рублей — это в лучшем случае. Зимой, возможно, вообще будет безработица. Вот вам и перестройка! Что делать?

А. В. ТРЕНИН

19 апреля 1978 года в роддоме № 2 Киевского района Москвы появилась на свет моя девочка. Я ушла от нее не оглядываясь. Теперь проклинаю себя за это. И жизнь моя тошнее смерти. Мне сказали, что ее удочерили. Как же так? По медицинским показаниям родители не могли дать разрешение на ее удочерение. Отец — наркоман, мать — из той «прекрасной» жизни, которая довела ее до психического расстройства, на что были соответствующие документы. Если вопреки всему этому ее отдали все-таки в семью, я ни на что не претендую. Кто я? Кукушка. Но ведь случается, что и приемные родители отказываются. Так где же она, моя девочка? Умоляю вас, помогите. Я низко пала, но не без помощи людей. Тех самых людей, что так рьяно бичуют зло сегодняшнего дня, забывая, что корни его во вчерашнем. Не была я счастлива ни в детстве, ни в юности. И сейчас боль такая, что даже моя младшая дочь не в силах ее заглушить.

Общество жаждет «крови», суровой «казни» матерей-отступниц. Может, с меня начнем? Устройте надо мной гражданский суд, поставьте клеймо в паспорт. Каким бы гонениям меня еще подвергнуть? Делайте, что хотите, только помогите найти мою дочь.

Люди, живущие со мной, окружающие меня, не знают, что есть в моей жизни такая беда.

Елена ПАВЛОВА,
Москва

У меня большие неприятности. В этом году я поступала в Симферопольский техникум общественного питания, набрала проходное количество баллов — восемь и... не прошла по конкурсу. А ребята с городской пропиской приняты с шестью баллами. Отказ мотивировали тем, что я из села, значит, мне нужно направление из района, чтобы за мою учебу райпо платило деньги, а потом предоставило мне работу, так как техникум перешел на хозрасчет. А наш район не заключил с этим техникумом договора. И что же, я теперь без договора не могу учиться, где хочу? Зачем же я сдавала экзамены? Интересно получается: абитуриент успешно сдает экзамены и вместо того, чтобы учиться, вынужден ни с чем возвратиться домой.

О том, что в техникуме такие различия между абитуриентами, директор мне объявила в день зачисления, а не тогда, когда я подавала документы. Вот такая ирония судьбы.

Лариса КРАСНЫХ,
с. Стахановка Крымской обл.

Увидела в «Смене» рубрику «Читатель — «Смена» — читатель», захотелось излить свое горе.

У меня двое детей, воспитываю я их одна. Работаю на заводе мастером. Младший семилетний сын сильно болен: у него холецистит, нейродермит, астматический бронхит. Всю зиму я просила путевку для него, ходила в заводской профком, умоляла, но все было бесполезно. Я работала по совместительству и, с трудом скопив денег, в октябре поехала с сыном в Нальчик с надеждой там купить путевку в санаторий. Но, оказывается, в детский санаторий «Нартап» свободных путевок не бывает никогда. Пришлось покупать курсовку. Так вот, пока я металась в поисках квартиры, оставляя ребенка то на скамейке, то в приемном покое, меня обокрали, вытащили все мои сбережения. В отделении милиции Ленинского района Нальчика мне сразу сказали, что помочь ничем не смогут. В первые минуты я хотела покончить с собой, но удержал меня мой маленький сын. Спасибо добрым людям — собрали денег на билет, и мы уехали домой. Вот сейчас сижу и плачу. Когда же у нас будет возможность полечить каждого больного ребенка? Выходит, из нашего беспорядка мой ребенок остался без лечения.

Валентина КОРМИЛЕЦ,
Уфа

Часто в журналах и газетах я читаю статьи, в которых речь идет о воспитании детей. Почти в каждом издании говорится о «равнодушии взрослых, педагогической неграмотности, ограниченности интеллекта и общей культуры». Я люблю своего ребенка. Но откуда у меня, к примеру, появится педагогическая грамотность? Мне 29 лет. Выросла я в семье, где родители выпивали, не обращая на нас с сестрой и братом внимания. Сейчас у меня растет сыночек. Ему всего один год и три месяца, но сколько проблем, сколько вопросов, которые я не умею сама решить! Еще страшнее — есть такие, которые не были решены своевременно, что уже повлияло на характер моего сыночка. Везде говорят, пишут: воспитывать с пеленок. А как? Кто мне подскажет? С самого его рождения я поставила себе за правило никогда не кричать на ребенка и тем более — никаких шлепков. Теперь знаю, что такое сдерживаться, как это порой тяжело. Но сдерживаться — это одно, а что делать дальше? Вот сын в истерике, я ушла в другую комнату, взяла себя в руки, вышла к нему, хочу успокоить, взять на руки, а он вырывается и дерется. Что делать?! Я чувствую, что делаю что-то не так, от этого нервничаю, иногда владаю в отчаяние. Разве хочу я или люблю так воспитать своего ребеночка плохим?

Однажды я составила список книг, брошюр по воспитанию детей и сделала заявку в Дом педагогической книги и в отдел «Книга — почтой». В ответ: «Нет в наличии». В библиотеке тоже ничего. А время идет. Как же вырастить сына настоящим человеком? НАУЧИТ ЛИ КТО-НИБУДЬ МЕНЯ БЫТЬ ПЕДАГОГИЧЕСКИ ГРАМОТНОЙ МАМОЙ? И КОГДА?

Алиса АНТИПИНА,
Чита

Недавно в одном журнале я прочитала статью, которую написала моя ровесница — шестнадцатилетняя девоч-

ка. Суть письма заключается в том, что от этой «скромной, умной, доброй, честной, начитанной, справедливой» и т. д. парень ушел к другой — «ничего не читающей, духовно пустой, но зато модно одевающейся, вульгарной, развязной, курящей». Согласитесь, нужно быть полным дураком, чтоб променять настоящий идеал на какую-то пустышку, но факт остается фактом. Умная и начитанная плачет, а дура счастлива. Автор письма назвала ее «куклой из подворотни» и написала, что хороших, порядочных девушек ребята обходят стороной.

Я «кукла из подворотни». Но я не считаю себя внутренне пустой. Я много читаю, хорошо рисую. Такая я внутри. Но есть еще и другая — хорошо одетая, в меру нагловатая, немного вызывающая, в общем, нормальная современная девчонка, и я не жалею, что я такая.

Впрочем, такой я была не всегда. Раньше была забитой тихоней, которую мог каждый толкнуть, обозвать. Ясно, что со мной никто не хотел дружить, все парни обходили меня со всеми моими добродетелями. И я сделала вывод, что, если так будет продолжаться, мне грозит одиночество. Вы скажете, мол, это ты сейчас ни о чем не жалеешь, а придет время, еще заплачешь, что все твои подруги не настоящие, а парни, которые дружат с тобой, никогда не возьмут тебя в жены. Но я и не собираюсь ни за кого из них выходить. Я знаю всю свою дальнейшую жизнь: после окончания школы — престижный институт, выйду замуж за материально обеспеченного человека, возможно, немного старше меня. Вы скажете, кому ты нужна такая? Неправда, жена из меня будет хорошая; когда будет нужно, я смогу стать другой. А примерная девчонка просто завидует обеспеченной, завидует, что к ней ушел ее парень, и, чтоб как-то утешить себя, думает, что та совершенно бездуховна, а себя воображает идеалом, но я уверена — ошибается!

Надежда ПАВЛОВА,
Усть-Илимск Иркутской области

ОТ РЕДАКЦИИ

В этом году «Смена» получила 70 тысяч читательских писем. Из них более 500 использовано на страницах журнала: многие опубликованы, другие послужили отправной точкой для командировок наших корреспондентов. Очерки, проблемные статьи на актуальные темы, интервью с видными учеными, деятелями культуры, писателями опубликованы, как говорится, «по вашим просьбам».

Как и в предыдущие годы, ваши жалобы, предложения, просьбы мы направляли для принятия мер в различные организации.

Более 5 тысяч самодеятельных поэтов прислали нам свои стихи, почти 3 тысячи читателей откликнулись на публикации о современной эстрадной музыке.

Редколлегия благодарит читателей, принявших активное участие в дискуссиях, обсуждениях, конкурсах, олимпиадах. Благодарим вас за советы и критические замечания, предложения волнующих тем и горячих адресов, оценку отдельных публикаций и целых рубрик. Ждем ваших предложений и пожеланий, надеемся на постоянное сотрудничество в новом году.

Желаем вам, дорогие читатели, доброго здоровья и счастья!

Михаил КИЗИЛОВ

...Десятки, сотни открыток. Разных цветов, с разными штемпелями, они написаны разными почерками. Но есть одно, что их единит. В каждой из них — боль. От разлуки с близкими. От тоски по Родине. От воспоминаний. Долгим был путь этих посланий. Многие не находили адресатов, оседавая в архивной пыли. Потому что адресатов уже не было в живых. Не было «в живых» и деревенек с упомянутыми в открытках названиями. Была война. А открытки продолжали поступать. Написанные упрямым сердцем. Отправленные тревогой и надеждой. Открытки шли...

Бельгия — перекресток Европы. Все основные магистрали проходят через нее. Здесь можно удивиться и растеряться. Почувствовать себя одиноким и оглушенным «многоголосием» людей, рекламы, автомашин. Здесь чисто и шумно. Здесь прекрасные дороги и много голубей. Здесь пахнет морем и ананасами. Здесь — Бельгия.

В этой стране можно услышать любую речь: от английской до фарси. Но для русского все равно звучит громом его родной язык. И когда в маленьком ресторанчике, что в самом центре Брюсселя, меня окликнули по-русски, я вздрогнул, несмотря на то, что встреча эта была оговорена заранее.

Впрочем, я приехал в Бельгию, чтобы общаться именно на русском языке. Моими собеседниками должны были стать наши соотечественники, живущие в этой стране. Наши советские женщины, волею разных обстоятельств оказавшиеся за границей. Хотя я сразу грешу против истины: обстоятельство было одно, и датируется оно временами 45-летней давности, когда в Европе шел вселенский грабег, вакханалия опьяненных от крови варваров. С оккупированных земель паровозы тащили тяжеленные составы с добычей. Вывозилось все, в том числе и люди. Парни и девушки. Молодые и здоровые.

«Великая Германия» нуждалась в невольниках. По оккупированным городам и селам с немецкой педантичностью составлялись списки тех, кто соответствовал кондициям. Потом — облава, эшелон под охраной эсэсовцев с овчарками, долгая дорога в неизвестность, которая не для всех и не всегда заканчивалась возвращением назад.

Да, вроде бы мы слышали, читали, что было в войну и такое. И вот КАК

это было и ЧТО довелось испытать тем, чья молодость и юность закончились в тот день и час, когда лязгнули запоры на дверях «теплушек», — знаем ли мы об этом? Знаем ли мы, сколько было таких девчонок, увезенных насильно?

Как сложились их судьбы? Как живут сейчас те, кто уцелел? И что они вспоминают, когда накатывают воспоминания вместе с дождем и перелетными птицами, летящими в Россию? Воспоминания далекие и резкие, как дождь или полеты этих самых птиц. Этого мы не знаем.

Но самое страшное, что до недавних пор и не хотели знать. Потому что однажды «отец народов» обронил фразу: «У нас нет пленных, есть только предатели». И эта позорная, граненная беспощадностью формула породила презрение к трагедиям миллионов, а в душах потомков легла беспамятством.

Многие, очень многие вернулись. Повзрослевшие, поседевшие, разучившиеся петь и смеяться. С большими, измученными глазами. Они так много видели... Они так долго возвращались...

Они не любят вспоминать пережитое. Но мой рассказ о невернувшихся. О непростых судьбах советских женщин, которые живут за рубежом. Впрочем, это не мой, это ИХ рассказ. Потому что настала пора им высказаться, а нам — услышать.

ВСТРЕЧА ПЕРВАЯ — ПОЛИНА

...За окном дома — яркая зеленая лужайка, с березой посередине. Солнечный, теплый день. А Полина Семеновна ЧЕПУХИНА вспоминает зиму 42-го. Волнуется, и я вижу перед собой не уверенную в себе, красивую удивительно рус-

ской, светящейся красотой женщину, а семнадцатилетнюю девчушку, которая перевязывает раненых и при этом страшно краснеет, когда приходится бинтовать «разные места». Так в судьбу этой девушки вошел десант южнее Вязьмы и прорыв корпуса генерала П. А. Белова. Полина Чепухина вместе с другими была мобилизована на помощь раненым. Большинство десантников и кавалеристов вышли к своим войскам, а Полина, еще не окрепшая после тифа, с палкой в руках месяц добиралась в свою деревню Татьянино... Дошла... Потом...

— В декабре 42-го года взяли старшую сестру, а потом и меня. Тогда мне только семнадцать исполнилось. Гнали нас по снегу, прямо по сугробам день и ночь, спать не давали, кормили баландой — вода с мукой. Двое суток шли по направлению к фронту в район Юхнова. Когда пришли, нас загнали в бараки. Утром дали всем попаты и заставили рыть окопы. Каждый день мы рыли окопы. Наши знали, что в этом районе мы, и потому не стреляли. Потом нас стали перебрасывать с места на место, а в конце апреля 43-го посадили в повоз и повезли. Куда — не знал никто.

Мы смотрели в щели вагонов и видели мертвые тела вдоль насыпи: девочки и мальчишки... Может, с повоза выбросились. Или уже мертвых выгрузили...

Доехали до Вупперталя. Там был огромный лагерь. Нас всех раздели догола и выстроили на плацу. Стыдно было до слез...

Приехали какие-то немцы в штатском, стали нас осматривать, сортировали по группам. Группу, в которую я попала, посадили на грузовики и привезли на строительство барачков. Там и работали до весны следующего года. Кормили ужасно: жидкость, а в ней черви плавают. Одежды не давали, только деревянные башмаки...

В этом же лагере я познакомилась с Яном...

Эта последняя фраза будет потом повторяться снова и снова, но уже в воспоминаниях других женщин, и конечно же, с другими именами. Но как же так? Чужая страна, подневольный тяжкий труд и... любовь? Может ли быть такое? Может. Разве человек даже в самые трагические моменты своей жизни перестает быть человеком? А женщина — женщиной? И разве они не имели права надеяться на защиту сильного? Даже если сила эта в тех условиях была понятием эфемерным. Разве можно упрекнуть их в том, что они сделали шаг навстречу людям, которые помогали, как могли? Которые гарантировали по меньшей мере моральное пристанище истосковавшимся по человеческому обращению юным и очень неопытным девушкам? Их счастье и, если угодно, везение в том, что таких людей встретили.

— Немцы хотели угнать нас в глубь Германии. Мы узнали и убежали. Жили в бараке, в лесу...

Ян ушел со своим другом за продуктами, а тут американцы на джипе. Привезли нас в большой лагерь. Начали агитировать: зачем, дескать, вам возвращаться в Россию, там вас отправят в Сибирь, соглашайтесь ехать в Америку. У меня волосы дыбом — не поеду. Потом сообразили: надо вернуться обратно в бараки, только там нас могут найти Ян и его друг. Американцам ска-

зали: мы согласны ехать в Америку, но надо, дескать, фотографии взять. Нас отпустили, и мы пошли в лес к нашему барачку. Там и нашли нас наши мужчины...

Ян предлагает ехать в Бельгию, я категорично: нет. Тогда я с тобой в Союз поеду. Но Бельгия рядом, давай сначала ко мне, потом, когда война кончится, — в Россию. Так попала в Бельгию. Никогда не забуду, как приняли меня в семье Яна. Все — родители, брат — выбежали его встречать, а я стою в стороне, реву... Потом Ян говорит брату: «Это твоя сестра, люби ее, как меня». Мама его дочкой меня назвала. Очень хорошо мне у них было, но все равно — каждый день плачу, плачу. Потом заболела... А в 46-м году получила из дома первое письмо, хотя сама до этого писала каждую неделю. Пишут мои родные, что живут очень трудно, брат погиб еще в 43-м, отец — инвалид. В общем, одна надежда на меня.

Кинулась я в консульство, стала просить разрешения поехать на родину. Написала просьбу — никакого ответа, еще одну — опять без ответа. В 1948 году родился сын, Алекс. Так все и тянулось до 55-го года. Только тогда я первый раз в Союз выехала...

В это трудно поверить, но им, гражданам своей страны, выехать на родину было намного сложнее, чем попасть туда иностранцам. Конечно, можно было оставить мужа, ребенка и уехать одной (ребенка можно было забрать с собой только с разрешения мужа), чтобы уже никогда не вернуться, но могли ли они пойти на такой шаг?

Родина или ребенок? Это «или» даже трудно написать. И все же, все же, все же...

А на родине, с мыслями о которой они перенесли нечеловеческие страдания, их считали предателями, «невозвращенцами», и пондобилось долгих десять лет, прежде чем положение изменилось.

Около 4 тысяч советских женщин осталось после войны в Бельгии. Они вышли замуж за бельгийцев. Такую цифру мне назвала Вера Александровна Кушнарева — председатель Союза советских граждан, который был создан еще в 1945 году и объединил примерно тысячу человек. Я встречался с женщинами — членами Союза, записывал их рассказы и всякий раз убеждался в правоте Веры Александровны, которая при первой же нашей встрече сказала: «Знаете, они столько пережили, что хватит на многих. Жаль только, что на родине этого не знают. Не знают, что по всему миру разбросаны наши девочки, теперь уже бабушки, которые любят Россию, свой народ и живут не только своими детьми, но и встречами с Отечеством...»

Они разные, эти женщины. Веселые и грустные. Открытые и замкнутые. Разговорчивые и не очень. Самые драматические моменты их жизни уже далеко позади, но в глазах каждой загораются боль и смятение, едва разговор заходит о далекой родине, о близких.

ВСТРЕЧА ВТОРАЯ — НИНЕЛЬ

Нинель Георгиевна ФРАНЦЕВА — человек очень обязательный, пунктуальный и рассудительный. Стройная фигурка, большие глаза, короткая стрижка. Вся натура — сама энергия. Говорит напористо, громко, четко, на-

верно, потому, что Флорентин, ее муж, плоховато слышит.

— Освободили нас 4 мая, накануне Победы. Приехали за нами английские машины, надо было собираться и уезжать. Столько мы ждали этого часа, и вот он, наконец, наступил, а я с места сдвинуться не могу. Стою рядом с Флором, у ног чемоданчик, и не знаю, что делать. Он мне говорит: «Мне очень хочется, чтобы ты поехала со мной, но решать это ты должна сама». Машины уже уходят одна за другой, а я все стою и не могу решиться. Вот уже последняя машина осталась, из нее выскочила моя подруга Марийка, бежит ко мне, плачет: «Я все понимаю, будь счастлива!» Поцеловала меня и уехала. А он, Флор, только что переболел. Худой, всего 52 кг весил, вместо восьмидесяти. Сколько раз, бывало, он меня защищал, да и не только меня. И вот когда машины с нашими уезжали домой, я все это вспомнила и не смогла его оставить.

Привез он меня к себе домой в Берехте. Там жили его родители, уже совсем старенькие. Приняли они меня очень хорошо, потому что никого, кроме Флора, у них не осталось — все разъехались. Я за ними ухаживала, оба и умерли у меня на руках.

Не скажу, что нам легко жилось. Флор часто оставался без работы, потому что не умел хитрить, всегда говорил и делал то, что думал...

Как только Нинель Георгиевна получила возможность участвовать в выборах (для этого нужно было прожить в Бельгии десять лет), она тут же вступила в Компартию. Флор же давно был коммунистом.

Они бережно хранят ее первый довоенный советский паспорт с пожелтевшей фотографией, на которой — немножко смешная девчонка. Но в этом паспорте, помимо положенных надписей на русском и украинском языках, есть и немецкие слова вместе со штампами немецких комендатур. И номер, под которым ее везли в Германию.

Там, в неволе, они пели разные песни, в основном довоенные, но пели и те, которые сочиняли сами.

*Разве вы не знаете,
Соколы любимые,
Сколько горя девушкам
Принесла война...*

*С матерями старыми
И детьми малыми
Отдавали немцам вы
Наши города.*

Эти строчки — из обычного девичьего песенника, в который многие девчонки записывали любимые строки. Этот блокнотик, с которым Нинель Георгиевна жила в Германии, она хранит и сейчас.

Там, вдали от родины, они живут нашими радостями и тревогами, воспитывают в своих детях и внуках уважение к нашей стране. В годы «холодной войны» этим женщинам не раз приходилось сталкиваться с открытой неприязнью, враждебностью. Как их обрабатывали, предлагая немалые деньги, чтобы после поездок в Союз они написали «правдивую» статью о положении в стране. Предлагали и просто подписать готовую статью. Никто из них этого не сделал.

Каждая поездка в Союз, к родным — это праздник, ритуал, событие, к которому готовятся весь год. Это смысл жизни, второй по значению после вос-

питания детей. Собственно, вся их жизнь похожа на маятник: постоянно разрываются «между». Едва возвращаются из поездки, как сразу начинают готовиться к следующей. А когда идут в магазины, уже думают, что привезти родственникам. Так и живут — воспоминаниями о будущем...

Мы иногда говорим: «Человек не состоялся». Говорим с оттенком сожаления, недоумевая и как бы подчеркивая, что, дескать, все было сделано именно для того, чтобы он «состоялся» как личность, как профессионал. А если случается наоборот? Если были созданы все, абсолютно все условия, чтобы человек потерял себя, растворился в банальности бытия и жил бы на инстинкте, а он вопреки, наперекор обстоятельствам стал интереснейшей личностью, с обостренным чувством прекрасного, с собственным пониманием и восприятием мира? Все это я к тому, что во время войны у этих женщин были чужая страна, чужой язык, отсутствие друзей и работа на износ, до одури, до отупления.

После войны, когда, казалось, счастье улыбнулось им: любимый человек, желанные дети, дом... Дом, но опять же в чужой стране, и еще один, языковой, барьер. И новый, совершенно иной уклад семейной жизни. И каково было им, воспитанным советской школой, пионерской организацией, а многим и комсомолом, найти себя в этом укладе! (Кстати, подавляющее большинство женщин так и не нашли дорогу в церковь, несмотря на настойчивые попытки родителей и общества. Мужчины и в этом поддерживали своих жен.)

Казалось бы, все мешало им реализовать себя, в полной мере развить способности, которыми они были одарены от природы. И все же люди состоялись. А может быть, человек вообще становится «состоявшимся» не благодаря, а «вопреки»?

Окажись они в Союзе, многие смогли бы при их способностях получить высшее образование. Возможно, у них был бы более устойчивый социальный статус. Ну и что? Разве мы живем для того, чтобы стать врачами, академиками или артистами? Точнее только врачами, академиками или артистами. Ведь все это форма, которая «дышит» лишь в том случае, когда она озвучена содержанием — человечностью.

ВСТРЕЧА ТРЕТЬЯ — ЭЛЬЗА

Трудно предсказать, как сложилась бы судьба Эльзы Васильевны Ивановой, если бы не увезли ее из Ростова 6 октября 42-го года. Наверняка стала бы актрисой. Писала бы стихи...

Мы сидим за полночь в ее квартире. Она медленно листает свой дневник, который начала вести с 1 января 44-го года. Читает и плачет. Плачет и смеется: «Вот дурочка-то была!» Она вообще такая: живет и плачет. Плачет и... живет. И снова я слушаю ее взволнованный голос.

— Везли нас очень долго, целых три недели. Вагон был огромный, холодный, а в нем ни одной соломинки. Многие болели. В дороге ни разу не кормили, пищу добывали во время остановок. Привезли в лагерь, заставили раздеться догола и выстроили на плацу. Какие-то немцы ходили, осматривали нас как животных, в рот заглядывали. Распределили по бригадам и повезли в разные стороны. Я попала на фабрику в Кельн.

На территории стояли бараки, в один из них и впили нашу команду из 50 человек. Из барак на ночь не выпускали, внутри воздух был ужасный. Кормили нас так, что ни один нормальный человек это не то что есть — видеть не смог бы. А работа была тяжелая: надо было поднимать огромные чугунные блоки и сверлить в них дырки. Однажды мы с подругой забастовали. Объявили, что не будем заниматься мужской работой, и стали требовать нормального питания. Нас, конечно, тут же в карцер упрятали. Три дня мы там просидели, и после этого нас перевели на другую фабрику. А могли просто расстрелять...

Я думаю, рассказ об этих женщинах был бы далеко не полным, если обойти вниманием их мужей. Они особый разговор. Нашим женщинам нужно отдать должное: они выбрали себе в мужья добрых и порядочных людей. Были, конечно, и драматические ситуации. Полина Дмитриевна Вага — редактор журнала «Патриот» — рассказывала о случаях, когда наши молодые девушки приезжали с бельгийцами и те оставляли их недалеко от дома, а сами уходили, якобы предупредив семью, что прибыли с невестой. Уходили и... не возвращались. А девушки ждали. Потом уже выходили соседи: «Чего ты ждешь? Он ведь давно женат».

Не всегда было легко даже в своей родной стране и их мужьям-бельгийцам, только по той причине, что жена русская. Но никто из мужчин никогда не пожалел о своем выборе. Как правило, все мужчины — рабочие люди, честно трудившиеся всю свою жизнь. Большинство из них сейчас на пенсии. Очень многие знают русский язык, во всяком случае, все понимают, но говорить стесняются. Они с большим уважением относятся к деятельности своих жен в Союзе советских граждан, сопровождают их на собрания, правда, как правило, сидят в кафе, пока женщины обсуждают свои проблемы. Мужчины немногословны и не очень любят рассказывать о себе.

ВСТРЕЧА ЧЕТВЕРТАЯ — МАРИЯ

И опять я слушаю. На этот раз Марию Ивановну Дудкину. А рядом сидит Йозеф — муж — и изредка уточняет месяц или дату того или иного события. На тумбе в углу большая фотография четырех внуков: Тамара, Вера, Иван и Эдит. Ребята уже взрослые. И рядом снимок их мамы — молодой и очень красивой Аник, которая не просто воспитывает четверых детей, но и еще находит время по вечерам учиться.

— На фабрике в Германии я познакомилась с Йозефом — нас поставили толкать вагонетку с какими-то железками. Катаем мы эту вагонетку, разговариваем и так привыкли друг к другу, что, когда меня хотели на другую работу перебросить, Йозеф сказал, что без меня он работать не будет.

Бельгийцам, конечно, лучше жилось, чем нам, тут и сравнивать нечего. Им и деньги платили за работу, и посылки разрешали получать. Когда Йозефу мать присылала кофе, сигареты, он все это продавал и покупал нам продукты. В общем, бельгийцы здорово нам помогали, если бы не они — нам не выжить.

Меня часто спрашивают, не жалею ли, что свои лучшие годы прожила в чужой стране. И мне всегда очень трудно ответить однозначно. Сказать, что жа-

лею — значит обидеть любимого человека, который в самое тяжелое время был рядом. Нет, в определенном смысле я счастлива, но... все время не хватает Родины.

Мария Ивановна на каждый праздник вывешивает на своем доме красный флаг. Соседи, конечно, поначалу удивлялись: что это за праздник? А однажды случилось так, что на 7 ноября лил сильный дождь, и Мария Ивановна решила переждать непогоду, а уж потом повесить флаг. Но вскоре пришли взволнованные соседи: «Что случилось, Мария? Почему нет флага?»

— Уже Аник было 4 года, как я заболела. Худею, плачу с утра до вечера. Худеющая стала — 48 кг. Пошла к врачу, а он говорит: «Приходите с мужем». Пришли вдвоем, доктор сказал Йозефу, что у меня особая болезнь — тоска по Родине. Хорошо хоть с 46-го года стала получать письма из дома. Иначе совсем пропала бы.

Многим из них до первой поездки домой врачи ставили такой диагноз — тоска по Родине.

Невозможно написать о судьбах всех женщин, с кем довелось мне встретиться в Бельгии. Хотелось хотя бы немножко сказать об О. Л. Барановой, Н. Л. Бортниковой, Е. Л. Камышацкой, Т. П. Кисленко, Н. П. Кирилловой, Л. Е. Кравченко, Е. Г. Куян, З. А. Литвин, П. П. Луговенко, Е. Е. Морозовой, В. И. Олифиренко, Н. И. Поповой, Н. Л. Рыбальченко, Л. В. Слепцовой, М. Е. Хмельницкой, Л. С. Хотимченко, О. Н. Цымбал, К. И. Чернецкой, Л. Н. Чербаченко, М. А. Шеремет, В. С. Яхоновой и многих других. Но разве хватит на это журнальной полосы?

В этом материале я рассказал о женщинах из Бомского, Антверпенского, Синт-Никласского отделов Союза советских граждан. А есть еще Льеж, Шарлеруа и другие города. Но слишком коротки были встречи. Есть там еще и наши мужчины. Есть участники Сопротивления. Есть красные звезды и русские фамилии на буках в Арденах, на кладбищах кресты с русскими фамилиями, а иногда только с именами, а то и вовсе с одним словом: «неизвестный». Много есть в этой маленькой и красивой стране. В которой живет много советских людей. Но это темы следующих статей. А пока о женщинах. наших соотечественницах. наших.

Около четырех тысяч девушек осталось после войны только в одной Бельгии. А сколько всего по белу свету? Кто ответит?..

ОТ РЕДАКЦИИ

Мы, конечно же, понимаем, что война — это война. Всяко и всякое могло быть. По разным причинам люди не возвращались домой. Кто по своей воле, кто из страха. А кто и в силу различных жизненных обстоятельств. Всякое могло быть и было. Не случайно только четвертая часть оставшихся вступила в Союз советских граждан и имеет наши паспорта. Поэтому, быть может, вы, уважаемые читатели, сможете продолжить разговор на эту тему. Быть может, те из вас, кто оказался в годы войны в аналогичной ситуации, сможет найти в себе силы еще раз вспомнить пережитое, взять ручку, бумагу и написать нам в редакцию. Конечно, вспоминать тяжело и больно. Но во имя того, чтобы люди как можно больше узнали о том времени, надо. Во имя наших детей.

Ждем ваших писем.

В этом городе удивляет многое. Но о чем рассказать в первую очередь? О созданном здесь молодежном жилом комплексе — одном из лучших в стране? О детских городках, повторяющих в дереве мотивы русских народных сказок? О тайге, что начинается возле подъездов домов?..

В начале семидесятых — а некоторые утверждают, что еще раньше — прошел по кежемским селам слух, будто пора прощаться с привычным, устоявшимся укладом жизни, грядут невиданные перемены. Так и вышло. На Кодинской заимке, что в 458 километрах выше устья Ангары, в 1974 году высадился первый десант гидростроителей.

Тысячи верст отделяли Кежемский район от работавших уже на полную мощность Иркутской, Братской и Усть-Илимской ГЭС, однако и в здешних приангарских селах «аукнул» гидростроительный размах: зацвела, замутилась некогда прозрачная речная вода, стала исчезать рыба. Но как самую главную беду восприняли люди известие о затоплении родных мест. Никто не мог представить, что очень скоро, через какие-то несколько лет, их дома, могилы отцов навсегда уйдут под воду...

В Кодинске нет краеведческого музея. Но есть фотолетопись города. Приглашая меня в гости, кодинцы доставали увесистые семейные альбомы. Разумеется, каждый раз это была своя, неповторимая история любви, жизни. И все же было во всех этих, ничуть не похожих архивах нечто общее — в каждом из них с одинаковой бережностью хранилась история не только своей собственной, но и общей судьбы.

В память о 25-лети «Братскгэсстрой» кавалер ордена Ленина плотник-бетонщик Владимир Николаевич Хмелинин среди прочих «торжественных» снимков хранит фотографию «мальчишника», где он исполнил любимую песню молодости — «Прощание с Братском». И заработал, разумеется, главный приз самодеятельного конкурса — большой сладкий пирог.

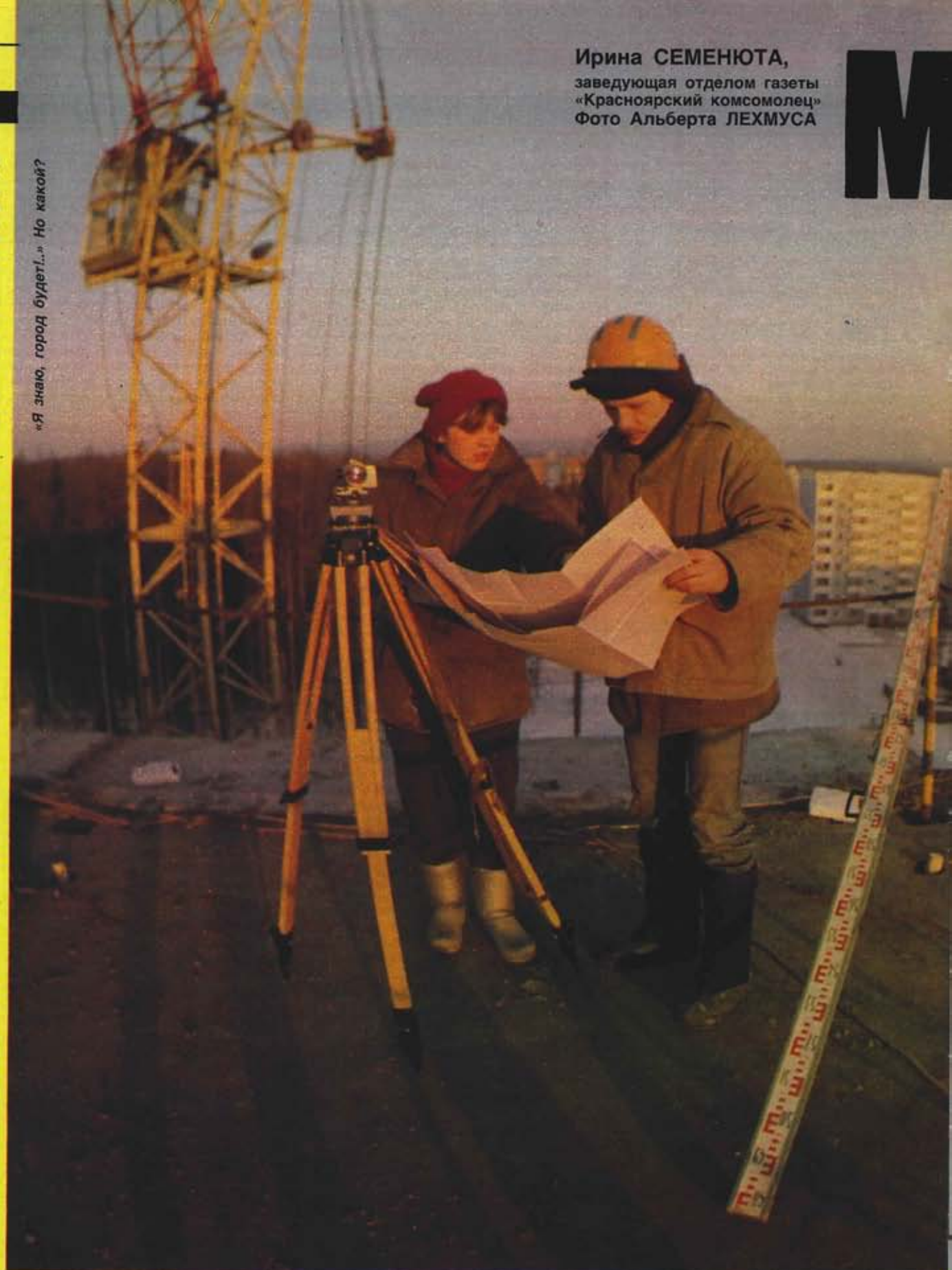
Владимир Николаевич относит себя к числу людей, чья жизнь на этой земле удалась. «Мне повезло, — говорит он. — Я молодым попал в «Братскгэсстрой», и там сделали из меня человека».

Таких, как Хмелинин, прошедших Братск, Иркутск, Усть-Илим, в Кодинске немало.

Но много и тех, для кого Богучанская ГЭС — первая в жизни.

Двенадцать лет назад приехали из Джезказгана Владимир и Валентина Ширяевы. Приехали, когда города не было и в помине, а на левом берегу вырос лишь небольшой временный поселок гидростроителей. В поселке этом не нашлось подходящего жилья, и Ширяевым пришлось поселиться на частной квартире, в деревне Проспихино, в 18 километрах вверх по Ангаре. Потом неподалеку от поселка они купили маленький домик, к которому Владимир пристроил еще одну комнату, отчего дом стал походить на паровоз.

Владимир Сергеевич рассказал мне об этом, тоже листая семейный альбом. Вот его бригада повезла первый грунт с будущего котлована. Вот первый кубометр бетона, уложенный в тело плотины, — снимок сделан сыном Игорем, плотником-бетонщиком; вот начало строительства дороги в город; закладка фундамента под первый жилой дом.

«Я знаю, город будет!..» Но какой?

Позже в Кодинск приехало сразу несколько семей — родственники Ширяевых. И к другим новоселам приезжали друзья и родственники, чтобы прочно обосноваться в этом молодом таежном городе.

Семья Юрия, Николая и Василия Назарчуков — из Козульки, небольшого районного центра в Красноярском крае, где и по сей день живут их родители и где не хуже, чем у других людей, складывалась их жизнь. Они работали, учились, обзаводились семьями. Как будто все устраивало во внешне благополучном течении жизни, ее размеренном ритме. И никто не мог подумать, что небольшая заметка в районной газете, сообщавшая о формировании на строительстве Богучанской ГЭС ударного комсо-

мольского семейного отряда, так круто изменит их жизнь.

Счастливы и дружно живут в Кодинске эти молодые семьи. Скоро справят новоселья в благоустроенных квартирах, которые сегодня сами строят, став членами Молодежного жилого комплекса. Василий и Юрий в МЖК незаменимые специалисты. Делают двери, оконные рамы, мебель... Юрий к тому же оказался прекрасным организатором — возглавляет коллектив в 160 человек, в котором отрабатывают кандидатский стаж в МЖК новички.

Тесно в двух крошечных комнатах общежития, где сейчас живут сразу три семьи. Но я всегда с радостью прихожу в этот дом.

Так ли часто идут навстречу, пони-

мают друг друга, стремятся быть вместе даже очень близкие по крови люди? Ныне большие семьи — редкость, а ведь вместе с ними уходят в небытие основы чего-то человеческого, теплого, настоящего, с этими невосполнимыми потерями меняемся и мы, все с большей очевидностью ощущая в себе разлад с окружающим миром. Много бед вносит в нашу жизнь этот разлад.

Из пожелтевшего целлофанового пакета Юра достает пачку фотографий. Первые месяцы жизни в Кодинске: семейный отряд «Эксперимент» всем составом вышел на субботник, сажает деревья возле своего общежития. Рядом с фотографиями молодых парней в касках на фоне каких-то бетонных сооружений и вы-

МЛЛЦОННЫ В ВОДУ

кому уже за сорок, а начальникам управлений — и все пятьдесят. Более того, на эти должности зачастую приглашают специалистов со стороны.)

...Да, строительство Богучанской затягивается. Возьмем нынешний год: план финансирования предусматривал выделение 94 миллионов рублей, а получена только половина. В 1989 году плановая цифра увеличивается более чем в два раза, но нет никакой гарантии, что и на этот раз все необходимые средства поступят в распоряжение строителей. И так ежегодно: освоив выделенные средства за 6—8 месяцев, стройка оказывается на «голодном пайке».

— Знаете, — сказал мне один молодой рабочий, — я никогда не отправляюсь в магазин за покупкой без необходимой суммы денег. Так почему же руководящие товарищи затевают огромную стройку, не рассчитывая на содержимое министерского «кошелька»? Почему вынуждают нас, рабочих, трудиться в долг, по два-три месяца не оплачивая работу?

Надо сказать, что подобная необязательность характерна для Минэнерго СССР. Настаивая на строительстве все новых и новых объектов энергетики в Сибири, оно таким образом создает заделы на будущие годы. Казалось бы, хорошая черта — забота о завтрашнем дне. Но только не в нашем случае. Уже сегодня в единой энергосистеме Сибири «заперто» пять миллионов киловатт избыточных мощностей. И эта цифра, близкая к мощности огромной Крас-

человек в очереди на получение квартир стоят около 4 тысяч семей, более тысячи малышей ждут мест в детские дошкольные учреждения. В социальной сфере необходимо ежегодно осваивать около 20 миллионов рублей. Выделяется — в пять раз меньше.

(Мне рассказывали, с какой надеждой ожидали здесь, в Кодаинске, проекта Основных направлений социально-экономического развития СССР до 2000 года. И как были разочарованы, прочитав строки, которые ничем не обнадежили: «...продолжить строительство Богучанской ГЭС...» А когда же — «завершить»?!)

В чем причины подобной ситуации? Каким образом и почему Богучанская оказалась в положении падчерицы? Ведь нельзя же всерьез воспринимать расходы пересуды, что, дескать, энергия этой ГЭС никому не нужна — потому стройку и замораживают.

Не от переизбытка электроэнергии в стране — из-за серьезных просчетов во всем отечественном гидростроении страдает эта стройка. В ее судьбе, как в капле воды, отразились общие проблемы, беды.

Год назад старейшие советские гидростроители и гидротехники обратились с письмом в Центральный Комитет партии. Они честно и мужественно говорили об ошибках, верхоглядстве, на протяжении десятилетий допускавшихся в проектах, планировании и строительстве гидростроительств. Нарушена экология, загублены реки, миллионы гектаров плодородных земель, а сколько осталось под водой культурных ценностей?

Однако опытные специалисты, построившие не одну станцию, резонно предостерегают от очередного «шарахания», доказывают, что при грамотном решении гидротехнических проектов, четкой, продуманной до мелочей организации труда, объективном подходе к экологическим вопросам осложнений всяческих можно избежать. И не национальным бедствием, а национальным достоянием, гордостью могут стать будущие ГЭС.

Зачем, почему едут люди на большие стройки? Заработать большие деньги? В надежде найти настоящих друзей, устроить личную жизнь? Но отчего подчас собирают чемоданы даже те, кто на первый взгляд живет вполне обеспеченно, благополучно? Какое особое счастье ищут они в таких городах, на таких стройках?

Хмелинин, супруги Ширяевы, братья Назарчуки — все, с кем я встретилась в Кодаинске, помогли ответить на вопрос.

Романтика, очищенная от шелухи иллюзий, не покинула сердца этих людей. Дорога к ней нелегкая, через разочарования и сомнения — это путь к познанию мира, к познанию себя.

Мы сейчас много говорим о конечном результате. Не только материальной, но и нравственной ценности его. Построить город, ГЭС — кажется, что может быть весомее? Ну, а каков же результат четырнадцатилетнего строительства, четырнадцатилетнего мытарства? Семьи, что годами ютятся в общежитиях и не имеют никаких надежд на улучшение жилищных условий. Магазины, с прилавков которых исчезают уже не только молоко, фрукты, овощи, но даже макароны, подсолнечное масло, хлеб. Очереди в поликлинике, койки в больничных коридорах, проблема с детскими садами...

Вот он — один из «семейных отрядов».

сотного подъемного крана — коричневые, очень плохого качества маленькие карточки. Юра сказал: «Это — Афганистан. Я служил там два года».

...Но оставим семейные альбомы. Вернемся из прошлого в настоящее. Строительство Богучанской ГЭС идет уже 14 лет, а преодолен лишь первый основной этап — в октябре прошлого года в створе станции перекрыта Ангара. За эти годы при сметной стоимости строительства в 2 миллиарда рублей освоено 564 миллиона — четвертая часть! Через два года, в 1991-м, должны пустить первые три агрегата, но нет никакой уверенности в том, что дату эту, как и дату перекрытия реки, не перене-

сут еще на несколько лет. Строителей серьезно волнует вопрос о перспективах дальнейшего развития региона. Ведь от этого напрямую зависит судьба города, его будущее. Если в непосредственной близости от Кодаинска не окажется крупных промышленных объектов, лет через двадцать, а может, и раньше, он неизбежно состарится, превратится в город пенсионеров, как это уже случилось с Дивногорском и очень скоро произойдет в Черемушках, с такой любовью созданных строителями Саяно-Шушенской ГЭС. (Вот еще такой факт настораживает: средний возраст жителей Кодаинска — 26 лет, а среди руководителей стройки людей такого возраста мало. Среди начальников участков в основном те,

ноярской ГЭС, по свидетельству компетентных специалистов, будет расти. Та же Богучанская ГЭС добавит три миллиона киловатт, энергоблоки одной только Березовской ГРЭС-1 на КАТЭКе — 6,4 миллиона киловатт, Курейская ГЭС — 480 тысяч киловатт. На очереди Средне-Енисейская и Туруханская станции, строительства которых упорно требует Минэнерго. Так не целесообразнее ли создавать системы для транспортировки электроэнергии в другие энергоемкие регионы страны? Тот же Кодаинск зимой 1985 года оказался на грани эвакуации лишь потому, что маломощная ЛЭП-110 была перегружена.

...Ну а как теперь живут кодинцы? В городе с населением в 15 тысяч

Это — правда. Но вот народный судья Кординска Павел Николаевич Кадочников рассказывает мне, что с каждым годом в городе уменьшается число правонарушений. Кординск сегодня чист от разного рода бродяг, сомнительных элементов, от контингента, типичного для больших строек и от которого нет спасения в других северных городах — Норильске, Байките, Дудинке...

В позапрошлом году к уголовной ответственности за тунеядство в Кординске привлечли всего трех человек. В молодежном городе не рассматривалось ни одного дела по наркомании и проституции. И сами кодинцы не без удивления признавались, что в течение долгого времени здесь не было драк, откровенно жестоких поступков.

Вот бы приехать сюда за опытом «отцам» Моршанска, Казани, Воркуты, Якутска...

Рисуя портрет этого города, не обойтись одним цветом. Ведь тот же эксперимент с «семейным отрядом», что называется, не от хорошей жизни возник. Всесоюзные ударные «холостяцкие» отряды себя дискредитировали: на Богучанской ГЭС от них отрещивались обеими руками...

В Кординске молодоженам сразу же давали комнату в общежитии гостиничного типа. Об этом говорилось в первых строках договора. А вот между строк молодым все же предлагалось повременить с приобретением семейства: ведь никаких гарантий ни на улучшение жилищных условий, ни на места в детские сады на стройке, разумеется, дать не могли.

Что оставалось молодым строителям — ждать «у реки погоды»?

Они решили действовать. Создали МЖК, Совет молодых специалистов. Они почувствовали: именно здесь — выход на конкретный результат. И потому им, кодинцам, честь и хвала за МЖК, турклуб «Искра», за детские городки в жилых кварталах.

Все это говорит о нравственном здоровье молодого города.

Известно, что сейчас пересматривается вопрос о финансировании непосредственно Богучанской ГЭС.

Проясняется обстановка и с промышленным строительством: уже в 1991 году закладывается мощный ЛПК (его стоимость будет превышать стоимость гидростанции), рассматриваются возможности сооружения здесь крупных предприятий, в частности, тех, что будут перерабатывать руды Тагаринского месторождения.

Конкретность в судьбу города вносит и еще одно чрезвычайно важное известие: Кординск становится райцентром.

Но крутятся, крутятся в душе слова некогда популярной песенки: «Рядом с добром уживается...» Вольно или невольно в силовое поле гидростанции вовлечены тысячи молодых судеб. Как сложатся они?

До сих пор не найдена общая точка зрения по поводу строительства на правом берегу, рядом с будущим промышленным узлом, города на 250—300 тысяч жителей. Всем ясно, что в интересах экологии новостройку лучше перенести на левый берег, в Кординск. Но на правом берегу уже работают изыскатели...

А затопленные села — отчие дома, могилы отцов и дедов? Они ведь тоже на нашей совести. Мы решаем судьбу Ангары — и ох как боимся ошибиться вновь. Сомневаемся, спорим, доказываем — нет больше права на ошибку.

...А самолеты летят и летят в Кординск.

В прошлом веке за оскорбление вызывали на дуэль. Или публично хлестали по физиономии. Сегодня единственным, что может сделать Сергей Звонов, — обратиться в суд. Это я ему настоятельно и советую. Так как редакция многотиражной газеты «Транспортник», оскорбившая Сергея, вряд ли напечатает извинение за свою публикацию — она без подписи, но у меня нет сомнений, что тут приложил «опытную» руку редактор Ю. П. Пискунов.

А началось все весной прошлого года, когда двадцатитрехлетнего шофера С. Звонова выбрали директором единственного в городе Иваново таксопарка. Подробно о выборах и последовавших затем событиях я рассказал в статье «Доверять ли молодым?» («Смена» № 3, 1988 год). О молодом руководителе писали также «Комсомольская правда», «Собеседник», областные газеты «Ленинец», «Рабочий край». Ни один — и это надо отметить — журналист не считал, что Звонов моментально поправит сложившееся в таксопарке плачевное положение. Мы знали: опыта управления предприятием у Сергея нет, а ворох доставшихся в наследство проблем столь велик, что трудно рассчитывать на быстрый успех. Тем более непосредственные руководители молодого директора приняли незапланированный исход выборов, мягко говоря, без восторга. Но позиция Сергея, его программа вызвали уважение и надежду.

В прошлой статье я уже рассказывал о тех неблагоприятных психологических условиях, в которых оказался молодой лидер. Больше всего меня удивило отношение к нему газеты «Транспортник». Вскоре после выборов она публикует статью редактора — развязную, выдержанную в иронически-неуважительном тоне. Новый начальник еще не успел приступить к исполнению обязанностей — стало быть, еще не мог ничего совершить, — а редактор Ю. П. Пискунов уже объявляет «поспешность с выборами» ошибкой! На каком, собственно, основании? — спрашивал я в статье «Доверять ли молодым?». Вместо объективного анализа событий газета начала бестактно копаться в биографии молодого руководителя: факты в статье редактора приводились вроде те же, что в «Ленинце» или «Смене», но как они были преподнесены! Сначала я подумал, что статья написана под нажимом «сверху», но столько было в ней необъяснимой личной неприязни... Необъяснимой уже потому, что редактор практически не был знаком с Сергеем, после выборов с ним не встречался, не разговаривал, хотя время у него имелось. Журналистская этика подобного не допускает. Надо ли говорить и о том, что незачем ставить человеку подножку в самом начале пути?

В ответ на критику в «Смене» Пискунов напечатал в своей газете опровержение размером в полосу — этот номер он любезно прислал в редакцию вместе с сопроводительным письмом на имя главного редактора журнала. В письме Юрий Павлович выражал сомнения в моей «журналистской порядочности».

Опровержение не столько огорчило или обидело меня, сколько повеселило: уж очень оно было неуклюже, непрофессионально написано. Не составляло ни малейшего труда уличить «опровергателя» в неточностях, передержках, а то и в откровенной лжи. Мы не стали заводить полемику с Пискуновым на страницах «Смены», но ответ на опровержение, в редакцию «Транспортника» направили — как положено. Поскольку опубликован он не был, придется мне цитировать самого себя. Чтобы не быть голословным.

«Вы спрашиваете, — писал я Пискуно-

ву, — «что плохого в том, что многотиражная газета во время выборов руководителя одного из производственных подразделений знакомит с биографическими данными кандидата? Даже если и характеристику ему дает? Отрицательную, по мнению «Смены?»»

Во-первых, не во время, а после выборов. Разница существенная. И не кандидата, а начальника. После драки, как говорится, кулаками не машут. Здесь бы не торопиться с публикацией, а подождать, посмотреть, как молодой начальник проявит себя — об этом, собственно, и говорилось в моей статье «Доверять ли молодым?»

Во-вторых, логично было бы (если, конечно, «во время выборов») познакомить читателей со всеми кандидатами, а то они вправе обидеться, почему лишь один кандидат удостоился такой чести. Чего проще? Взяли бы в отделе кадров биографические данные всех претендентов...

В-третьих, очень важно, в каком тоне дается характеристика. Одни и те же слова, Юрий Павлович, могут иметь совершенно разный смысл — все зависит от интонации, контекста, авторской позиции. Вот вы деланно удивляетесь: почему бы мне не упрекнуть и «Собеседник», крупным шрифтом опубликовавший тот же факт, что Звонов работал дворником? Но статья в «Собеседнике» написана с симпатией к Звонову.

Вот вы деланно удивляетесь: почему бы мне не упрекнуть и «Собеседник», крупным шрифтом опубликовавший тот же факт, что Звонов работал дворником? Но статья в «Собеседнике» написана с симпатией к Звонову.

к 70-летию ВЛКСМ. Сверху, под шестью орденами комсомола, — «шапка»: «След комсомола на земле сияньем орден-ов отмечен». Ниже — рубрика «На трибуну пленума ЦК ВЛКСМ». Под рубрикой публикация — «С. Н. Звонов о себе».

...Нет, тут мне надо сделать перерыв, отложить ручку, чтобы случайно не излить на бумагу слова, которые хочется сказать организатору этой подборки...

Так вот, под броской «шапкой» газета публикует... автобиографию Сергея, взятую из его личного дела в объединении «Ивавтотранс», разумеется, без ведома Звонова. Причем — для вящей убедительности, что ли? — тут же помещает фотокопию автобиографии! Я лишен возможности до конца объяснить читателям, что больше всего возмущает в этой публикации, ибо мои по-

нятия о порядочности расходятся с понятиями редактора многотиражки. Приведу лучше выдержки из письма, направленного Ивановским обкомом комсомола первому секретарю обкома КПСС М. А. Князюку:

«...Наиболее неприглядный шаг «Транспортник» совершил накануне юбилея комсомола в номере от 25 октября 1988 года. Центральный материал разворота, который многотиражка адресовала 70-летию комсомола, вновь посвящен обсуждению биографии С. Н. Звонова. Манера подачи материала, а также методы, которыми пользовалась редакция при его подготовке, не могут не вызвать удивления... Примечательным по своей сути является примечание, адресованное газетой ЦК ВЛКСМ. Не решившись или не захотев своевременно и полностью опубликовать ответ из журнала «Смена», многотиражка спустя длительный срок пытается опровергнуть его... Использование моментов автобиографии Звонова, которые касаются лишь его самого и его семьи, мы считаем не только нарушением норм журналистской этики, но и попранием прав личности, гарантированных Конституцией СССР. Газета «Транспортник» выступает сейчас как коллективный дезорганизатор и дестабилизатор обстановки в ПАТП № 2. Обком ВЛКСМ считает, что данным фактам необходимо дать принципиальную партийную оценку, так как они противоречат нормам партийности и советской журналистики».

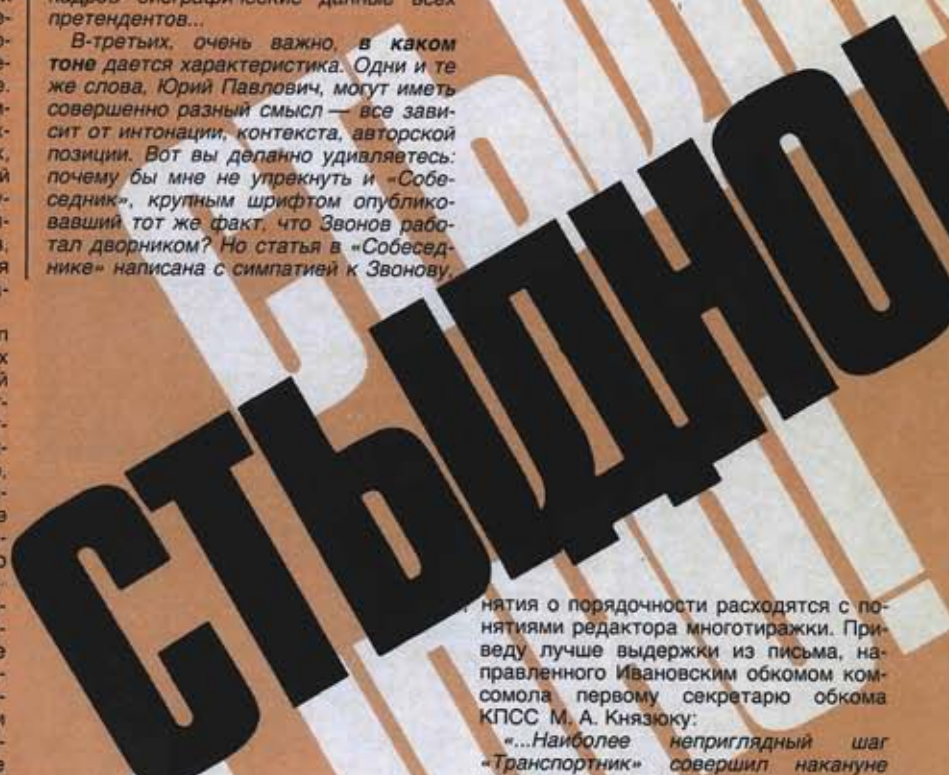
О каких трех вопросах идет речь в письме? Редактору показалось недостаточным обнародовать автобиографию Сергея и ее фотокопию. В редакционном комментарии снова делаются беспомощные, непрофессиональные попытки раскритиковать «Смену», «Комсомольскую правду», «Ленинец», а за-

в «Транспортнике» — с плохо скрытым раздражением. Вчитайтесь в свое произведение: «дифирамбы Звонову», «хвалебные речи», «мало что можно добавить к характеристике Сергея Николаевича Звонова», «папин гараж»... Какую крамолу, спрашиваете вы, усмотрел я в «папином гараже»? Даже не ловко объяснять... Для сравнения, чтоб было лучше понятно: и такие выражения, как «папенькин сынок», формально нейтральные (у каждого есть — или был — отец). Но разве, услышав такую характеристику, мы ошибемся в ее истинном смысле? Так и тут. Назови вы организацию, которой принадлежит гараж, не было бы никаких вопросов».

Поясню читателям: Звонов одно время работал автослесарем в гараже, которым завладел его отец. Ну, и далее — в том же духе. Полностью привести свой ответ, к сожалению, не могу: он занимает пять страниц машинописного текста, — задав же мне работенку Юрий Павлович!

Я б не стал сейчас вспоминать ту историю, если бы не очередной «пассаж» «Транспортника», продолжающего травлю — иного слова не подберу — Звонова.

В конце октября газета печатает двухполосную подборку материалов

одно и Звонова. (В частности, газета сообщает, что получила от меня «почающее письмо», но ни строчки из письма не приводит!)

Еще один показательный штрих. По просьбе «Транспортника» обком комсомола назвал комсомольцев-автотранспортников, удостоенных юбилейного знака «70 лет ВЛКСМ». Три фамилии из восьми, в том числе и Звонова, опубликованы не были. Не хватило места?.. Нет, скорее другое: появление заметки «Удостоены юбилейного знака» с фамилией Сергея делало бы все остальные «посвященные» ему материалы и вовсе непристойными. Ну, а двух других товарищей сократили для отвода глаз, дескать, не его одного.

А теперь те самые три вопроса «Транспортника»:

1. Видит ли ЦК ВЛКСМ принципиальные расхождения в толковании биографических данных С. Звонова многотиражной газетой и молодежными изданиями?

2. Не допускают ли ошибок издания ЦК ВЛКСМ, полагая, что их редакциям виднее положение дел на местах, чем газетам самих трудовых коллективов?

3. Неужели наша страна так бедна молодыми лидерами, что приходится поднимать на щит всесоюзной славы людей, ничем не проявивших себя в настоящем деле?

На первый вопрос ответить не могу, не уполномочен.

По второму скажу, что через черные очки и вблизи немного разглядишь.

Что же касается третьего... Конечно, не бедна страна молодыми лидерами. Но сегодня, например, приходится снова говорить о Сергее Звонове лишь потому, что надо же как-то защитить его от таких людей, как вы, Юрий Павлович, сующих палки в колеса, не брезгующих никакими методами, чтобы опорочить человека, всячески мешающих ему «проявить себя в настоящем деле». Кстати, едва Звонов задумал интересное дело — организовать на базе таксопарка государственный кооператив, — как ваша, Юрий Павлович, газета моментально обрушилась на него: мол, что это за чушь — государственный кооператив?! Не может и не должно такого быть!

И снова газета попала впросак. Через несколько дней после ее разгромной статьи «Правда» публикует корреспонденцию об организации государственного кооперативного предприятия в 21-м московском таксопарке. Оказывается, смешанная форма собственности имеет-таки право на жизнь! Не забывайте, Юрий Павлович, что идет перестройка, люди ищут новые формы работы, так не мешайте им хотя бы.

Для сведения (а то уже ходят слухи, что Звоновым вся пресса куплена): Сергей не обращался в редакцию ни с какими жалобами. О публикации в «Транспортнике», позорящей наш журналистский корпус, я узнал от инструктора обкома комсомола Дмитрия Белова. Он постоянно держит меня в курсе событий в таксопарке, а в тот раз позвонил, чтобы просто излить негодование. Потом, посоветовавшись в редакции, мы решили, что мимо такого факта проходить нельзя. Между прочим, я как раз собирался в Иваново — не «прославлять» в очередной раз Звонова, а рассказать о конкретных переменах, происходящих в коллективе, конкретных делах (а они есть!) и проблемах. Жаль, что пришлось на время отложить командировку и писать вышеизложенное...

Редакция надеется, что принципиальная оценка действиям «Транспортника» будет дана не только на страницах «Смены».

Владимир АНИСИМОВ, заведующий отделом рабочей молодежи и науки

«Главная государственная морская инспекция (ГГМИ) Министерства морского флота СССР, обсудив статью специального корреспондента журнала «Смена» тов. Каленикина «Оборвавшийся круиз» (№ 16), считает, что в статье правильно затронуты вопросы, касающиеся обеспечения безопасности пассажиров на судах ММФ. В целях предотвращения в дальнейшем подобных случаев приказом министра морского флота СССР определены широкие организационные и технические мероприятия, направленные как на профилактику возникновения пожаров, так и на организацию борьбы по их ликвидации».

Предусмотрено проведение конструктивных изменений на некоторых пассажирских судах, усилены требования в части подготовки экипажей к борьбе за живучесть судов. Во всех парходствах вводятся в действие специальные учебно-тренажерные суда, на которых будут отработываться практические действия по борьбе с водой, пожарами, по спасению людей.

В то же время хотелось бы обратить внимание на три момента в статье. Автор высказывает мнение, что «пассажирам нет никакого дела до причин пожара» и что «человеческую беспечность исключить нельзя». Мы считаем, что первопричина пожара не «трагический курьез» и не беспечность, а явное преступное пренебрежение пассажирами противопожарной безопасностью, приведшее в конечном итоге к гибели людей и судна. Все должны знать, что даже обыкновенный бытовой электрокипятильник, используемый в нарушение существующих требований, может явиться причиной трагедии.

«Анекдотичное», по мнению автора, сообщение ТАСС о способствовании баллонов с газом для зажигалок и аэрозолей интенсивности возгорания подтверждается компетентными специалистами, а обшивка кают на судах этого типа и окраска, как известно, горят интенсивно.

И, наконец, Регистр СССР. Имеются все основания считать, что Регистр СССР имеет четкое представление о техническом состоянии флота, так как любые мероприятия в отношении техсостояния судов согласовываются с ним. И сила Регистра СССР не в независимости, а в объективности и принципиальном исполнении возложенных на него обязанностей по Государственному техническому надзору за морскими судами.

В. М. НЕХОРОШЕВ, начальник Госморинспекции».

ОТ РЕДАКЦИИ. Итак, Минморфлот СССР намерен предпринять меры, дабы «предотвратить в дальнейшем подобные случаи», то есть гибель людей. Но как не задаться вопросом: почему же он раньше, до последних трагедий об этом не позаботился? И как понимать такие слова: «предусмотрено проведение конструктивных изменений на некоторых пассажирских судах...». Что за изменения, когда они произойдут, на каких «некоторых» судах?.. Читатели хотели знать только одно: способен ли морфлот гарантировать безопасность плавания? Увы, об этом В. М. Нехорошев не обмолвился. Да и вообще письмо начальника Госморинспекции настораживает: дескать, во всем повинен пассажир. Да, вина Евгения Дубинина доказана, но все же давайте трезво смотреть на вещи. Электрокипятильниками люди пользовались и будут пользоваться, пока на отечественных судах сервис низкого уровня. Если Минморфлот СССР так обеспокоен этим вопросом, то почему бы не

обеспечить все суда электрокипятильниками с термовыключателем? Неужели министерство всерьез рассчитывает только на запретительные меры, убеждено в их эффективности?

Вызывают недоумение и такие строчки ответа: «обшивка кают на судах этого типа и окраска, как известно(!), горят интенсивно...». Нужны ли тут комментарии?

Как установили эксперты из Ленинградского высшего морского училища имени адмирала С. О. Макарова, у морского флота нет рекомендаций по ликвидации паники; не установлены взаимоотношения капитана с иностранными береговыми бригадами, командами; нет нормативной документации, которая определяла бы действия экипажа в экстремальных ситуациях...

Экспертами отмечена и такая «мелочь»: члены экипажа на судне расселены неравномерно, и гибли молодые люди именно там, где отсутствовали представители команды «Приамурья». Есть над чем подумать.

Что же касается Регистра СССР, то по-прежнему считаем: его необходимо вывести из подчинения Минморфлота СССР. У нас нет доверия к ведомственному контролю, ведомственным инспекциям, экспертизам, проверкам. Слишком дорого они нам обходятся. Вот мнение старшего следователя по особо важным делам при Генеральном прокуроре СССР Владимира Лысейко, который занимается транспортными делами:

— Редакция правильно ставит вопрос. Регистру надо быть самостоятельным органом с соответствующими правами, полномочиями. Ведь Госавианадзор СССР не подчиняется министерству гражданской авиации, он работает при Совмине СССР. Коль зашла речь о безопасности, то выскажу и такое мнение: ответственность за безопасность пассажиров должен нести и «Спутник» — он обязан добиваться, чтобы суда должным образом подготавливались к плаванию, выставлять Минморфлоту, парходствам свои претензии, наказывать их рублем за невыполнение обязательств... И пора бы отказаться от порочной практики экономии на собственных туристах — не отправлять их в плавание на самых плохих судах...

Редакция от имени своих читателей обращается к Совмину СССР: мы просим рассмотреть вопрос о выводе Регистра СССР из-под ведомственной опеки Минморфлота.

И последнее. У нас нет оснований сомневаться в профессиональной компетенции В. М. Нехорошева, но, принимая во внимание серьезность проблемы, рассчитывали узнать мнение министра Ю. М. Вольмера. Или для него одиннадцать погибших — не заслуживающий внимания и времени нюанс? Какие же нужны человеческие жертвы, материальные убытки, чтобы миллионы наших читателей услышали мнение товарища министра или его заместителя?

Министерство здравоохранения СССР в связи с публикацией «Дитя с нимбом» (№ 14) сообщает следующее.

Острые проблемы охраны здоровья женщин и детей возникли из-за многолетнего недостаточного внимания к этому важнейшему направлению здравоохранения. Дефицит акушерских коек в стране составляет более 25 тысяч. В ряде акушерских стационаров не созданы элементарные условия для женщин и новорожденных. Многие акушерские стационары переуплотнены в 1,5—2 раза.

В настоящее время принимаются

меры по улучшению материально-технической базы родовспомогательных и детских лечебно-профилактических учреждений. За XII и XIII пятилетки предполагается ввести 196,6 тыс. детских и 138,8 тыс. акушерских коек, что позволит радикально улучшить условия в детских больницах и родильных домах. Во многих регионах передаются здания (административные дачи, гостевые дома и т. п.) для размещения в них объектов детства и родовспоможения. За 1986—1987 годы в стране на 37 процентов возросло число отделений реанимации и интенсивной терапии в детских больницах и родильных домах, на 63 процента увеличилось число коек для недоношенных и больных новорожденных.

Министерство здравоохранения СССР закупает импортную медицинскую технику, в том числе аппараты для оживления новорожденных, интенсивной терапии и выхаживания недоношенных детей и т. д. Особое внимание уделяется повышению квалификации кадров медицинских работников. В ряде медицинских институтов проводится эксперимент по углубленной подготовке акушеров-гинекологов, главное в которой — овладение ими практическими навыками.

Мы не можем согласиться с утверждением В. А. Таболина о том, что «пока родильный дом будет закрытой системой, изменить что-либо практически невозможно». Существующие проекты родильных домов не позволяют привлекать родственников роженицы для участия в родах и последующего ухода за ней и новорожденным ребенком. Вместе с тем в родильном доме № 1 Риги, где имеются соответствующие условия, проводятся роды в присутствии мужа. Их там называют «семейные роды». Мы наблюдаем за ходом этого интересного эксперимента, изучаем возможности его использования в других родовспомогательных учреждениях, где имеются соответствующие условия. В первую очередь — это наличие индивидуальных родовых палат.

Многие проблемы, поднятые в статье «Дитя с нимбом», вошли в разработанные комплексные научно-практические программы по снижению детской смертности в стране, утвержденные коллегией Минздрава СССР.

А. И. КОНДРУСЕВ, заместитель министра здравоохранения СССР

В ЦК ДОСААФ СССР рассмотрена публикация Евгения Стецкого «Полеты наяву» (№ 17).

Отмечаем, что автор своевременно ставит вопрос о развитии воздухоплавательного спорта в нашей стране, и разделяем его точку зрения. ЦК ДОСААФ СССР поддерживает инициативу общества спортсмен-воздухоплателей Литвы и не препятствует его дальнейшему развитию.

В то же время для массового развития этого вида спорта мы не имеем возможностей. Это связано с тем, что воздухоплавание как вид спорта постановлением Совета Министров СССР для ДОСААФ не определен, поэтому ЦК ДОСААФ СССР не располагает необходимой учебно-методической и материальной базой для его развития.

ЦК ДОСААФ СССР обобщит опыт общества воздухоплателей Литвы и примет соответствующее решение.

С. Н. МАСЛОВ, заместитель председателя ЦК ДОСААФ СССР

К

аким же он был там — за парадным фасадом — человек, каждый жест, каждое слово которого несли в себе генетический код им отлаженной и в нем же с предельной четкостью отраженной системы? Его реальная личность была десятилетиями чуть ли не главным государственным секретом, тайной за семью печатями. И все же вопреки его воле портрет с натуры существует — в рассказах о нем тех, кто его знал, их детей и внуков, в рассеянных повсюду преданиях.

Еще Пушкин полагал, что устные свидетельства об исторических личностях точнее говорят о времени, нежели труды самых добросовестных историков. Тем более надо довериться суждению поэта, коль скоро речь идет о временах, которые весьма скудно выпадали в архивный осадок. О таких временах — как ни поворачивай — существенным, а подчас и единственным источником исторического знания пребудет память народа.

Многие годы я собирал и записывал рассказы о Сталине. Этих рассказов за тысячу. Иные сродни документам, иные в изустной передаче обрели законченность новелл. В одних — звучит комплимент, в других — приговор. Где-то беглый штрих, а где-то и повод для серьезных раздумий.

Первым, кого предал Иосиф Сталин, был Иосиф Джуагавили, Сосэло, чьи стихи, впервые опубликованные в «Иверии» великим Ильей Чавчавадзе, не раз в начале века включали в «Деда зна», грузинскую хрестоматию родного языка:

*Роза распускается, обнимает фиалку,
Лилия просыпается и склоняется перед Зефиром.
Поднявшись в небо, звонко поет ласточка,
Соловей нежно насвистывает свою песню:
Цвети, о, обожаемый край,
Возрадуйся, земля Иверии,
Учись, юный грузин,
На радость и счастье Родины.*

Уйдя в подполье, увлекшись «эксами», налетами на банки (для пополнения партийной кассы), он предпочел забыть о Сосэло. Правда, и после революции, говоря его словами, «баловался стихами». Будучи наркомом по делам национальностей, под псевдонимом печатал в газете наркомата русские стихи. Много лет, больше для себя, переводил на русский любимого «Витязя в тигровой шкуре». И все же поэзия осталась «на другом берегу». Жажда славы не утихла. Желание добра сошло на нет в предательствах. Он предал все, чему объяснялся в любви. Предал родную Иверию — относился к ней, как самый оголтелый великорусский шовинист, чем и заслужил ленинское «отвра-

тительный Держиморда». Предал тех, кого звал учиться, — вместе с Берия извел цвет грузинской интеллигенции.

И Руставели он тоже предавал. Читая гостям «Витязя», раз за разом выбирал не те шайри, что славят дружбу, любовь, душевную широту, а те только, где слышатся резкие звуки боя, гортанные крики схлестнувшихся в кровавой сече врагов...

Еще в двадцатые годы автор известного портрета Ленина, художник Петр Шухмин, был приглашен писать портрет Сталина. Верный своей реалистической манере, Шухмин тщательно перенес на холст уже редкую, зацветающую серебром рыжеватую шевелюру генсека, его рябое, в оспинах, лицо, горчично-желтые холодные глаза. Художник не скрыл ни суховатой неловкой левой руки вождя, ни его малого роста.

Ничто не выдало чувств Сталина в те недолгие минуты, когда он рассматривал готовый портрет. Ничто, кроме фразы: «Какой наблюдательный художник». Для Шухмина это прозвучало похвалой. На поверку же оказалось приговором. Шухминский портрет исчез. Кроме семьи художника и Сталина, его никто и никогда не видел.

Анастас Микоян рассказывал армянским живописцам, что Сталин категорически отклонял предложения художников-реалистов о сеансах, при этом обычно добавлял: «Пусть Ворошилова рисуют, Ворошилов это любит. Климма хлебом не корми, дай попозировать... на коне... без коня...»

И все же Сталин был куда как неравнодушен к своим изображениям. Широко дарил доверенным художникам свои парадные мундиры: канон льстивого классицизма требовал неукоснительной точности в передаче внешних атрибутов величия и власти.

Утверждая однажды очередного мраморного Сталина и даже похвалив его, обронил: «А все-таки у Меркурова лучше».

Сталина, стоявшего на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке, почитал за лучшего. Таким, как у Меркурова, он и хотел себя видеть: заложив правую руку за борт строгой долгополой кавалерийской шинели, он идет неспешным, уверенным шагом...

После возвращения Горького с Капри Сталин часто бывал у него в бывшем особняке Рябушинского на Малой Никитской, случалось, приезжал без предупреждения. Писатель в то время активно поддерживал многие начинания культурной и научной жизни, в его гостиной, что ни вечер, было шумно илюдно.

Однажды у Горького собрались биологи, говорили о создании Всесоюзного института экспериментальной медицины. Деловая часть беседы незаметно перешла в оживленный разговор, а потом и в шумную дискуссию: верно ли поступают некоторые прозаики, делая реальных современников — Сталина, например, — героями своих романов? В разгар спора в гостиную неожиданно вошел Сталин. Спор оборвался, все замолкло.

— О чем вы тут так спорили? — поинтересовался генсек.

Слышал или не слышал Сталин часть разговора — надо было отвечать. О мнительности вождя ученые были наслышаны. Молодой физиолог Петр Анохин решил:

— Правильно ли делают некоторые писатели, Иосиф Виссарионович, что уже при жизни берут вас в литературные герои?

— А что вас смущает? — спросил Сталин и, не дождавшись ответа, продолжал: — А вот народ ничто не смущает. Что же здесь плохого, если народ славит своих героев? Народ Ворошилова любит, песни о нем поет. Художники его рисуют, поэты стихи слагают.

— Но ведь история не знала...

— История не знала и такой революции, как наша, — не утерпел Сталин. — Теперь народ — хозяин, а народу отказывать нельзя. Просили нас сормовские рабочие, и мы переименовали Нижний Новгород в Горький. А ведь Алексей Максимович жив, — тут Сталин сделал легкое движение в сторону хозяина дома, — и, дай бог, еще долго проживет.

— Так о вас писатели пишут на один манер... — не унимался молодой ученый.

— А это уже не ко мне, это к Алексею Максимовичу, он у нас над писателями шефствует, — заключил Сталин и посмотрел на хозяина дома, будто о чем-то давнишнем напоминал.

Когда Горький был еще на Капри, ему из Госиздата послали материалы для книги о вожде и даже выплатили аванс. Горький от написания книги уклонялся, уговаривал на нее Барбюса.

Он и Шухмину позировал, и Меркурова привечал, и Горького обхаживал, надеясь, что те, кому удался образ Ленина, в нем увидят второго Ильича. Но Ильича в нем не видели ни партия, ни соратники. В конце двадцатых, пропустив вперед культки Ворошилова и Буденного, он все еще ждал, когда «по желанию народа» его наконец-то восславят как великого вождя, политического колосса. И уже в тридцатые им самим просчитанный автопортрет «горного орла» неустанно тиражировался по всем городам и весям, отовсюду внушал страх перед ним, страхом цементируя любовь к нему, веру в него, надежду на него.

Евгений Вучетич был до войны главным скульптором Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, а значит, прежде всего отвечал за монументы Сталина. Без фигуры вождя не мыслились ни одна выставочная площадь, ни один павильон, ни одна аллея. Надо же было Вучетичу однажды выставить из своего кабинета директоров двух павильонов, обиженных на то, что их обошли при распределении монументов. Через несколько дней Вучетичу позвонил начальник секретариата Сталина Поскребышев: «Наделал ты дел, художник. Готовься. Хозяин вызывает».

Принимая Вучетича, Сталин был строг и холоден: — Расскажите, как украшаете выставку.

Вучетич, достав из портфеля план-карту, словно гид, вел Сталина по ВСХВ, останавливаясь у всех монументов.

— Почему так много Сталина? — спросил генсек, по обычаю говоря о себе в третьем лице.

Виктор ГОРОХОВ

ТОТ САМЫЙ
СТАЛИН...

фото Сергея ВЕТРОВА

Вучетич было замаялся, но тут же нашелся:
— Таково общее желание, товарищ Сталин.
— А может быть, страх? Может быть, кто-то боится — не запасется он вовремя статуей товарища Сталина, а товарищ Сталин возьмет и не поверит в его преданность?..
Вучетич молчал.
— Вот вы говорите — «общее желание». А почему в таком случае отказали двум товарищам в их просьбе? Не поверили в их искренность? Жалуются тут отдельные товарищи.
— Товарищ Сталин, а эти «отдельные товарищи» указали свои должности?
— Нет. А кто же они, товарищ Вучетич, если это, конечно, не секрет?
— Директора павильонов «Собаководство» и «Свиноводство».
Сталин взял лежавшее перед ним письмо, долго его рассматривал, потом, уже выйдя из-за стола, протянул руку скульптору:
— Спасибо, товарищ Вучетич, я никогда вам не забуду этой дружеской услуги... Спасибо.
В тридцать лет Гуно восклицал: «Гуно!» В сорок — «Гуно и Гете!» В пятьдесят — «Гете и Гуно!» В шестьдесят — «Гете!»
«Ленин!» — «Ленин и Сталин!» — «Сталин и Ленин!» — «Сталин! Сталин! Сталин!»
Двадцатые годы были годами ленинских скульптур. В тридцатые по берегам канала имени Москвы у Дубны встали две равновеликие бетонные фигуры. В начале пятидесятых у волжского края Волго-Дона заканчивалось сооружение огромного — в тридцать пять метров! — монумента «верного продолжателя, соратника, ученика». Учителя не было.
Незадолго до смерти Сталина Евгений Вучетич и гидростроитель Сергей Жук были званы на ближнюю дачу в Кунцево. Дела у Жука на Волго-Доне шли хорошо. Вучетич заканчивал работу над монументом. Сталин угощал гостей коньяком, расспрашивал, шутил. Больше других оживлен был Жук: рассказывал о стройках, о строителях. И вдруг затянул:
— Много песен слышал я в родной стороне.— Запел и тут же осекся.
Сталин поднял глаза на гостя, что-то похожее на улыбку раздвинуло травленные табаком усы.
— Ну-ну,— подбодрил он,— если память изменила, я напомню.— Сталин медленно, отделяя каждое слово, отчеканил вторую строку «Дубинушки»: — Не про радость, про горе там пели...— Улыбка исчезла, взгляд посуровел, засверкали в глазах тигринные искорки.— Продолжайте, коли начали...
Не запнись гость, песня скорее всего не задела бы Сталина. Теперь же каждая новая строфа становилась опасной. Петь было страшно, не петь — еще страшнее. И Жук запел:

*Англичанин-хитрец, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину.*

Голос певца оживал на припеве и снова замирал. Жук с трудом выдавливал из себя слова песни о «рое шпионов», о шашке ночных арестов, о «роковом звоне» кандалных цепей. Сталин усталым жестом остановил вконец измученного певца, так и не дав ему пропеть последнюю строфу.
— Никогда не надо начинать дела, если не знаешь, чем его кончишь,— каким-то уж очень обыденным, поучающим голосом произнес он, грузно, по-стариковски поднялся и попрощался с гостями.

Сергея Яковлевича Жука Сталин знал еще с Беломорканала, считал этого решительного, волевого, резкого в деле инженера одним из самых надежных помощников. Сталину, возможно, было особенно неприятно, что именно Жук невольно напомнил, что может быть совсем иной счет и времени, и делам:

Но настанет пора и проснется народ,

**Разогнет он могучую спину,
И в подарок царю он с собой принесет
Здоровей да покрепче дубину.**

Как-то лет десять назад, в Доме творчества писателей «Переделкино», я увидел на столе поклеивавшую творог синицу. Ключет — озирается. Еще ключет — снова озирается. Точь-в-точь как я, собирающий свою «сталиниану».

Верно, у памяти есть не только окна, но и щели, а в них — мятые клочки бумаги, что ты когда-то прятал и перепрыгивал, пока и вовсе не потерял. Там, в тридцатых годах, пугливая завязь этих страниц.

Я вернулся к собирано рассказов о Сталине в пору застойного болотного страха. Косились на меня иной раз те, кому я открывался. Замолкали при виде карманного магнитофона знакомые. Стоило же почтительно кому-нибудь записать, и не ведомые мне серьезные люди как бы между прочим советовали о Сталине особенно не распространяться...

Ушел ли навсегда «фантомный» страх?

В начале этого года я услышал короткую — в одну фразу — историю из тех, что стоят книг. Поначалу даже в нее не поверил. Надо было во что бы то ни стало выйти на первоисточник. И вот, наконец-то, нешумная трапеза, неспешный разговор. Из-за деликатности предмета я только по касательной навожу беседу на то единственное, что привело меня так поздно и в такую даль. Собеседник это понимает, но пойти мне навстречу не торопится. Так я и ухожу ни с чем. И уже в прихожей, перед расставанием, приобняв меня за плечи, хозяин шепчет: «То, из-за чего вы приезжали, — было... Но на меня не ссылайтесь... Я уже, знаете ли, вдоволь нахлебался...»

Одно ли было такое путешествие на край ночи?! И сколько их было таких тихих, с оглядкой монологов! Так стоила ли эта «сталиниана» такой прорвы времени и труда?

Стоила. Миф о Сталине — огромная сила. Монумены снесли, миф выжил. И вот уже он то и дело лжецелью сбивает нас с пути, лженаукой путает знаки и понятия. Повалит этот миф может только точное, достоверное, «шухминское» знание о сотворившем его Иосифе Джугашвили, он же Коба, Иванович, Нижерадзе, Константинов, Чижиков, Бесошвили... Он же Сталин.

Когда Сталину рассказали о подвиге сельского пионера Павлика Морозова, убитого кулаками за то, что он разоблачил заговор, вождем, поморщившись, сказал: «Выдал отца?.. Этот ваш Павлик — гнида, конечно, порядочная... но прославить его надо... Обязательно надо прославить...»

Готовился второй за три года процесс над Каменевым и Зиновьевым. Теперь они должны были до суда сознаться в заговоре и терроре, а на суде совершить политическое самоубийство. Сталин торопился, но дело не шло: не сознавался Каменев. Узнав об этом от начальника секретно-политического отдела НКВД Молчанова, Сталин зашелся от гнева: «А вы знаете, сколько весят все наши заводы с машинами, армия с вооружением, весь наш флот?! Не говорите мне, что какой-то Розенфельд не сломается под такой тяжестью!»

Молчанов урок усвоил. Следователь Каменева Черток «поработал». Каменев «сознался».

Если и была у вожда к чему-нибудь страсть вне политики, то этой страстью был, безусловно, бильярд. Не хватало роста, плохой помощницей была левая рука. Выручали надежный глазомер, умение сосредоточиваться и какое-то гипнотическое воздействие на соперника. Играл Сталин хорошо. И все же не так хорошо, как его постоянный партнер, свояк по первой жене Алексей Сванидзе. Если выигрывал Алексей, Сталин хмурился, под стол, естественно, не лез, несколько дней не играл, ходил туча тучей, ко всем придирился. Если выигрывал, то по-детски радовался, весело загонял свояка под стол, шутил, смеялся.

Из всех сыгранных партий одна особенно запомнилась Сванидзе. В тот день Сталин вошел в бильярдную мрачнее мрачного, и доброму Сванидзе захотелось незаметно проиграть ему партию. Однако и выиграв, Сталин не повеселел. Заметно собиралась гроза, и она разыгралась. То и дело постукивая кием о дубовый паркет, Сталин набросился на Сванидзе, мешая грузинские и русские слова: «Не любишь ты меня! Все вы меня не любите. Я вам капризный, я вам злой, я вам жестокий. — В голосе Сталина звучали и подозрительность, и сарказм. — Почему хрючий игрок Алексей Сванидзе стал так часто мне проигрывать? А потому, что уважаемый земляк и родственник боится, что проигравший Коба принесет кому-то беду. — И, уже глядя куда-то вдали, Сталин отчеканил: — Да, Сталин груб. Не может Сталин всем угождать. Христос хотел всем угодить, а чем кончил?»

Когда Алексей Семенович Сванидзе, старый большевик, видный государственный деятель, был арестован, Сталин пообещал сохранить ему жизнь в обмен на покаяние. Сванидзе покаяться не пожелал и пошел

под расстрел. Узнав о его смерти, Сталин, не стесняясь родственников, зло прокричал: «Гордый какой! Не мог сознаться...» Стоило же ему услышать от родных своей второй жены, что муж ее сестры Анны чекист Реденс мог оговорить себя только под пытками, как он и вовсе разорался: «А мне не нужен такой большевик, который может под пытками соврать!»

Как и когда достиг он такой власти, что мог по царски казнить и миловать, решать за всех?

«Рос, рос и вырос в вожди», — не без иронии отозвался о Сталине в 1930 году в беседе с моим отцом, тогда заместителем редактора газеты «За коммунистическое просвещение», член ее редколлегии Феликс Кон.

Не он, Сталин, вырос. Но он, Сталин, сумел принизить всех вокруг — и ближних, и дальних. Он мог быть только «первым».

«Сталин не может жить, если у него нет чего-либо, что есть у другого. У него непримиримая ревность к тем, кто знает или умеет больше, чем он», — подметил характерную черту Кобы Бухарин еще в Вене, в 1913 году. «Он бьет не по идеям, а по головам», — писал о Сталине Троцкий.

В 1937 году на одной из традиционных «сессий» на ближней даче в Кунцево, где и на этот раз разговор о важных делах перемежался шутками и тостами, хозяин неожиданно спросил гостей, в чем они видят истинно мужское удовольствие. По обыкновению, последним заговорил Сталин. Вот тут-то и прозвучала фраза, которую он когда-то часто повторял, а впервые произнес при Каменеве и Дзержинском летом 1923 года: «А по-моему, истинно мужское удовольствие — раздавив врага, выпить бокал хорошего грузинского вина».

Застолье вмиг и увяло, и напряглось. Теперь все были сами по себе и каждый с саднящей мыслью — не он ли станет завтра объектом «сладкой мести» хлебо-солного тамады. Им ли было не знать, как легко и бесповоротно уверяется вождем в измене тех, кто рядом. Быть может, самый хитроумный Яго истории, он был и ревнивнейшим Отелло. Недаром однажды по дороге на сталинскую дачу Булганин сказал в сердцах Хрущеву: «Едешь к Сталину по дружескому приглашению и никогда не знаешь, где после окажешься — то ли дома, то ли в тюрьме».

Когда у директора Урало-Кузнецкого металлургического комбината имени Сталина арестовали нескольких близких друзей, ему стало ясно, что скоро доберутся и до него. Авраамий Павлович вылетел в Москву. Сталин принял Завенягина неожиданно быстро. Он явно знал, чем встревожен гость, а потому не удивился началу разговора:

— Моих сотрудников берут каждый день. Не достоин быть директором комбината имени Сталина.

— Не достоин, — согласился вождем.

— Готов служить партии, куда бы меня ни послали.

— Партия подумает, куда тебя направить. — Сталин долгим оценивающим взглядом посмотрел на Завенягина и, протянув паузу, продолжал: — Партия уже подумала.

Шутка удалась, вождем улыбнулся, но тотчас заговорил деловито, бесцветно:

— Стране нужен никель. Поедешь в Норильск.

— Поеду, товарищ Сталин, — радостно выдохнул Завенягин.

— Опоздал, Лаврентий, — вдруг рассмеялся генсек, глядя мимо собеседника. Завенягин обернулся. В кабинет входил заместитель Ежова Берия.

В Норильск, куда шшелон за шшеломом этапировали заключенных, Авраамий Павлович поехал вольным. Но кто знает, как сложилась бы судьба Завенягина, если бы как раз в эти дни не возникла острая ситуация со стратегическим металлом и не было бы у генсека срочной нужды в хозяйственнике такого размаха.

Он был сама скромность. На шумные приветствия отвечал аплодисментами, относился овации к партии, к народу, к тем, кто сидит в зале. О своих решениях чаще всего говорил безлично: «...мы тут посоветовались». О своей исключительной значимости мог разве только пошутить: «...партия уже подумала», «...о том, что я великий, я из газет знаю...». Мог шутиливо декламировать: «...Кавказ подо МНОЮ, ОДИН в вышине стою над снегами у края стремнины...» Шутовал, изборажая «секретаришку» у своей дочки — «хозяюшки».

Шутил, шутовал, юмором маскировал свое болезненное тщеславие. Но однажды выдал себя, обмишурился.

Бухарин называл Сталина Чингисханом, но за глаза. Прямо сказать Кобе все, что о нем думает, Николай Иванович до случая не решался. В июне 1928 года этот случай представился.

Так бесцеремонно обращаться с товарищами по Политбюро, как в том июне, Сталин раньше себе не позволял. После обсуждения взволнованного, полного деловой тревоги за судьбу русской деревни письма заместителя наркома финансов Фрумкина было решено ответить на него коллективно. И Сталин этим решением пренебрег, ответил Фрумкину сам, не беря в толк ничьих соображений. Не стесняясь в выражениях, на-

вешивал честному партийцу политические ярлыки один другого хлестче.

При первой же встрече со Сталиным Бухарин обвинил его в том, что, обращаясь с Политбюро как с совещательным органом при генсеке, он узурпирует власть на манер «мелкого восточного деспота». Сталина бухаринский напор насторожил. С тех пор, как в двадцать пятом Троцкий на расширенном заседании Политбюро заявил, что Сталин «выдвигает себя на роль могильщика революции», никто с ним в узком партийном кругу так резко не говорил. Троцкому тогда Сталин ничего не ответил. Побледневший, напуганный, он хлопнул дверью. Теперь с Бухариным почел за благо на время заморозить:

— Не надо нам с тобой ссориться. Мы ведь с тобой Гималаи, все остальные — пигмеи...

Дорого поначалу обошлась ему эта фраза. От Бухарина она стала известна членам Политбюро, и на первом же заседании они призвали генсека к ответу за «пигмеев». «Не говорил я этого», — отпирался Сталин. «Говорил», — настаивал Бухарин. Надо бы еще и посмотреть, не с того ли июньского дня стал вождем так играть в скромность, каковой он до этого излишне не грешил.

В своем выступлении на партконференции управляющей делами ЦК, а до этого зампред ВЧК Александр Ксенофонтович Ксенофонтов заявил, что формула «бить кулака, опираясь на бедняка в союзе с середняком» — троцкистская.

— Кто это тебе сказал? — резко оборвал Ксенофонтова сидевший в президиуме Сталин.

— В «Правде» говорили, в Истпарте.

— А я тебе это говорил? — зло бросил Сталин и принялся ожесточенно выбивать о кумачовый край стола погасшую трубку.

В двадцатые годы в секретариате Сталина работал Мехлис, позже сменивший Бухарина на посту главного редактора «Правды». У Сталина Мехлис начал работать в ту пору, когда генсек превращал свой личный секретариат в особый надгосударственный и надпартийный орган. Впрочем, не только служебным статусом определялись обязанности недавнего выпускника Института красной профессуры.

— Мехлис, спички! — то и дело раздавалось из кабинета Сталина, и Мехлис торопился на вызов.

Однажды, придя на работу, Сталин не без удивления обнаружил нововведение своего помощника: на специальной полочке рядом со столом были аккуратно разложены трубчатый табак, папиросы «Герцеговина Флор», коробки спичек. Не прошло и минуты, как по внутреннему телефону донеслось:

— И все-таки спички, Мехлис!

И Ксенофонтов, и Мехлис близко узнали «Хозяина», когда он еще жил, как все смертные, применительно к обстоятельствам, но втихую поглядывал на окружающих с гималайских высот. А были люди, работавшие бок о бок с Кобой еще до того, как он стал генсеком, вождем. Вот они-то и видели изначальные хватки молодого властолюбца.

В годы гражданской войны Сталин возглавлял два Наркомата — по делам национальностей и рабочекрестьянской инспекции. Когда его отъезжали с фронта, он исправно появлялся в обоих Наркоматах, однако служащие видели его там крайне редко. Член коллегии РКИ, старый большевик Николай Николаевич Баранский видел Сталина часто, но всегда в рабочем кабинете. Он давно заметил, что Сталин никогда не входит в Наркомат через парадный подъезд. — Иосиф Виссарионович, почему вы пользуетесь только черной лестницей? — полюбопытствовал однажды Николай Николаевич.

— Ответ был кратким:

— Меньше будут видеть — больше будут бояться.

Однажды Баранский получил письмо красноармейца: член коллегии РКИ перед тем, как подписать протокол об изъятии ценностей, прибрал к рукам золотой портсигар. Сотрудник, о котором шла речь в письме, был равен Баранскому по положению. Николай Николаевич сам дата ход бумаге не мог. Пошел к наркому. Сталин внимательно прочитал письмо, спросил: — Что вы думаете по этому поводу?

— Вы уже сигналы, что этот товарищ нечист на руку.

— Так, так... — задумчиво протянул Сталин, сосредоточенно набивая трубку в ящике письменного стола — была у него такая привычка.

Наступила долгая пауза.

— А как вы полагаете, Иосиф Виссарионович? — прервал молчание Баранский.

— А я полагаю так: пусть этот человек полежит пока здесь, — сказал Сталин, направляясь к сейфу.

От этой устной резолюции, от того, как Сталин педантично положил письмо в сейф, заметно потянуло охранкой, будущими досье, чистками, арестами. В ту минуту Баранский дал себе слово — без служебной необходимости ни о ком не рассказывать Сталину. Никогда. Тогда же он принял твердое решение навсегда уйти в науку и уже через несколько лет стал

профессором МГУ, основателем советской школы экономической географии.

Сталин часто шутил, еще чаще забавлялся. Об одной из любимых забав отца рассказывала в своих воспоминаниях его дочь Светлана.

Стоило кому-нибудь, кроме хозяина, появиться летом на ближней даче в белом костюме, как ему тут же незаметно подкладывали под чехол кресла самый сочный помидор. Гость конфузился, а Сталин весело смеялся. Соратники по обыкновению смеялись вместе с вождем.

Была у него еще и такая «летняя» забава. После обильной «многоарусной» трапезы в легком подпитии хозяин и гости выходили прогуляться, шли к пруду и кого-нибудь, обычно Поскребышева, кидали в мелководье. Сидя в плетеном кресле, генсек довольно пытел трубкой и, пересиливая смех, подзадоривал Александра Николаевича тут же расправиться с обидчиками.

Юмор у Сталина был особым. Игра кошки с мышкой. Хищника с жертвой. Большинство его шуток были «натянуты на одну колодку». Все они были замешены на пренебрежении к людям, на сиюминутном страхе перед ним, на актерских паузах, продлевающих этот страх, на многочисленных досье, хранившихся в его цепкой памяти.

В годы «холодной войны» иметь родственников за границей, особенно в Америке, было «отягчающим обстоятельством». С композиторами Даниилом и Дмитрием Покрассами, авторами популярного «Марша Первой конной», Сталин был знаком еще с девятнадцатого года. Знал он также, что старший из братьев, Самуил, эмигрировал в США и пишет там музыку к голливудским фильмам.

Однажды Сталин пригласил Дмитрия Покрасса на просмотр американского фильма «Три мушкетера». Получив приглашение, Покрасс еще дома начал волноваться: музыку к «Трем мушкетерам» написал Самуил. В Кремль он поехал, но фильма от страха почти не видел... Когда зажгется свет, Сталин отыскал глазами композитора, долго смотрел на него немигающим взглядом, потом подошел к нему:

— Что, трепещешь?.. Не трепещи — музыка хорошая...

Эта «шутка», как рассказывал мне сам Покрасс, обернулась для него тяжелым нервным расстройством.

Кинорежиссер Михаил Чапура был у Сталина то в гостях, то по делу: в его фильмах «Клятва», «Незабываемый девятнадцатый», «Падение Берлина» — вождем главным героем. Незадолго до смерти Сталин неожиданно прислал Чапура машину, а когда тот приехал, предложил ему сыграть в шахматы. Партнеры сделали всего несколько ходов, и вдруг Сталин, держа на весу фигуру, посмотрел на Чапура долгим немигающим взглядом:

— А не собираешься ли ты, Михаил Эдишерович, меня убить?..

Взгляд Сталина был холодным, жестким. Чапура считал Сталина большим актером, но сейчас это не было игрой. Взгляд все еще оставался жестким, но голос заметно смягчился.

— Шучу, Михаил Эдишерович, шучу, — успокоил Сталин насмерть перепуганного партнера.

С тех пор Сталин каждую неделю звал Чапура на партию шахмат и всякий раз повторял свой вопрос. И, выдержав паузу, добавлял:

— Шучу, Михаил Эдишерович, шучу...

В 1951 году на Первую Всесоюзную конференцию сторонников мира в Москву приехал из Тбилиси почетный, в больших летах грузинский архиерей. Устроители конференции спросили его, что бы он хотел увидеть в столице.

— Сталина.

— Но товарищ Сталин очень занят, неизвестно, сможет ли он вас принять.

— Это для вас он «товарищ Сталин», для меня он — Сосо. Семинаристом я жил с ним в одной келье. Скажите, что такой-то хочет с ним повидаться перед смертью...

На следующий день архиерея известили, что Сталин его примет. И тут архиерей задумался — в каком платье ему ехать в Кремль. В духовном облачении появляться в общественных местах запрещено государством. В светском — нарушить монашеский обет — гневить бога. Поехал в светском.

Завидя гостя, еще даже с ним не поздоровавшись, Сталин воздел очи горе и с нескрываемым удовольствием заметил:

— Его не боишься — меня боишься?..

6 ноября 1941 года, когда немцы стояли под Москвой, а на станции метро «Маяковская» заканчивалось торжественное заседание в честь годовщины Октября, Сталин обратился к начальнику военно-медицинской службы генералу Смирнову:

— Как? Вас еще не расстреляли?

Легко себе представить, с каким настроением Ефим Иванович жил, работал, ездил на фронт.

Минуту, и при новой оказии Сталин снова без тени улыбки спросил все у того же Смирнова:

— Как, вас еще не расстреляли? А я, кажется, подписывал приказ...

Все годы войны Сталин интересовался, почему Смирнов все еще жив. А когда война кончилась, на одном из банкетов в честь победы Генералиссимус, глядя на Ефима Ивановича, произнес тост:

— Выпьем за то, что и в трудные годы войны мы умели так весело шутить...

У начальника тыла Советской Армии генерала Хрулева уже после войны арестовали жену. Хрулев, хорошо знавший Сталина еще с гражданской войны, попросил приема у Генералиссимуса.

— Товарищ Сталин, у меня арестовали жену.

— Знаю.

— За что арестовали, товарищ Сталин?

— Вот этого не знаю. Спроси у Абакумова. К тебе, Хрулев, насколько мне известно, претензий нет. Работай, как работал. Спокойно работай...

На следующий день Хрулева принял министр госбезопасности.

— У меня арестовали жену.

— Знаю.

— За что арестовали?

— Не знаю. Спроси у Сталина...

Некоторое время спустя на воздушном параде в Тушино Сталин сидел между Хрулевым и Молотовым, у которого тоже недавно была арестована жена, Полина Жемчужина. Когда парад окончился, Сталин, посмотрев на Хрулева, на Молотова, весело сказал:

— Ну, поскольку мы теперь все трое на холостом ходу, поедом ко мне обедать...

Однажды, как всегда неожиданно, Сталин наведясь к маршалу Буденному, которого близко знал еще со времен гражданской войны.

— Слушай, Семен, — обратился Сталин к хозяину, попивая чай из старинного тульского самовара, — у тебя есть моя фотография?

— А как же, вот, — показал Буденный на стенку, где висел большой портрет вожда.

— Да нет, не портрет. Не такой скучный портрет. Фотография? С моей надписью?

— Нет, такой нет.

— Я тебе пришлю, обязательно пришлю... А знаешь, Семен, ведь у меня нет твоей фотографии. Подари.

— Это можно, это можно, — засуетился грузинский Буденный и уже неуверенно спросил: — Надписать?

— Да. Надпись я тебе сам продиктую.

Буденный выбрал фотографию и под сталинскую диктовку вывел: «Великому основателю Первой конной И. В. Сталину».

Через несколько дней маршал получил от Сталина обещанный снимок с автографом: «Настоящему основателю Первой конной. И. Сталин».

Однажды на дачу к Сталину за подписью на важном документе приехал министр кинематографии Иван Григорьевич Большаков. Дело было летом. Сталин по обыкновению был в белом — френч, брюки, заправленные в мягкие сапоги — ичиги. Подавая Сталину «вечное перо», Большаков для верности встряхнул его, да так, что забрызгал белоснежный сталинский костюм. Оплоскавшего министра чуть не хватил «кондратий». Помедлив минуту-другую, Сталин рассмеялся:

— Что, испугались? Думаете, у Сталина только один костюм?..

Да, не один был костюм у Сталина. Но вот на уме у него было только одно: любил вождя, чтоб перед ним трепетали — минуту-другую, месяцы, годы...

Всякий день своей жизни я слышал о Сталине, видел же его близко всего лишь раз, в одиннадцать лет.

Весной тридцать пятого года в московское метро пускали только по пригласительным билетам. Когда мы с отцом спустились на старую «Арбатскую», увидели там гудевшую от недоумения толпу. Поезда не шли. Вскоре, однако, все разъяснилось. На станцию бесшумно выплыл пустой поезд. В средней двери среднего вагона стоял Сталин, и мы оказались совсем рядом. В те две-три минуты, что вождь, глядя вверх толпы, рассматривал станцию, я не сводил с него глаз, но вот вспомнить теперь, каким он был вблизи, совсем рядом, не могу. Тот Сталин, в метро, с годами начисто растворился в карминовых околышах, в гипсовых усах, в мраморных сапогах — во всех тех Сталиных, среди которых мы жили.

Долгие годы я пытался выбросить из памяти этих лепных монстров, собирал не тронутые ретушью снимки и рассказы, случалось, ездил за ними в не близкие края. Самый дальним из моих «сталинских маршрутов» была поездка в глубинку Грузии, в Ликани, туда, где в бывшей резиденции наместника Кавказа осенью 1951 года Сталин в последний раз отдыхал.

Юная Софико поливала цветы в саду, когда к ней подошел Сталин:

— Тебе, гого, было бы приятно, если бы тебя каждый день били по голове?

Девушка смущенно молчала. Сталин продолжал:

— Ты думаешь цветам приятно, что ты их такой струей лупишь?

Сталин взял у Софико шланг. Поливал он неторопливо, осторожно, берег каждый цветок.

И в Ликани, в родной Картли, в земном раю Боржомского ущелья, посреди одного из самых богатых и ухоженных парков мира, покоя Сталину достало только на один день. Вечером того самого дня, когда он учил юную Софико поливать розы, Сталин дал ход «мингрельскому делу». Снова на целый народ падала тень подозрения в измене. Снова должна была пролиться кровь, на этот раз тех, кто якобы в сговоре с турецкой разведкой готовил отторжение Грузии от СССР.

«Мингрельскому делу» предшествовало дело «кримское». Не за горами было и «дело врачей». Инспирируя одно за другим дутые «дела», Сталин с маниакальной целеустремленностью расчислял сроки новой ежовщины.

Одного только срока он не знал...

Забраны черным крепом высокие зеркала и нарядные люстры Колонного. Замер воинский расчет. Тянет-ся вереница людей, прощающихся с вождем; над их отрешенными, оцепеневшими лицами звучит, не умолкая, торжественно-скорбная музыка. Оркестр большой, музыкантов много, и каждый нет-нет и оторвется от дирижерской палочки, чтобы еще раз взглянуть на усопшего. Стараясь подтянуть оркестр, гневается Голованов: «Здесь нет никого, здесь только я и музыка!» Но он ошибается. Здесь нет дирижера Голованова. И здесь, как и всюду, и сейчас, как всегда, есть только один Главный дирижер, хоть он и неподвижен, и сложены покойно руки. Никто, ни где, никогда не должен отклоняться от утвержденной им партитуры положений и инструкций. Что бы ни случилось, ничего от себя. Все по уставу. Только по уставу.

Где-то на Трубой о перегородившие площадь грузовики бьется толпа. Слышны перехваченные удушьем стоны. Вопли. Напирющие сзади с убойной силой прижимают идущих впереди к бортам машин. То там, то здесь раздаются крики: «Уберите грузовики!»

Грузовики стоят. Уезжать не положено.

На миг смолкают крики: кричавшие погибли. Новые крики. Новые жертвы. Кровь на бортах, на стенах, на мостовой. Не выбраться назад. Не двинуться вперед. Грузовики стоят. Уезжать не положено.

Два дня, не шелохнувшись, простоит воинский расчет у гроба Генералиссимуса. Два дня будет тянуться бесконечная траурная вереница. Два дня с московских перекрестков грузовые фургоны будут возить и возить задворками, пустынными переулками безымянные жертвы великого траура.

«...И вдруг стало мне его так жалко, — рассказывала Твардовскому медсестра, обмывавшая умершего Сталина, — вспухший животик, тоненькие ручки, тоненькие ножки — паучок».

Внесли в Мавзолей. Решали о Пантеоне. Перезахоронили тайно. Решали о мемориале жертвам. Славили стратега. Клеймили, проклинали, требовали выдворить с Красной площади.

Взлет. Падение. Вверх. Вниз.

Мечется по белу свету дочь. Осквернялась могила сына в Казани. Семь частных музеев Сталина в Грузии. Сотни его портретов на ветровых стеклах грузовиков.

Взлет. Падение. Вверх. Вниз. За. Против.

Третий века прошло со дня его смерти, а нас еще лихорадит. Сталин все еще наше настоящее.

И вот буквально в одночасье пали казавшиеся незыблемыми запреты и табу. Как бегуны со старта, рванулись вперед жаждающие перемен. Разом расковались голоса, зашумели печатные полосы. Но случилось непредвиденное. Став легальной и оставаясь по-прежнему необходимой для оздоровления общества, сталинская тема быстро превратилась в расхожую, даже модную. 1988 год, год фронтальной атаки на сталинизм, по закону маятника стал и годом возрождения культа личности Сталина, пусть и в негативе, но в неизбежном рикошете — и в позитиве тоже. И за восхвалением «Светоча» и за поношением «Архизлодея» таится все тот же миф о сильной, незаурядной личности. Черты реального Сталина все еще в рассеянии. И миф о нем — все еще сила, и сила немалая.

«Когда миф торжествует, наступает подлинный упадок науки, да и всей культуры, а вместе с ними... и созидательного периода жизни любого народа», — писал на излете этого чудо-года ученый Лев Гумилев. Нужнейшие слова!

Миф о Сталине, страхом внедренный в народное сознание, и сегодня поражает своей долговечностью и прочностью, как инженерный расчет паутины, сотканной липкой слюной обычного паука.

Миф должен быть разрушен. Черты реального Сталина должны быть сведены воедино. То, что здесь, — лишь малая толика найденного. Попытка ответа на жизненно важный для всех нас вопрос — каким же был за парадным фасадом «тот самый Сталин» — все еще впереди...

ЗЕМЛЯ В ОКЕАНЕ

Сергей МАРАКОВ

Фото
автора и
Вадима ГИППЕНРЕЙТЕРА

С уловом — в родную бухту.

У Сергея Маракова было много профессий. Ученый, писатель, журналист, охотник, следопыт, фотограф... Но главная его «профессия» — по-настоящему Хороший Человек. (Хотя и знаем мы, что в штатном расписании такой должности нет.) Это значит — он был беспредельно предан своему делу, целям, идеям. Добрый, улыбочивый, сердечный, будто бы и мягкий, а попробуй попадись ему на том, что он считает недопустимым — браконьерство ли, или просто непорядочный поступок — уничтожит презрением, резким словом, отчуждением. И правильно сделает! На таких людях и мир держится, и жизнь вперед движется.

Не пришлось мне вместе с Сергеем бывать в его любимых местах — на Командорах, на Курилах. Но приезжал я туда ненадолго в последние годы, и всюду о нем говорят, добром поминают дела его и слова. Яркий, радостный след оставил Сергей Мараков в людских душах.

Были мы с Сергеем членами одного очень маленького и очень «престижного» неформального объединения, как теперь говорят. Называется оно «Горилла-клуб». Входят в этот клуб (это наш, отечественный клуб, иностранцев не берем) люди, которые видели в природе живую гориллу. Мы образовали его в 1975 году, когда пятерым советским натуралистам удалось в непролазных джунглях горного тропического леса в заповеднике Кахузи-Бьега выследить семью горилл и подойти к ним на расстояние в дюжину метров.

Вот уже и нет троих из нас — умерли большие друзья Сергея Петр Второв, Юрий Исаков, и сам Сергей ушел в Поля Большой Охоты. Туда уходит настоящий натуралист-охотовед. А нам остались его книги, его идеи, след его больших дел, а значит, и душа его.

Тем он и жив среди нас, пока мы сами здесь.

Николай ДРОЗДОВ,
кандидат географических наук

Командоры... И для промысловика, и для исследователя — край богатейший.

Командорские котики.

Писать о земле, которую хорошо знаешь и глубоко любишь, которую исходил вдоль и поперек, видел ее в радостные и в трудные минуты, нелегко. Однако когда-то надо попытаться это сделать и тем самым хоть немного облегчить груз памяти.

Командорские острова. Не перестаю удивляться их притягательной силе. Впервые я познакомился с Командорами свыше тридцати лет назад. И вот собираюсь сюда — в который уже раз! — на новое свидание. Путь к острову Беринга стал заметнее короче — есть счастливики, добывающиеся сюда самолетом менее чем за сутки.

Впрочем, стоит ли завидовать такой скорости? К островам надо подходить на корабле, чтобы ощутить атмосферу Великого океана и прикоснуться хоть немного к обстанов-

ке, окружавшей наших стремившихся в неведомое предков.

Ходу до Командор от Петропавловска-Камчатского напрямую около двадцати часов. В ясную погоду Командоры видны издали — гряда высоких сопки справа к югу и удивительные Столовые сопки прямо по курсу.

...По пути невольно вспоминал первый приезд на эту землю, когда получил после окончания Московского пушно-мехового института диплом биолога-охотоведа и направление на работу зоотехником в зверсовхоз на остров Медный...

В середине августа пятьдесят второго года грузовой корабль «Глеб Успенский» взял курс на Командоры, а спустя 18 дней, под вечер, бросил якорь напротив маленькой, почти заслоненной скалами бухточки, на берегу которой расположилось село Преображенское. Слева и спра-

ва мрачные громады обрывистых берегов. Низкие свинцовые тучи повисли над домами. Первое впечатление было пугающее, но спустя три года я мог поклоняться, что прекраснее Преображенского ничего не встречал...

Мне приходилось немало читать о Командорах. Особенно много писалось о живущем здесь замечательном морском звере — калане, чей мех непревзойден по густоте и прочности. Спутник Витуса Беринга Георг Стеллер очень точно подметил: «Не могу передать красоту этого животного в живом состоянии: когда оно бежит по земле, то кажется чернее атласа и его яркая чернота сверкает».

Однажды, увидев, что я внимательно разглядываю кормившегося неподалеку от берега калана, мой проводник Степан Ксенофонович Ладыгин заметил:

— Бобров становится больше. (Раньше каланов звали морскими или камчатскими бобрами.— С. М.) Помогает охрана, теперь и белый калан объявится...

Тут же он поведал о каланых князьях, белых каланах. Ему их видеть не пришлось, а от стариков Степан Ксенофонович слышал, что появляются они раз в сто лет и большая удача тому, кто их встретит. Запали мне в память эти слова, и стал я более внимательно разглядывать всех встречающихся по пути каланов.

Через десять лет после того памятного разговора я снова оказался в бухте Глинка. Старые дома совершенно обветшали. Давно не стало С. К. Ладыгина. В одиночку переночевал в добротном домике, который мы ставили из плавника в 1954 году. Утром вышел к перевалу и спустился в бухту Палата провести каланов. Их было много — большинство самки. Выбрал удачный выступ на береговой скале и стал наблюдать за этими удивительными созданиями, что плавали совсем рядом, в десятке метров. Лежа на спине (это обычная поза плавающего калана), они держали на груди малышей, прозванных за лохматый мех «медведками». У каждой самки один каланенок. Иногда мамы вылезали на обросшие водорослями рифы и вытаскивали за шиворот своих чад. Укладывались спать, но то и дело поднимали голову и осматривались — нет ли опасности. Потом спускались на воду и снова вылезали обратно. Самки ныряли за морскими ежами, оставляя малышей на поверхности. «Медведки», не умея плавать, качались на волне, как поплавки. То один, то другой поднимал пронзительный писк. Мать сразу брала его к себе на грудь и делилась лакомством — икрой морского ежа.

Давно минуло утро. Наступил полдень, а я не мог оторваться от доверчивых каланов. Много фотографировал. И тут... случилось чудо. Изза ближайшей скалистости выступла выплыл белый калан. Не поверив глазам, я трепетно ждал, чтобы он приблизился хоть еще немного. Когда до зверя осталось метров двадцать, сомнения исчезли. Передо мной действительно плыл белый калан, «тойон» — каланый князь.

Зверь между тем вел себя как обычный калан. Отодрал с камня гроздь мидий, неторопливо стал их разгрызать. Потом немного подремал, покачиваясь на груди океана. Проснулся, повертел головой, принюхался и поплыл из бухточки. Однако вскоре вернулся и опять задремал на воде вблизи камня, на котором отдыхали две крупные серокрылые чайки.

...Ни назавтра, ни позже белого калана я не встречал...

В предвоенные годы на острове были поставлены уникальные опыты по содержанию в неволе каланов. Занимались этими исследованиями Т. А. Малькович, М. Н. Игошин и крупнейший в нашей стране зверовод, профессор Е. Д. Ильина. Эстафету от них принял в 50-е годы охотовед О. Н. Данилов. А в 1983 году сотрудники Командорского пункта ВНИИ морского рыбного хозяйства и океанографии, выпускники охотоведческого факультета Кировского сельхозинститута В. Севостьянов, А. Бурдин и И. Шевченко уже планировали строительство уникального питомника каланов. Ребята «заразились» морскими зверями еще на практике; успешно защитили дипломы по экологии этих животных и не могли не приехать работать на полюбившиеся им острова...

Мужчины села Преображенское занимались не только разведением песцов, но и вели промысел морского котика в условиях нелегких, опас-

ных. Уклад жизни села был доверительный, замков, запоров не знали. Крючок на дверь набрасывали снаружи, чтобы не забрался в квартиру невероятный проказник — песец — ведь почти под каждым домом у этих зверьков были норы.

Все, без исключения, удачливые охотники и рыболовы делились добычей с остальными жителями. Лишнего не брали. Нередко заказывали отправляющемуся в воскресный день порыбачить отловить одну-две тресочки, либо терпужков, или бычков-«калашек». Зимой почти не было никакой связи с материком, кроме радио. Люди объединялись и в радостях, и в горестях. Я очень благодарен судьбе, подарившей четыре года жизни в селе Преображенском.

К сожалению, практика ускоренного укрупнения населенных пунктов в сельской местности в шестидесятые годы распространилась и на Командоры. Долго и упорно цеплялись за родной остров медновчане, но не сумели преодолеть настойчивость местного руководства, а оно было сплошь из людей пришлых. Еще в 1958 году была предпринята попытка ликвидации Преображенского, но Камчатский обком партии поддержал просьбу жителей сохранить поселок, сберечь живую человеческую душу на открытом и обжитом нашими предками острове.

Через десять лет этого сделать уже не удалось. В путаном тенденциозном очерке «Острова» писательница Майя Ганина, заглянувшая мимоходом на Медный, назвала жителей Преображенского веселыми бездельничавшими людьми. Это «пришлось ко двору» тогдашнему Алеутскому райкому партии, вновь хлопотавшему о разоре поселения на Медном. И хотя в защиту Преображенского выступали многие — в том числе и Сергей Сергеевич Наровчатов, и автор этих строк, — село исчезло с карт, а на острове остались одни фундаменты, разрушенные памятники да ограды кладбищ.

Не так давно я побывал на берегу Преображенской бухты. С горьким чувством смотрел на рухотворные руины. Те, кто были инициаторами этой «рационализации», давно уже уехали с Командор. А переселенные на остров Беринга медновчане до сих пор со слезами вспоминают свою родную землю... Сейчас в связи с предложением о создании на Медном заповедника, люди вновь ратуют за восстановление села Преображенское. Как говорится, дай бог!..

Вспоминая тепло о Медном, я не хочу умалить природную красоту острова Беринга. Он почти в десять раз больше по площади. Северную часть его занимают равнинная тундра, плато и сопки. Там своя красота и свои обитатели. Много озер и довольно крупных: Саранское, Гаванское и Ладыгинское. На юге — ландшафт медновского типа: высокие сопки, обрывистые берега, где роскошествуют птичьи базары. Остров Беринга — грибной и рыбный край. Есть тут и большие лежбища котиков, сивучей, островных тюленей-антуров. В последние годы вернулся калан. Летом, как и на Медном, склоны сопки в цветах: ветреница, купальница, герань и большие поляны ирисов...

В отлив вода уходит на сотню метров, обнажая полосу морского дна. Здесь в густых зарослях морской капусты более двух веков назад «паслись» морские коровы. Впрочем, и обычные, наши, земные, не отказываются нынче спуститься на литераль и попробовать пищу своих исчезнувших «родственников».

В море недалеко от села Никольского два замечательных островка. Один, Топорков, невысокий, плоский, где полно нор топорков —

птиц, чем-то напоминающих попугаев. Другой остров, Арий Камень, базальтовая скала с уступами и широкой площадкой посередине. На нем гнездятся пятнадцать видов морских птиц, среди них — миниатюрная чайка — красноногая говорушка и громадная серокрылая чайка. Обе занесены в Красную книгу РСФСР.

Зимой на Арьем Камне я видел полярных сов, соколов — сапсана и кречета, белоплечего и белоголового орланов. Здесь же отдыхают сотни сивучей, спасаются от ледяных штормов каланы. Но главное, конечно, — птичий град. Мне довелось видеть много птичьих базаров на Дальнем Востоке — ни один не сравнится с Арьем Камнем!

Не обходилось и без курьезных случаев. Как-то чайка заподозрила меня в злых намерениях против пятнистых чайчат, которых я увлеченно фотографировал. Стремительно спикировав, она сбила с меня фуражку и ударила по голове. В одной из книг я описал этот случай. Прошло 12 лет. Идем на Арий Камень на катере. Со мной известный зоолог член-корреспондент АН СССР В. Н. Большаков. Держа в руке мою книгу, он, хитро поглядывая на меня, говорит: «Здесь, что ли, чайки шапки сбивают?» Явно не верит моему рассказу...

Высадились, разошлись в разные стороны. Я пошел своим привычным учетным маршрутом, Владимир Николаевич отправился по площадке, где особенно много гнезд этих крупных чаек. Оборачиваюсь посмотреть, как там его встречают чайки, а он лежит. Потом поднялся, побрел дальше. Я успокоился... Когда через пару часов встретились, он смущенно обмолвился: «Ударил, окаянная, и на ногах не устоял». Я рассмеялся. Что с нее возьмешь? Она из Красной книги, ей все здесь дозволено.

Арий Камень почти на траверсе Северо-Западного лежбища морских котиков, численность которых быстро росла. Но вдруг объявилась хвороба — гельминтозное заболевание молодняка. Погибал чуть ли не каждый второй новорожденный малыш. Надо было срочно спасать животных. И вот группа молодых исследователей из Кирова под руководством профессора А. И. Коллеватовой организовала своеобразную клинику на морском берегу. От зари до зари, в погоду и непогоду они изучали болезнь, разрабатывали — и разработали! — методы лечения и уже в первые годы добились обнадеживающих успехов. Единственная в своем роде клиника на морском берегу существует и ныне.

...Спешу на Командоры, где мне предстоит встречи с друзьями и учениками. Когда-то робкие, застенчивые первокурсники стали возмужалыми, закаленными и целеустремленными исследователями, преданными защитниками природы Командорских островов. Один из них, Николай Лыскин, недавно блестяще защитил диссертацию по биологии и размножению морского котика. Я рад, что продолжается эстафета изучения островов.

Люблю ходить по ночному Никольскому. Село с каждым годом благоустраивается. Школьный комплекс, командорские Черемушки на верхней противопуанной террасе, клуб, фасад которого украшен мозаикой из командорских самоцветов.

Но одновременно возникает и тревога: нужны ли здесь чрезмерный размах строительства, обилие транспорта, быстро множась организации и службы? Уже сейчас население этого единственного на островах поселка достигает полутора тысяч. Нарушается природоохранный режим, растёт браконьерство, вездехо-

дами разрушается покров тундры, захламляются прилегающие к поселку побережья, и нерестилища лососевых рыб превращаются попросту в свалку. Зеленые дюны близ Никольского становятся пустыней — их выбил скот и транспорт.

Конечно, на островах за последние десятилетия удалось сделать немало полезного. Умножились стада котиков, вновь заселил побережья острова Беринга калан, увеличиваются ресурсы лососевых — кижуча и нерки. Охраняются гнездовья птиц. Однако нет пока четкого плана развития Алеутского района.

Понятно, что некоторые предприятия здесь необходимы: нужно занять работой местное население. Но ведь возникшая гигантская норковая ферма, целесообразная на материке, на острове явно не к месту. Велика ее убыточность. К тому же сбежавшие с фермы и одичавшие норки уничтожают рыбу, водоплавающих, «осваивают» птичьи базары...

Командорские острова — драгоценная часть России. Богатства здешнего животного и растительного мира надо умело беречь и разумно использовать. Нельзя идти по пути запретов, нельзя прятать от народа эту красоту. Запреты, чего греха таить, часто приводят к заброшенности. Не случайно, лучший путь охраны живой природы — ее рациональное «живое» использование. На Командорах принцип этот должен соблюдаться особенно четко.

Скептики утверждают, что охрана фауны Командор и развитие туризма — несовместимые вещи. Скажу откровенно, скептиками движет излишняя, чиновничья осторожность. Без всякой опасности можно показывать на Командорах и котиков, и сивучей, и каланов, и птичьи базары, и лососей, идущих на нерест. Но лишь в определенное время и в определенных местах. Необходимы срочные разработки научных основ туристического использования Командор. Нужно бы сохранить и позаботиться о промысловых домках, пока они еще окончательно не разрушены, восстановить землянки, где некогда жили алеуты. Наконец, надо обратить внимание на сбор и подготовку сувениров — отходы промысла котиков, выбросы моря и т. п. Я уже не говорю — это само собой разумеется! — о создании туристического сервиса.

Хочется напомнить, что на Прибыловские острова ежегодно прибывает огромная армия американских туристов, что дает предпринимателям, ведающим тамошними котиковыми промыслами, огромные прибыли, не принося в то же время серьезного ущерба животному миру.

Хорошо организованный туризм на Командорах может стать весьма существенной статьёй дохода. И я не уверен, что приток от туризма не превысит со временем уровня доходов от промысла котика и звероводства.

...Лет тридцать назад десятилетний медновский мальчик-алеут Жора Волков пошел со мною и с ватагой сверстников в бухту Песчаная. Был светлый тихий день. Мы стояли на перевале и молча смотрели на открывшуюся нам красоту. И Жора сказал: «Дядя Сережа, здесь так красиво, что плакать хочется...»

Лучше об этой русской земле, что лежит среди Тихого океана, не скажешь...

Р. С. Этот очерк Сергей Владимирович Мараков передал «Смене» незадолго до своей кончины.

Виктор ВЕСЕЛКОВ,
электрослесарь Котласского
целлюлозно-бумажного
комбината
имени 50-летия ВЛКСМ

«Гигант». «Флагман». «Маяк». Сколько раз писали о нашем комбинате — и все с красивыми эпитетами. Восторжались его мощью («Один из крупнейших в Европе!», «За сутки потребляет 80 вагонов древесины!»). «Выдает продукции больше чем на миллион рублей в день!», призывали следовать его починам-инициативам. Куда реже вспоминали наш город — скудно освещенный, плохо асфальтированный, застроенный безликими пятиэтажками... В основном отделялись фразой: «При комбинате вырос город Коряжма».

За этой фразой, если вдуматься, стоит целая философия. Город — при комбинате. Человек — при машине. Вин-

того. Лучше давай думать, как завербовать себе сторонников». И постепенно они перетаскивали на свою сторону всех руководителей комбината, даже Дыбцына, отнесшегося поначалу к этой идее скептически. Решили строить.

Объявили набор кандидатов. Над затеей сначала смеялись: «Наше РСУ даже сарая приличного не выстроило, а вы — дом! Стоквартирный?! Хозспособом?!» Смеялись, но заявления в молодежный отряд подавали — с жильем такое отчаяние, что за соломинку схватиться... Отобрали кандидатов на собраниях. Послали на выучку в строительные бригады. Потом принялись за дом.

Виктор начинал здесь каждый свой рабочий день. Всякий знает, как на стройке туго со снабжением. А когда строишь хозспособом — втроене. Виктор и этим стал заниматься. Там попросит, здесь выклянчит, там зубами выдерет. Настоящим инженером-строителем стал. Дошло до того, что начали поговаривать: не поймешь, кто у нас зам, гене-

"НЕ ВИНТИКИ МЫ"

тик. Часть механизма. Отпахал смену, проголосовал «за», получил рубль — ступай домой. И всякие твои мнения-соображения никого не интересуют, оставь их при себе. Причем философия эта живуча — мы ее продолжали чувствовать и после апреля 1985 года. Вот только один пример.

Случилось это на втором году перестройки. Группа депутатов обратилась в горисполком с предложением назвать одну из улиц Коряжмы именем первого директора комбината Афанасия Семеновича Сильченко. В самом деле, славы Некрасова или Лермонтова не убавится, если где-то их именем улицу не назовут. И мощь нашей армии не пострадает, когда одной Красноармейской в стране станет меньше. А вот память об инженере-работяге надо сбере-че.

В исполкоме выслушали аргументы депутатов, сказали: нужно ходатайство от коллектива комбината. Ладно. Вопрос решили вынести на профсоюзную конференцию. Но о намерениях коллектива узнал тогдашний генеральный директор комбината Александр Александрович Дыбцын. Генеральный поехал в горком партии. О чем они там говорили с первым секретарем В. А. Шитаревым (прежде секретарем парткома комбината) и председателем исполкома В. А. Мальчиным (раньше заместителем Дыбцына) — неизвестно, только горком дал команду: «Разговора об именовании улицы не допустить!» За пять минут до собрания докладчику по этому вопросу было сказано: «Не выступать!»

Интересно, что никто на той конференции не спросил, почему «выпал» последний вопрос повестки дня. Никто из депутатов, обращавшихся в исполком, не поинтересовался судьбой идеи...

Но идет время, и люди понемногу, капля за каплей избавляются от психологии винтиков. И сегодня никого не удивляет дискуссия, развернутая в газете «Трудовая Коряжма»: быть или не быть улице имени Сильченко. Вопрос решается не келейно, кабинетно, а, как

и положено в демократическом обществе, широко, гласно.

Руководителям теперь сложнее работать. Атмосфера безгласности была удобной. И вдруг «винтики» заговорили! По-моему, многие начальники были поражены, как если бы вдруг заговорил шаровой клапан или варочный котел. И первой реакцией руководителей была попытка заставить людей замолчать, вернуть все на круги своя.

Свидетельство тому — еще одна история, о которой хочу рассказать. Случилась она в марте 1988 года на производстве вискозной целлюлозы. Недовольство рабочих зрело давно. Почему при переходе на новые тарифные ставки инженеры стали получать больше, а рабочие — гораздо меньше? Когда в кислотно-варочном цехе будет нормальная комната отдыха? Почему загазованность на производстве порой в четыре раза превышает предельно допустимую? Когда будут строить жилье? Не раз, не два и даже не три говорили об этом рабочие на собраниях. Но руководители производства только отмахивались. Между тем уверен: даже не обещая скорого решения, объясни только все по-человечески — и последующих событий просто не было бы. Рабочие принесли в профком комбината петицию, которую подписали 87 человек. В ней было тринадцать пунктов требований и ультиматум: «В случае невыполнения наших условий мы оставим производство».

Забастовка не лучший способ борьбы за свои права. Но разве вдруг возникло это заявление? Разве не говорили рабочие об одном и том же в течение полугода?

Гасить конфликт принялись теми еще методами... Поздно вечером милиционер разнес «зачинщикам» повестки из прокуратуры. Последовали вызовы к руководству комбината, города (нет, чтобы руководителям самим прийти на рабочие места, поговорить — да и раньше надо было это сделать, раньше!). Прошло несколько бурных собраний. Сменили цеховой комитет, совет трудо-

вого коллектива. Ультиматум был снят с условием, что остальные требования администрация разрешит за два месяца.

XIX партконференция высвободила, как открывающийся шлюз, огромную энергию людей. Но многие не знают, какое применение ей найти: мало вожakov, которым люди верят. В руководителях нашего города, например, у большинства такой веры нет. А откуда ей взяться, если затеяно строительство двух новых административных зданий — горкома и горисполкома. И это при нашем-то бедственном положении с жильем, при нашей невероятно тесной больнице, необорудованной музыкальной школе! В старом здании у отцов города просторные кабинеты. Зачем новое? Для престижа? Но в сто раз больше для престижа партии сделали бы руководители, отказавшись от хорм в пользу людей. Писали об этом городская и многотиражная газеты, но стройка продолжается.

Ни разу не видел я — а город-то маленький — руководителей Коряжмы в магазинных очередях. Вот председателя профкома комбината с авоськой, как у всех, видел — у меня и отношение к нему другое... Третий секретарь горкома партии сказала мне однажды: «У меня нет времени ходить по магазинам!» А, по-моему, полезно иной раз постоять в очереди. Не в кабинете, а там разъяснять людям политику партии...

Когда в ходе отчетно-выборной кампании опросили 650 коммунистов города, кого они хотели бы видеть первым секретарем нашего горкома, в пользу нынешнего высказались... 66 человек!

...Однажды секретарь комитета комсомола комбината Виктор Рубаник пришел к секретарю парткома с ультиматумом: или мы будем строить молодежный дом, или весь комитет уходит в отставку. Разговоры о доме велись давно, но дело не двигалось — вот и не выдержал Виктор. «Не торопись. — охолодил его Валерий Дмитриевич Коряковский. — Бросаться отставками легче

рального по строительству — уж не Рубаник ли?»

И выстроили дом — первый такой в Коряжме. Теперь он готов к сдаче. Ребята из молодежного отряда подружались. Им и жить вместе будет весело. В подвале дома думают оборудовать мастерские, комнаты отдыха с бильярдом и тренажерами, вечерний детский сад... Уже на «подходе» и второй молодежный дом. Не за горами строительство третьего и четвертого.

В городе уже многое (помимо молодежных домов) строится. Отведена площадь под индивидуальную застройку. Там вырастет около тысячи коттеджей. Развивается подсобное хозяйство: построены кормоцех, коровник. Будет заключен договор с кубанским совхозом — оттуда пойдут мясо, колбаса. Построен модуль по производству копченых колбас. В теплых прудах комбината собираются разводить форель и карпа. Модернизация цехов впервые включает в себя и сауны, и душевые, и комнаты психологической разгрузки.

Обо всем этом говорю в будущем времени. Пока из зримых, осязаемых перемен есть только молодежные дома да появившееся в магазинах масло. Но изменилось самое главное — сознание людей. Рабочие не хотят жить по-старому. И руководители понимают: по-старому им жить не дадут. Словом, перемены будут. Все мы хотим перемен. Но не таких, как переезд чиновников в более роскошное здание.

ОТ РЕДАКЦИИ

КОГДА ВЕРСТАЛСЯ НОМЕР, нам сообщили из Коряжмы: городская партконференция приняла решение не строить новое здание горисполкома, а высвободившиеся средства направить на возведение жилья для учителей, медиков, ветеранов. Первым секретарем горкома партии избран С. Афанасьев, работавший ранее вторым секретарем горкома.

Андрей КУЧЕРОВ

Фото Евгения СТЕЦКО

Творческий коллектив «Студия Москва» под руководством Сергея Лисовского — это:

— Эстрадные программы на крупнейших площадках нашей страны — стадионах и во Дворцах спорта...

— В них принимали участие Алла Пугачева, Игорь Николаев, Владимир Пресняков, Александр Барыкин, Владимир Кузьмин, группы: «Бригада С», «Наутилус Помпилиус», «Электроклуб»...

— Постоянные солисты этих программ — Сергей Минаев, Владимир Маркин, Валерий Панков, Александр Козловский, а также группы «Класс», «Альянс», балет Григория Захарова...

— Много света, хорошая аппаратура, различные пиротехнические эффекты...

— Билеты на программы «Студии Москва» расходятся моментально...

НО

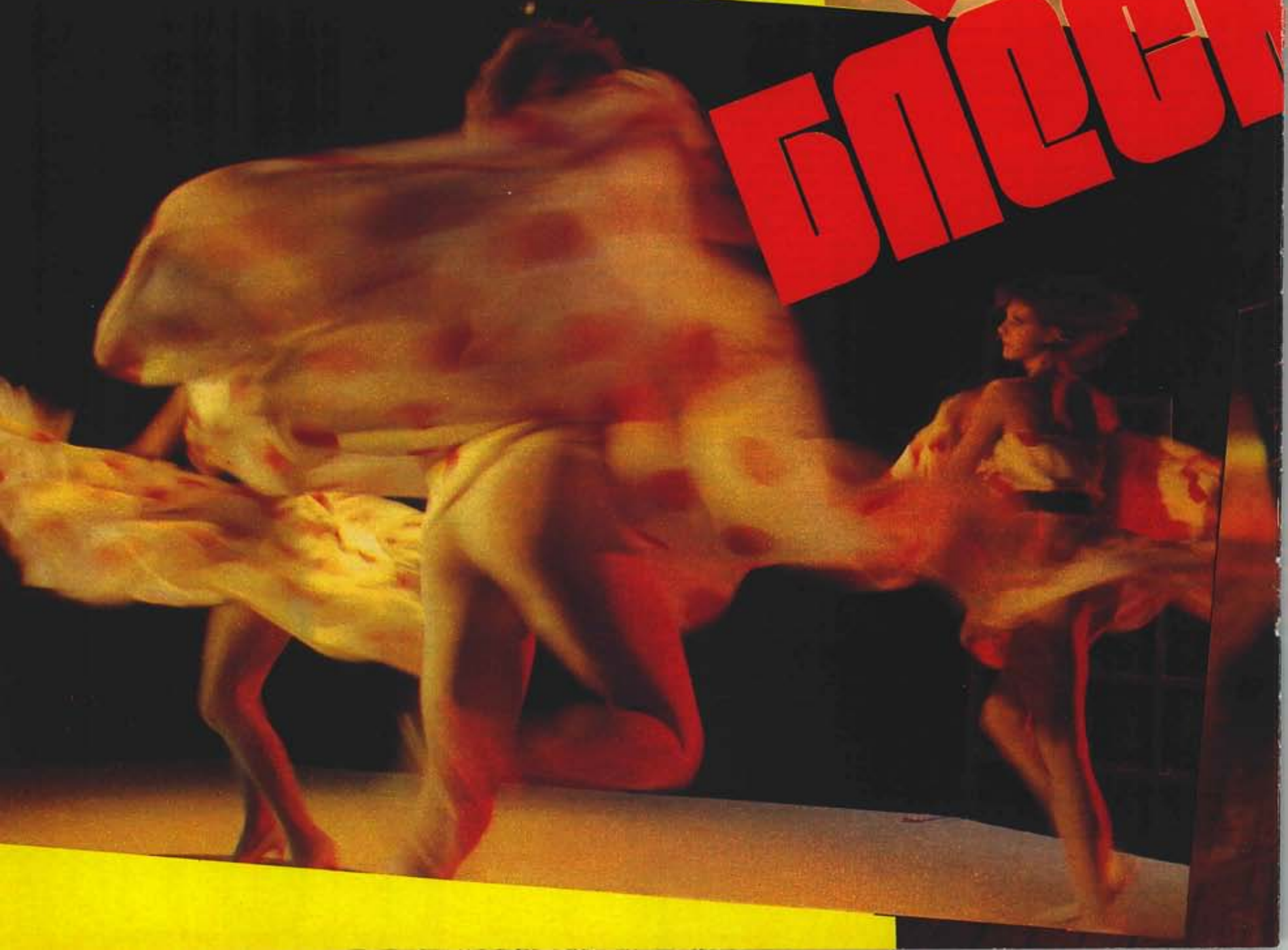
в этом разговоре мне были интересны все-таки не творческие, а скорее административные вопросы... Чтоб было понятно, объясню: прообщавшись с художественным руководителем «Студии Москва» Сергеем

Сергей Лисовский — художественный руководитель «Студии Москва».

БЕСПОШЕВНЫЙ

БЛЕСК

НАМ НЕКОЛЬКО
 ЛЕТ
 НЕРВНО
 ОБ ЭФРАИМОВИ
 МИРЕ

Будни и праздники коллектива.

Лисовским довольно долгое время, наблюдая его во время репетиций, деловых встреч, когда он отдавал распоряжения администраторам и так далее, я усмотрел в нем тип молодого человека (а ему двадцать восемь лет), который «всплыл» на поверхность нашей жизни недавно, а именно — когда мы перестали вздрагивать от слов «коммерция», «конкуренция», «менеджер», «выгодная сделка» и тому подобное. Этот характер интересен тем, что взращен он на нашей, отечественной почве и отличается, на мой взгляд, некоторым своеобразием. Я далек от того, чтобы оценивать человеческие и деловые качества Лисовского по принципу «нравится — не нравится», «прав — не прав» и т. д., потому, наверное, и предпочел жанр беседы, в которой он может обозначить свою позицию. Думаю, наш диалог не оставит равнодушными читателей журнала, поскольку призыв времени к деловитости и предприимчивости — будем говорить откровенно — каждый понимает по-своему. (Недаром же такие жаростные споры идут вокруг фигуры кооператора.) А когда деловые качества переносятся в сферу искусства, накал полемики многократно возрастает. Итак, первый вопрос я сформулировал конкретно:

— Сергей, наверное, очень приятно ощущать себя «деловым человеком», и уж совсем приятно осознавать себя руководителем большого творческого коллектива, который умеет «заводить» и «расслаблять»

тысячи людей одновременно. Но уверен, что в нашей своеобразной действительности быть «деловым» не так-то просто. Наверняка есть масса теневых сторон в этой работе?

— Сейчас я даже не знаю, чего больше приносит моя деятельность: радости или тревоги. Дело в том, что у нас годами складывалось общественное мнение, будто менеджер (несомненно, очень красивое, звучащее слово) — человек, который обязательно наживается на труде артистов. Общественная психология в нашей стране четко и конкретно определяет: все эти руководители и директора творческих коллективов ничего не делают, а только получают баснословную прибыль. Все они «спущены» в руководящие кресла сверху, а значит, получили это кресло либо за взятку, либо выслужились. Главное — сесть в кресло, и деньги потекут сами собой. Таков, повторяю, стереотип, который сформировался десятилетиями. Слова «коммерсант», «деловой человек», «конкуренция», «доход» всегда считались постыдными, вызывая у наших сограждан чуть ли не религиозный ужас и где-то на уровне подсознания ассоциируясь с чем-то родственным Уголовному кодексу. Никто не хотел (да и не хочет!) понимать, что менеджер в творчестве, а особенно в эстрадном мире, рискует непрерывно, каждый день. Рискует финансами, репутацией и даже собственным здоровьем. Насчет здоровья говорю не случайно: я, к примеру, месяцев пять потратил на общение с контрольно-ревизионным управлением Минфина РСФСР. Это была непрерывно изнурительная проверка. Но самое обидное, что у ревизоров уже заранее были готовы формулировки типа: мы ваши организации знаем, все вы воруете, мы вас посадим... А меня, как, наверное, любого человека, сильно нервит, когда обещают посадить, толком не объясняя, за что... Хотя, если вдруг сумеют объяснить, будет совсем плохо.

— Своеобразный у вас юмор. Но ведь если вы твердо уверены в своей непогрешимости, почему вы должны волноваться?

— Наивный вопрос и слишком наивный подход к взаимоотношениям с контролирующими органами. Не я, а опубличкованные факты подсказывают — при желании можно посадить любого человека. Потом, конечно, можно и выпустить, но от этого не легче. Хорошо, что представители контролирующих организаций в какой-то момент перестали трепать нервы моим актерам. Я сказал, если не прекратят допросы артистов студии, подам в суд. Это подействовало. Мы как бы негласно договорились — мучить можно меня, но творческий состав оставлять в покое. А ведь вызывали, например, Сергея Минаева, и началось: вот вы выступали там-то и там-то, почему вы получили столько денег? Но Минаев не виноват в том, что он популярен и много зарабатывает. Я считаю, актерам вообще нельзя предъявлять претензий по поводу сумм, которые они получают. Никто никого не заставляет идти на концерт или спектакль. Никто не загоняет людей на стадионы, когда идет наша программа. Каждый платит за билет собственноручно.

— Так в чем же причины такого, как вы считаете, излишне ревностного отношения к вам, к вашей студии, к вашим актерам?

— Причин несколько... Почему-то общепринято, что администрация, менеджеры вообще не имеют права получать на «актерском уровне». Я убежден, что хороший администратор приносит коллективу не меньший доход, чем хороший исполнитель. А если подчитать, сколько сил, энергии, нервов он отдает, никакой артист и близко стоять не сможет. На своем примере могу сказать: все

наши программы были отчасти авантюризм, никакой гарантии на успех мне не давали. Обычно было так: на большой площадке срывалось запланированное мероприятие, ни один солидный администратор не брался затыкать «дыру», и эту «дыру» предлагали заткнуть нам. Если не ошибаюсь, в театре такая ситуация называется срочным вводом. Когда нужно за короткий срок мобилизовать все свои усилия — а у нас это колоссальное количество аппаратуры, свет, пиротехника, костюмы — и выйти на многотысячную аудиторию. Где гарантии, что мы с треском не провалимся? Их нет. У нас в свое время не было устойчивой репутации, и наши афиши ничего не говорили публике. А в современной эстраде работать сложно: если ты провалился в каком-то городе, то через месяц об этом узнает вся страна. Телевидение, видео, магнитофонные кассеты — информационный поток огромен, обмануть зрителя сложно. В такой ситуации, между прочим, должны срабатывать качества менеджера — интуиция, расчет, чувство конъюнктуры, плюс «Его Величество Авантюризм». На менеджера ложится громадная ответственность, и провала ему не простят. Ни свои, ни чужие. Скажу больше: есть много людей и организаций, которые только и ждут, например, нашего провала, и дай им шанс — «втопчут» так, что уже не подняться.

Нам, я считаю, везло: мы выступали с аншлагами в самых, казалось бы, критических, непредсказуемых ситуациях. Но как только мы «выплыли» на поверхность эстрадного мира, появилось множество новых проблем. Мир эстрады — мир не простой и, несмотря на его внешнюю праздничность, мир довольно-таки жестокий. Невидимые законы, по которым этот мир живет и движется, отработывались годами. До сих пор есть много людей, которым эти законы позволяют хорошо, беззаботно жить. А тут вдруг появляется какой-то Лисовский и начинает «перебегать дорогу». Это не нравится очень многим.

Конкуренция, как известно, может принести ущерб не только моральный, но и материальный. Короче, когда мы «всплыли», мне сразу предложили войти в «систему». Что это значит? Практически я должен «продать» свою программу, своих исполнителей одному, двум, трем — не важно — режиссерам, которые включают «моих» в свои собственные программы, «катают» по стране, а я получаю за это деньги. В принципе условия сделки крайне выгодные. Но не для меня. Я не пошел на эти предложения. И наши артисты тоже отказались, когда им, уже через мою голову, предлагали продаться. Мы очень хорошо понимаем: наша сила в том, что мы вместе. Почему же мы так раздражаем отдельных товарищей? А потому, что отдельные товарищи на протяжении многих лет, вращаясь в системах Москонцерта, Росконцерта, дружно правили эстрадным балом. Скажем, один из таких людей мог поставить новогоднее представление сначала в Лужниках, а потом «под копытку» еще в нескольких городах нашей неприхотливой страны. Другой формировал из раз и навсегда законсервированной обимы эстрадных артистов «стадионные» программы и без ущерба для своего материального состояния, а значит, и здоровья «катал» их по стране. У этих людей сложились теплые, дружеские отношения с директорами филармоний, с ответственными работниками Москонцерта и Росконцерта, и их напряженную творческую деятельность никто не собирался пресекать. О качестве этих программ речь не заходила вовсе. Хотя бы потому, что публике выбирать было не из чего. А новые, молодые исполнители попасть в эту систему «добрых» взаимоотношений

просто не могли. Из «райской обимы» выбывали только в связи с естественной смертью. Занять чье-то место можно было годами к сорока.

Эта система многие годы всех устраивала. Но только не молодых артистов и молодых менеджеров. А с другой стороны, кто я такой? В том смысле, что я окончил технический вуз, никогда не работал в концертных организациях. И тут вдруг заявляю, что могу делать эстрадные программы и умею заниматься творческим администрированием. Более того, давайте честно конкурировать, говорю я. И началось... Борьба с нами можно тремя способами: дискредитация каждого исполнителя программы в отдельности, дискредитация самой программы и, наконец, дискредитация администрации, а говоря по-русски — надо доказать, что администрация ворует. По отношению к нашему коллективу все три способа были опробованы. К счастью, все три — сплевываю через левое плечо — пока провалились.

Тогда началось регулярное психологическое воздействие. И не только на нас. Какой-нибудь добрый человек при встрече с директором большой площадки между прочим ронял фразочку: «Лисовский — нечистоплотный человек. С ним не стоит связываться. Не советую...» И у меня уже были случаи, когда я звонил тому или иному директору и слышал в ответ: «Сергея, ты хороший парень, но ведь с тобой свяжешься, инспектора замучают. После твоей программы придут ревизоры, и опять жить не будет». И я их где-то понимаю: в любой организации есть свои недочеты, а наши ревизоры душу вынимать умеют. А бывает так. Например, звонят нашему солисту Сергею Минаеву и говорят: «Ты халтурщик. Жди, по морде получишь». Или же подходит ко мне за кулисами во время концерта какой-нибудь взрослый, солидный человек и, улыбаясь, говорит: «Сергея, у тебя хорошая программа, ты очень талантливый... Сережа, у меня к тебе огромная просьба: дай мне своего исполнителя недели на две, выручи меня, пожалуйста». Я так же мило сообщаю, что и он очень хороший человек, но исполнителя не дам, так как мы традиционно работаем все вместе. «Ай-ай-ай, как же так, Сережа? — слышу в ответ и вижу добрую улыбку. — Ты нас просто подводишь...» Разговор заканчивается очень трогательно, со слезами умиления, с рукопожатиями. А потом раздается звонок у артиста, которого у меня просили. И он слышит от неизвестного доброжелателя, что Лисовский — собственник, думает только о себе, наживается и прочее. Если это не действует, звучат угрозы: «Смотри, ведь тебя и прикрыть можно. И тексты, которые ты поешь, можно почитать повнимательнее. Смотри, парень». Параллельно начинают разбираться со мной, но теперь уже жесточе. Снова телефон и голос «под уголовника» — косноязычные фразы, ровно, монотонно, путая ударения: «Ты там с артистами-то, парень, что-то не то делаешь... ты подумай, ведь среди людей живешь, ведь и у тебя могут быть неприятности... ты в следующий раз с людьми повежливей разговаривай... а вообще-то ты достаточно, я думаю, получаешь, чтобы заплатить штраф за свои разговоры... пять тысяч, я думаю, меня устроят, если не хочешь неприятностей». Вот в таком духе. У меня эти голоса на пленку с телефона записаны...

— Чтобы слушать их вместо музыки?.. Но вообще-то не до шуток. Мне, честно говоря, было бы не по себе...

— И мне не по себе. Я только внешне могу сохранять бодрость. На самом деле бывает страшно и даже очень страшно. Неприятно думать, что когда-нибудь тебе разобьют го-

лову, хоть я и повидал в жизни всякое и знаю, что такое «брать на пушку». Но дело даже не в угрозах. Дело в том, что если я поддаюсь, позволю подмять программу и растащить ее на куски, я проиграю все. Не только в настоящем, но и в будущем. И в материальном плане тоже. Сейчас есть шанс в этой игре не проиграть. Точнее, шанс появился. Раньше вообще нельзя было говорить о какой-нибудь открытой конкуренции. Даже если известный исполнитель «посылал» одного из «основных» администраторов или режиссеров, заявляя, что не хочет больше работать в халтурной программе, ему вежливо отвечали — твое дело, дорогой, не работай. Но когда этот исполнитель звонил в какой-нибудь город и предлагал себя с концертами, он слышал, что, к сожалению, «окон» нет и не предвидится. И так по всей стране. Достаточно было поругаться с одним из «крестных отцов» эстрадного мира, чтобы остаться без работы. А еще два года назад можно было работать только через государственные концертные организации, которые были друг с другом тесно повязаны. Сейчас эту «зафлажкованность» провалили, и многие молодые ребята поняли, что можно работать самостоятельно и тебя не съедят. Уже начали появляться интересные молодые менеджеры со своими независимыми программами. Впрочем, их будущее весьма туманно, поскольку «крестные отцы» — люди суровые и изощренные, имеющие своих людей и в министерствах культуры, и в государственных концертных организациях, и в прессе, и среди директоров филармоний. И они отлично понимают: если победят новые люди, «старым» придется несладко.

— Сергей, мы в разговоре часто употребляем слово «менеджер». А каким смыслом наполняете это слово лично вы?

— Я уже говорил, что деловой человек, по-моему, тот, кто умеет рисковать, но при этом не сгибается от той ответственности за дела и обязанности, которая возникает в момент принятия того или иного решения. Тут, конечно же, нужен определенный склад характера, и идет он от природы, но ни один творческий человек не может, мне кажется, объяснить природу своего творчества. Ни один деловой человек не раскроет природу своей «деловитости». Ну вот, к примеру, такая ситуация... Вы встречаетесь с кем-то, и этот кто-то просит у вас в долг... триста рублей. Причем попросившего вы знаете плохо. Согласитесь, такую сумму вы дадите далеко не каждому. Но вдруг появляется личность, которой вы даете большие деньги, и на вопрос — почему вы это сделали — вы отвечаете: а потому что... То есть вы даже себе не сможете объяснить, почему именно этому человеку вы поверили, чем он вас взял. Так в чем же дело? Особый склад характера? Гипноз? Биополе? Что?.. Лично я не знаю. Зато замечал: прирожденным менеджером верят чаще, чем другим людям. И не потому, что они могут вычислить успех с логарифмической линейкой в руках. Срабатывает что-то иное. А с другой стороны, применяя понятие «менеджер» на себя, могу сказать, что я, к примеру, не занимаюсь чистым администрированием, мне ближе творческое администрирование. Я умею влиять на музыкальную часть нашей программы. Это не значит, что я говорю: это петь, это не петь. Но когда вещь находится в стадии создания, я сразу высказываю свое мнение — нравится она мне или нет, и объясняю, почему. Естественно, говорю и о том, смогу ли я ее продать...

— Продам — не продам... Это о музыке? О песне?..

— Да, да, о них... Эстрадная программа — это, по-моему, предприятие, которое должно приносить

прибыль. Хотя бы для того, чтобы расти и развиваться дальше. Хотя бы для того, чтобы прилично одеть исполнителей, оформить площадку, приглашать молодых, никому не известных артистов. Я однажды подсчитал, что в молодого артиста, прежде чем получишь от него первые, крохотные результаты, нужно вложить минимум 30 тысяч. Я не говорю сейчас об эмоциональных и творческих затратах. 30 тысяч — минимум! Если, конечно, ты ждешь не «коммунальных» радостей от его работы, а качественного результата, достойного тех критериев мастерства, которые существуют в цивилизованных странах. Мне кажется, у нас мало и стыдливо пишут о том, что популярная музыка — такой же товар, как машины, носки, брюки, потому что она так же необходима людям, как питание, крыша над головой, одежда. Не вижу ничего крамольного в том, что «индустрия развлечений» должна продаваться и приносить прибыли.

— Вы, насколько знаю, окончили МЭИ по специальности радиофизика. Почему же вы ушли в «другую сторону»?

— Не оригинальный вопрос. Если я начну перечислять тех, кто окончил наш институт и ушел в «другую сторону», список будет длинным. Наукой занимается мой отец. Я не раз наблюдал его муку и отчаяние. Наступил момент, когда я твердо решил: в нашей стране наука никому не нужна. А когда человек не видит перспективы, смысла и отдачи, ему становится скучно и одиноко, «эта дорога не ведет к храму». И я решил пойти по другой. Быть может, и она не приведет «к храму», но она интереснее, она увлекает. Было время, когда я всерьез занимался танцами, вел дискотеки и даже думал о том, чтобы уйти в профессиональные танцовщицы. К счастью, один неглупый человек вовремя сказал: «Танцуешь ты хорошо. Но ты обречен быть вечным вторым...» Наверное, это один из моих сильных комплексов, но больше всего на свете я не люблю быть «вторым». Словом, после того памятного разговора я обратил пристальное внимание на свои организаторские способности.

— Какими же критериями вы руководствуетесь, обращая это пристальное внимание на организаторские способности других? Каким требованиям должен отвечать человек, которого вы берете на административную работу?

— Все крайне просто. Беру человека и даю ему какое-то задание. Если он не справляется один раз — это его ошибка, если второй — мы с ним расстаемся. Очень люблю инициативных людей. Так сложилось, что в большинстве наших сограждан убито желание проявлять инициативу. За свои слова я отвечаю: у меня пятнадцатилетний опыт работы в райкоме комсомола, в НИИ, даже в торговле... Наши люди боятся проявлять инициативу, не умеют. Украсть — это да, это можно, потому что сразу получишь доход. А вот проявить инициативу во имя перспективного дела — тут одни проколы. Предпочитают подождать, промолчать, прислушаться. Люди искренне не понимают, что если ты работаешь на идею сегодня и завтра, то послезавтра идея начнет работать на тебя.

— Мне рассказывали, что в студии был жесточайший творческий конкурс. Чем вас не устраивали исполнители, с которыми вы расставались?

— Скорее, я их не устраивал. В свое время, когда замыслилась наше дело, встречаясь с разными людьми, я говорил: ждать отдачи придется долго, минимум два года. Все, чем я располагал на тот момент, исчислялось просчетом перспективы, долей самоуверенности и чуточкой надежды. Многие просто не верили, что будут результаты. Многие

просто не умели ждать... Я считаю, человек вообще не должен задумываться на каком-то жизненном этапе о своей цене. Он должен работать и вкладывать. Только тогда медленно, незаметно будет расти его цена. И только тогда наступит день, когда эта цена станет ощутимой, когда она материализуется. Сейчас в нашем коллективе люди получают хорошие деньги. Очень хорошие. И тут... как бы это сказать... Словом, не все понимают, что их высокие заработки сегодня — та цена, которая соответствует их творческим возможностям. Кое-кто думает так — сегодня повысили зарплату, значит, повысят и завтра. И когда «завтра» не наступает, тут же возникает недоумение — почему?..

— Очень многие стремятся попасть в ваш коллектив. Заработки?

— И заработки тоже. Но дело обстоит сложнее. Сейчас произошло некоторое перенасыщение эстрадного рынка, появилось много безработных. Увы, настоящих профессионалов по-прежнему не хватает, основная масса — полулюбители, полупрофессионалы, в общем, «полу». Кроме того, в нашем эстрадном мире знают, что в «Студии Москва» очень заботятся об условиях, в которых артисты работают. Это, кстати, важный стимул. Буквально все артисты говорят, что им важнее всего чисто человеческий комфорт. И, несмотря на то, что в нашей стране обеспечить комфорт очень сложно, мы пытаемся сделать все, что в наших силах. Многие не понимают, почему я стремлюсь, например, доставлять наших артистов до гостиницы на «Икарусе», говорят: «Зажрались». Это неправильно. Хотя, конечно, большинство наших людей отвыкли желать того, на что они вправе рассчитывать как люди, живущие в цивилизованной стране. Только ведь человек, приученный к худшему, может никогда не вспомнить о лучшем... Так мне кажется.

— Сергей, а вы любите себя?

— Очень люблю себя в деле. Очень хорошо себя чувствую, когда вокруг все вертится, вскипает и не останавливается... Тщеславен ли я? Да, тщеславен. Скажу больше, тщеславие — двигатель прогресса, а в искусстве — наиглавнейший «мотор».

— Извините, но все это звучит, честно говоря, нагло...

— У нас, когда человек начинает честно говорить о себе и честно отвечать на вопросы, окружающие обвиняют его в отсутствии скромности или... в наглости. По-моему, это происходит потому, что честно о себе мы давно не говорили. А если совсем серьезно, то причины некоторых моих успехов на семьдесят процентов в трудолюбии и, как это ни парадоксально, в неумении переключаться на отдых. Затем — я уже говорил об этом — склонность к авантюрам. Почему у нас многие массовые мероприятия, скажем, те же Дни Москвы, стоят огромных затрат, но приносят мизерные результаты? Мне кажется, идет слишком большая перестраховка. Вместо одного администратора работают пятеро, вместо двух помрежей зовут десять, вместо одного аппарата (а вдруг сломается?) ставят два... Громкие средства и... никто не рискует головой. Никто не отвечает за провал или серятину. Голово-то сотни. По-моему, не надо делить ответственность на всех. Это радость и беда на всех одна, но при чем тут ответственность?

— Но, я думаю, за организаторскую, административную работу в студии несете ответственность не вы один...

— Все уплотнено до пружинной отдачи, если так можно сказать. Когда мы выезжаем на гастроли, кроме меня, работают еще два администратора. Днем они решают проблемы с гостиницами, рекламой, транспор-

том, билетами, питанием, а вечером «ведут» концерты — следят за своевременным выходом артистов, поддерживают порядок за кулисами. «Закулисье» — огромная проблема. Иногда люди прорываются, чтобы подарить цветы, иногда — чтобы набить морду артисту. Да, да, в последнее время это стало просто модным. Одно дело — звездануть своему соседу Ване, другое — известному человеку, чтобы потом гордо рассказывать: «Я дал по морде Преснякову или Минаеву». У нас такие случаи были. А все к тому, что на администраторах лежит огромная нагрузка, но зато и получают они прилично.

— Скажите, пожалуйста, почему в ваших программах редко принимают участие рок-группы? Вы, насколько знаю, предпочитаете иметь дело с представителями «чистой» эстрады?

— У рокеров очень недисциплинированные поклонники. Двадцать человек могут устроить скандал на пятидесяти тысячном стадионе. И потому рок-группы поклонников в городе может быть человек триста-четыреста. А нам нужно не триста, а триста тысяч.

— Потому вы и приглашали в свою программу Аллу Пугачеву? Ее имя эти триста тысяч гарантируют?

— В какой-то степени работал и чисто коммерческий интерес. На каком-то этапе нашей работы нужна была хорошая аппаратура, оснащенная студия звукозаписи, приличный свет и прочее. Все это требует больших денег. Но, честно говоря, никто из нас даже не помышлял «спрогнозировать» Пугачеву, нам даже мечтать об этом казалось абсурдным. Она представлялась недостижимым идеалом, на уровне... ну, если бы в нашей программе работал Майкл Джексон... Просто однажды, когда мы готовились к выступлению в Олимпийском, один из моих коллег полусуто предложил Алле Борисовне выступить вместе с нами. Потом он рассказал об этом мне, и все забылось... Прошел наш первый концерт, и вдруг ко мне приходит директор Пугачевой Болдин и говорит: «Вы хотели, чтобы Алла Борисовна выступила в вашей программе? Она согласна...» Так я отправился к ней на переговоры. Пугачева честно сказала, что хочет выступить потому, что у нее никогда не было такой аудитории, как у нас, то есть сплошь молодежной, к тому же танцующей, и что ей безумно важно понять: примет ли ее эта аудитория. Эффект был феноменальным. До этого она вообще полгода не показывалась на сцене. И когда ее объявили, двадцать тысяч человек встали со своих мест. Она удивительно творческая и работоспособная личность и бесконечно дисциплинированная. Она приходила к кулисам, ожидая своего выхода, за четыре номера. А, например, мои юные таланты подсказывают к сцене за пять минут до выхода. Мне показалось, что во время этих выступлений ей важно было убедиться в какой-то своей победе, перешагнуть через что-то большое, а победы, перейти в какое-то иное качество... Может быть, я и не прав. Но сейчас мы пришли к выводу, что больше не будем приглашать в свои программы «звезд». Хотим работать самостоятельно, чтобы ясно понимать, чего же стоим мы сами как творческий коллектив.

— И последний вопрос. Можете ли вы вспомнить литературную заповедь, которая помогает вам жить, выживать и добиваться некоторых успехов в предпринимательских делах?

— Запросто. Эта гениальная мысль принадлежит моему любимому писателю Булгакову: «...никогда и ничего не просите! Никогда и ничего, и в особенности у тех, кто сильнее вас. Сами предложат, и сами все дадут!» Цитирую по памяти, но, кажется, точно.

АЛЕКСАНДР МЕКСАНДРОВ

БЕЛЫЙ ТАНЕЦ

А на дворе не стало места —
Зима все вытеснила вдруг...
Стоит березка, как невеста,
Снежинки кружатся вокруг.
Они плывут в бесшумном
Танце,
В разливе сказочной реки,
На белых личиках румянцы,
В глазах — веселья огоньки.
Танцуют все, хоть места
Мало,
Снежинкам весело, легко:
Иные падают устало,
Других уносит далеко.
А белый танец не на шутку
Пленил и двор, и все вокруг...
Березка расстегнула шубку
И, сбросив шаль, пошла
На круг.
Идет лебедушкой по кругу,
Кружит, кружит передо мной.
Скажи, скажи, какому другу
Свою красу отдашь весной?..

Лыжня ведет в снега
Лесные,
В страну нехоженых
Дорог.
Четыре лыжи расписные,
Да ты, да я,
Да наш лесок...
И пусть растет крутая
Горка —
Нас ждет игольчатый
Шатер!
Глаза твои полны восторга,
А на щеках горит
Костер.
И как похоже это пламя
На гриву рыжего
Коня;
И красный шарфик твой,
Как знамя,
Зовет на подвиги меня...
И пусть в лицо бьет белый
Ветер,
Я догоню,
Я все смогу,
Лишь был бы снег
На этом свете
И наши лыжи на снегу...

СЕВЕР

По крутым сугробам сани
Стелются,
Снег столбом —
Олени скачут ходкие...
Разгулялась белая метелица
От Хибинских гор
И до Чукотки!
А над ними ходят стужи
Белье,
Тундру обнимают выше
Пояса.
Крайний Север — это люди
Шмелые
Пишут биографии у полюса.
Ночь так ночь —
Конца не видно темени,
День так день —
Светло неходящее...
Север — это газ и нефть
Тюмени,
Север — это дело настоящее.
По ночам гуляет вьюга
Смелая,
Может, завтра стихнет,
Обессилев...
Крайний Север — это шапка
Белая
На огромной голове России...

Анатолий Пшеничный — автор шести книг, лауреат премии Ленинского комсомола. Работает он в советском посольстве в Бельгии. Работает, как и живет, горячо и азартно. И еще он пишет стихи, которые в его исполнении становятся песнями — ему достаточно взять в руки гитару... Увы, журнальная страница не может «зазвучать», и тем не менее стихи Анатолия Пшеничного могут удивить, встревожить, рассмешить, даже если их автор и его гитара находятся неблизко...

ШУТОЧНОЕ

Кто хвалил Бухарина,
Пущенного в дым,
Кто корил татарина,
Рвущегося в Крым,
Кто терзал на части
Узбекского царька?..
Вот какие страсти
У газетного ларька.

«Новости московские»
И журнал «Урал» —
Кто они таковские?
Кто их покупал?
«Огонек» стал нонеча
Многим чуть не родич,
У того Коротича
Не враг — один Коротич.

Выводы нелестные
Вы теперь исправьте —
Правда есть в «Известиях»
И известь — в «Правде».
Если вы оболганы,
Не следует молчать:
Где не смогут «органы» —
Проползет печать!

Днем и ночью рыскает
Пишущий отряд.
Доля журналистская —
Грязный маскхалат.
Черный ворон кружится,
Стонет у пера,
Не добудешь ужаса —
Не видать добра!

Будто бы по челюсти
Каждый раздобыл.
И «Мурзилка» щерится,
Словно «Крокодил»,
С «Правдой пионерскою»
Спорит «Колобок»
Про бесчестье женское
И тюремный срок.

Как учила партия:
Невзирая на...
«Молодая гвардия»
Тихая одна.
Ведь не поменялась
Под эпохи свист,
Хоть бы постеснялась
Журнала «Коммунист»!

Вражеские вестники
Смолкли, облысев.
Спеты ваши песенки,
«Грани» и «Посев»!
Что нам ваши низкие
Сплетни да навет?
Мы такое тискаем —
Плачет Пиночет!

Чтоб не снилось кой-кому
Жить по старине,
Перестройка тройкою
Мчится по стране.
И, гремя отчаянно
От скорости такой,
Органы печатные
Бьются под дугой!

ЭМИГРАНТСКИЕ ПЕСНИ

Мир не так уж и тесен,
Но опять узнаю
Эмигрантские песни
В заграничном краю.
Средь бравадного гама,

Среди блажи блатной
Мне послышалось:
— Мама,
Как хочу я домой...

На Арбате и Пресне
Ты их больше не жди.
Эмигрантские песни,
Как слепые дожди.
И «вожди», и «мессии»,
Раскачавшие стыд...
Ты прости их, Россия,
Но она не простит.

И в портовой лавчонке,
Далеко от Руси,
О российской девчонке
Прохрипит «Джи-ви-си».
Среди матчтовых просек
Разнесется в тоске:
— А скажи-ка, матросик,
Как погода в Москве?..

И непризнанный «гений»,
И обиженный «бог»
Отряхают колени
У восточных дорог.
Кем вы были когда-то —
Так светло вспоминать!
Только в чем виновата
Ваша Родина-мать?

Слава богу, поездил
Я по этой Земле.
И купался в созвездьях,
И копался в золе.
Вколот в кожу иголкой
Был обратный билет...
Но смотрел кто-то долго
Самолету вослед...

На Арбате и Пресне
Ты их больше не жди.
Эмигрантские песни,
Как слепые дожди.
И «вожди», и «мессии»,
Раскачавшие стыд...
Ты прости их, Россия,
Ты их все же прости.

ДВА СЛОВА

Я как будто занедужил,
Слышу голос за спиной:
«Ну скажи, кому ты нужен,
Кроме матери родной?»
Кто поймет и не осудит,
Лист почтовый тебе?
Кто печаль твою остудит?
Кто поплачет за тебя?

Ну, а если нет спасенья —
Мир, как жуткое кино,
Под кладбищенской сиренью
Твоя матушка давно,
Если дом твой перевьюжен,
Если окна без огней,
Ты скажи, кому ты нужен,
Кроме Родины своей?

Кто-то в гору,
Кто-то в нору.

СТРУИНА

И жена, махнув с крыльца,
Сыщет новую опору,
Сменит камень у кольца.
Но на дальнем перегоне
Будут память согреть
Две горячие ладони:
Это — Родина и мать.

Нет, не зря опять и снова,
Будто вены на руке,
Два заветных этих слова
Рядом в русском языке.
Пусть сияют, завлекая,
Чужедальние края,
Там, где мать твоя родная,
Там и Родина твоя!

С УЛЫБКОЙ

До свиданья, за граница!
Здравствуй, край знакомых мест!
Пограничная столица —
Долгожданный город Брест.
Стук сапожный,
Лай тревожный —
И бросается на нас
Наша славная таможня —
Руки-крюки, глаз-алмаз!

Невзирающий на лица,
Захлестнул девятый вал.
Если ездил за границу —
Значит, совесть потерял!..
Здесь чего-то раздирают,
За окном кричат: «Лови!»
Там кого-то раздевают,
Но совсем не для любви!

Образцовая свирепость,
Неприступный КаПелле.
Не прорваться в город-крепость
Ни на танке, ни в «гробе»!
Здесь служивым не до журу,
Здесь почин у них таков:
В каждой сотне пассажиров —
Сотня минимум врагов!..

...Я три года не был дома,
Я к окошечку приник.
Все привычно, все знакомо —
Тот же лай и тот же крик.
Отобрали все, что можно,
Что не можно, то при нас.
Ты прощай, моя таможня, —
Руки-крюки, глаз-алмаз!

НЕ НАДО ГРЯЗИ

Если кто-то про кого-то
За спиною бормотал,
Если кто-то не работал,
А на стройки призывал,
Чтобы это безобразие
Растереть, как порошок,
Говорил:

— Не надо грязи! —
Самый лучший мой дружок.

Я запомнил эту фразу,
И во мне она жила,
Не пускал ее ни разу
В пустяковые дела.
Я держал ее в запасе,
Забывал ее порой.
Видно, меньше видел грязи,
Когда был я молодой.

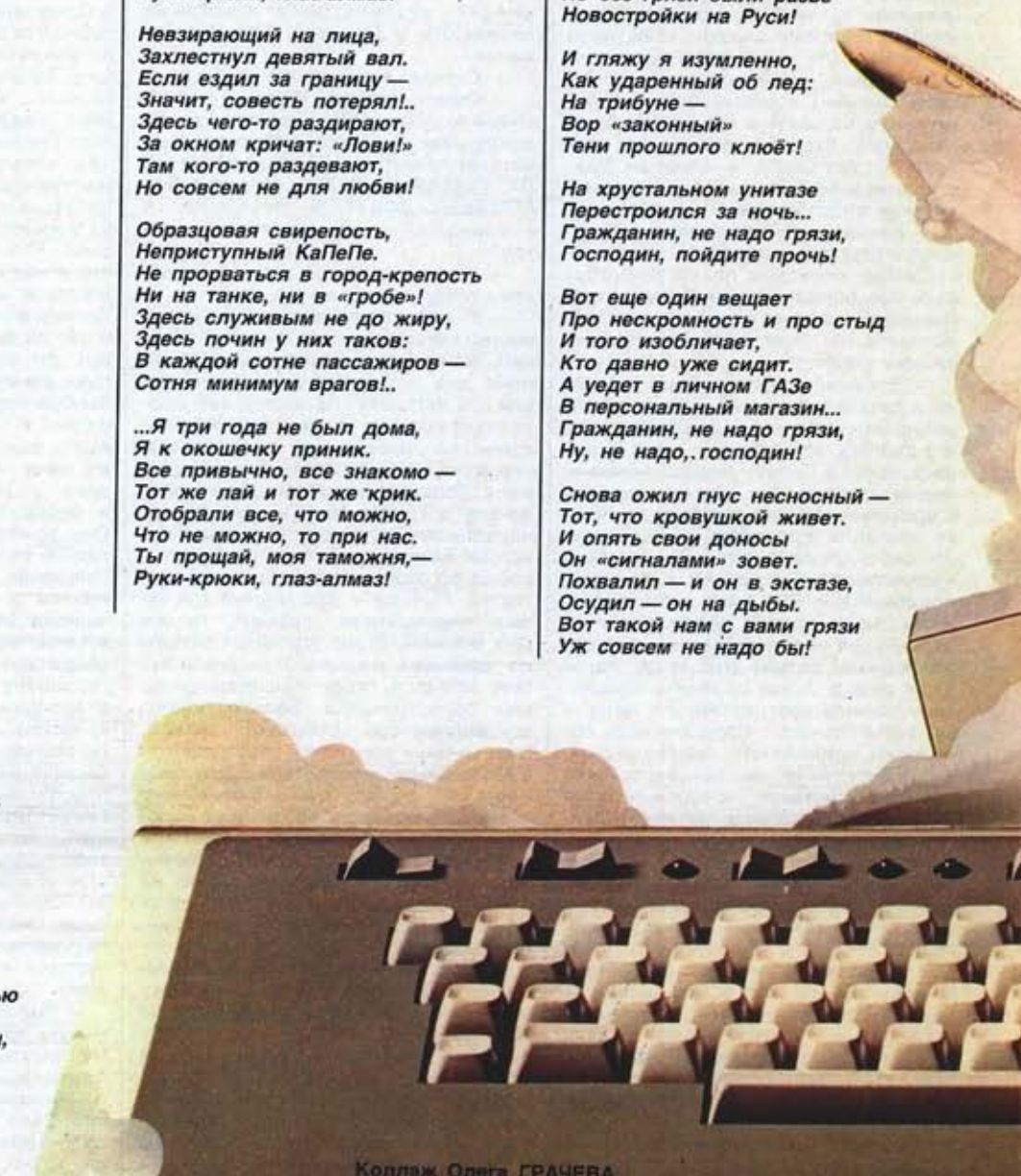
Но как снег упал за ворот —
Все раскаялся сплошь:
Не построишь новый город,
Если старый не снесешь!
Кто на МАЗе, кто на ВАЗе,
Кто на собственном такси...
Но без грязи были разве
Новостройки на Руси!

И гляжу я изумленно,
Как ударенный об лед:
На трибуне —
Вор «законный»
Тени прошлого клюёт!

На хрустальном унитазе
Перестроился за ночь...
Гражданин, не надо грязи,
Господин, пойдите прочь!

Вот еще один вещает
Про нескромность и про стыд
И того изобличает,
Кто давно уже сидит.
А уедет в личном ГАЗе
В персональный магазин...
Гражданин, не надо грязи,
Ну, не надо, господин!

Снова ожил гнус несносный —
Тот, что кровушкой живет.
И опять свои доносы
Он «сигналами» зовет.
Похвалил — и он в экстазе,
Осудил — он на дыбы.
Вот такой нам с вами грязи
Уж совсем не надо бы!

Коллаж Олега ГРАЧЕВА

СТРОКИ

Ах, страна моя — отрада,
На знаменах — красный цвет.
Перестраиваться надо,
Перекрашиваться — нет!
Ставлю точку я на фразе,
Пока нерв не пережиг...

Говорил:
— Не надо грязи! —
Самый лучший мой дружок.

ЖЕРТВЫ РЕПРЕССИЙ

Мы — жертвы репрессий.
Вы, кажется, так
Теперь называете нас.
И судя по прессе —
Развеялся мрак
И пробил положенный час.
С пакетов молчанья осыпался клей
И хрустнул на ваших зубах!
Да только не стало,
Не стало светлей
В нескитанных наших гробах.

Когда спозаранку стучали к нам
в дверь,

Вонзая в рассвет голоса,
Мы вместо прощанья шептали:
— Не верь! —
Целуя родные глаза.

И капли в следы нам вколачивал
дождь,

И тлели распятия рам!

И шурился в спины нам
Бдительный вождь
С портретов по красным углам.

Но в лагерных дебрях
И в камерной мгле
Мы гнали сомнений мираж
И верили свято, что нет на земле
Судьи справедливой, чем наш...

Но не докричаться — кричи не кричи,
Не выжить — молчи не молчи!
И, бросив щиты, обнажили мечи
Улыбчивые палачи.

Лучиною тлела надежда в груди,
Но вновь успевала сгореть,
И черной звездой плыла впереди
Свобода —
По имени Смерть.
Но были мы вместе с любимой
страной,

Как с материком острова!..
«Вы жертвою
пали
в борьбе роковой...» —
Вы помните эти слова?

У вас на земле —
Новостроек леса,
У вас — перестройки роса,
У ваших вождей молодые глаза,
У ветер летит в паруса.

С пакетов молчанья осыпался клей
И хрустнул на ваших зубах!
Да только не стало,
Не стало светлей
В нескитанных наших гробах.

ЧАС ОТКРЫТИЯ ОТКРЫТИЙ

Собрались мы и решили
Разобраться без труда:
Как мы жили не тужили
В те, застойные, года?..
А из вороха событий,
Как с колючками венец,
Час открытия открытий
Подкатился наконец!

При равнении на знамя
Не глядят по сторонам.
И, как только что узнали —
Неизвестные мы нам!
Раньше было —
Всюду глянец,
Всюду слава да хвала!
А теперь, куда ни глянешь,
Уголовные дела!

Мы газетку полистали,
Там открытье — просто страх:
Ведь у нас в Узбекистане
Есть советский падишах!
Он не сеет и не пашет,
А валяет дурака,
Ну, а то, что курит гашиш, —
Это семечки пока!

Нам сегодня не до шуток,
Мы сегодня на коне:
Вдруг открыли проституток
В трудовой своей стране!
Не на площади Пигали —
Вышли рядышком совсем
Наши Маши, наши Гали
Из рядов ВЛКСМ!

И в поэзии, и в прозе
Всё открытъя, всё грома:
Есть у нас и мафиози,
И игральные дома,
Рокера и металлисты
И «мохнатая» рука,
А что в бандах —
замминистры, —
Это семечки пока!

В общем, как и обещали
Мы в учебниках не раз,
За границу мы догнали —
Все имеется у нас.
И без лозунгов обычных
Скажем с гордостью в груди:
По отсутствию наличных
Даже где-то впереди!

Коль от этаких событий
Не разучимся читать,
Час закрытия открытий
Может запросто настать!
Вот такие наши годы,
Уходящие в века...
И, как думают в народе,
Это семечки пока!

НЕ ОШИБКА

Виноватую улыбку
Ты не прячь, военкомат.

Говорят, была ошибка
Десять лет тому назад.
Там, где звезды над крестами
Золотым обведены,
Кто-то сонными бровями
Двинул в сторону войны.

И рванулись батальоны,
От речей навеселе,
По нерусской, прокаленной,
Ненавидящей земле.
Золотая чья-то рыбка,
Чей-то звездный календарь!..
Уж какая там ошибка,
Коль обещана медаль!

Десять лет носили стойко
Груз приказов и гробов.
А в России перестройка
Аппаратов и штабов.
Реагировали гибко:
Это что там за война?
И кивнули:
Да, ошибка,
Ведь ошибка не вина...

Парня у Джелалабада
Отыскало письмецо,
А над парнем,
Как лампада, —
Друга белое лицо.
Станет зыбко, станет липко
В отчем доме у раки...
Мама, это не ошибка.
Я действительно
Убит.

ОЧЕРЕДИ

Снова день позади.
Снова ночь.
Снова утро качнет парусами.
И опять расплзаются
Очереди,
Терпеливо виляя хвостами.

То ползком, то броском
За кваском, за гузком.
Кто за чем — и зимою, и летом.
На базаре морском, на бульваре
Тверском.
По ларькам, площадям, туалетам.

За тропюю — тропа.
На тропе не до лба,
Тут в затылки к шмотью и консервам.
И тут может любой,
как судьба ни глупа,
Из последнего сделаться первым.

Вытер лоб ветеран
И пошел на таран,
Красной книжицей молнию высек.
Он штыки отбивал:
«Я пять лет воевал —
И вот этот пакетик сосисок!»

Будто вы на плацу,
Будто время к концу.
Номерки, как ожоги пиваков.
Не фашистская сволочь
нас бьет по лицу —
Топчет всех нас советский прилавок.

Только я не привык,
Как и этот старик,
Добровольно ложиться под плети.
Потому я всю жизнь ненавидел
барыг
И крыл матом торговые сети.

Я за ним, вы за мной,
За вином, за виной,
За звездой, за могильной плитой.
Я так жить не хочу,
но
«Кто с краю, — кричу, —
За надеждой и добротой?!»

И пусть номер велик,
Но все тот же старик
Встал за мной,
Полоснул мне по нервам:
«Вот единственный ряд,
Где и вправду я рад
Из последнего сделаться
Первым».

На вечер памяти Фаины Раневской ко мне подошла незнакомая женщина: «Вы сказали, что Раневская — псевдоним в честь героини «Вишневого сада». А как настоящая ее фамилия?»

Я растерялся. В самом деле, как? Почему-то не задумывался, не было случая ее спросить. Но с Раневской всегда было связано для меня много загадок. Все вокруг звали ее Фаина Георгиевна, но в энциклопедии я прочел, что настоящее ее отчество Григорьевна. А уж с возрастом вообще вряд ли кто сумел бы разобраться. Она утверждала, скажем, что ей 77 лет, но уже в следующем году неожиданно обнаружилось, что она собирается на днях отмечать свое восьмидесятилетие... Умаление возраста — невинная женская слабость. Но, кажется, Раневская не всегда убавляла себе годы, а случалось, по прихоти, и прибавляла. Обсуждать с ней эту тему было не только неделикатно, но рискованно.

Дождавшись ее после спектакля, один почитатель просил подписать программку и заодно спросил, сколько ей лет. «В субботу — 115», — не задумываясь ответила Раневская. «А-а-а, — застонал он. — И в такие годы так играть!» «Вот и шути с этой публикой!» — замечала Фаина Георгиевна.

Мы познакомились в доме Елены Сергеевны Булгаковой, наверное, в середине 60-х годов. К стыду моему, я до той поры не видел ее на сцене. Но ее комедийные роли в кино — в фильмах «Пархоменко», в чеховской «Свадьбе», в «Весне» — были, как у многих, у меня на памяти. Желая при первом знакомстве сказать нечто любезное, я вспомнил фильм «Подкидыш», шедший перед войной. Реплика Раневской в этой картине — «Муля, не нервируй меня!» — встречалась неизменным хохотом и стала бытовой поговоркой. Но едва я произнес за столом слово «Подкидыш», как Раневская развернулась ко мне всем торсом и не слишком любезно смерила взглядом. Ее большие, навывкате глаза выражали насмешливое удивление. «Только не вздумайте мне говорить об этом идиотском Муле...» Мне пришлось прикусить язык.

Разговор с Раневской, особенно поначалу, не был легок: услышит нотку не то что фальши, но просто привычной в обиходе банальности — не пощадит. Обаятельная смелость ее речи, неожиданный юмор исключали обиходное ханжество. Не решусь сказать, чтобы в ней вовсе не было актерского и женского кокетства, но оно искупалось стремительной открытостью. Запретных тем в разговоре для нее, казалось, не существует. Она испытывала собеседника острой игрой ума, лукавой импровизацией, в том числе естественным, негрубым употреблением словечек, отсутствующих в салонном и дамском лексиконе. Лишь впоследствии я догадался, что это было одним из средств преодоления природной застенчивости.

Стоило спросить ее, как она себя чувствует, и в ответ вы могли услышать: «Ужасно. Весна, а такой холод. Вы не находите, что наша планета вступила в климактерический период?» Или: «Зима, а я ненавижу зиму, как Гитлера. Зима — это мой саван. Вы интересуетесь, что говорят врачи? Но хороших врачей нет. Они спрашивают, на что я жалуюсь. У меня воспаление надпочечного нерва. Но жалуюсь я на директора театра. Он тридцать лет не дает мне ролей».

Надоевшему своими расспросами собеседнику она объявляла в телефон: «Не могу больше с вами говорить, звоню из автомата...», и тот, потрясенный, опускал трубку: неужели ему померещилось, что он сам набирал номер?

Однажды она мимоходом посетовала, что у нее «головокружение... от отсутствия успеха». Между тем какого успеха было еще желать? Раневская сама рассказывала, как на южных гастролях ее узнала в толкучке трамвая пожилая толстая одесситка. Она схватила ее за руку и долго трясла до боли в предплечье, наконец громко, на весь вагон заявила: «Это вы лично Раневская? Мисленно жму вашу руку!» «Мисленно, — повтыкала Фаина Георгиевна, — а я уж думала оторвет».

Прошло несколько лет после нашего знакомства, и Раневская неожиданно позвонила мне домой, прочтя недавно изданную мной биографию драматурга Островского. Гудя в трубку низким, прокуреным голосом,

Владимир ЛАКШИН

НЕОЖИДАННО

ЖЕНА

она пустилась в воспоминания. Еще до революции, играя в летнем деревянном театре в Малаховке, она встретила там на сцене с несравненной Ольгой Осиповой Садовской, ученицей великого драматурга, игрой и живоносной речью которой он восхищался. «Это и в самом деле было чудо, — говорила Раневская. — И я всегда потом мечтала играть в пьесах Островского, произносить его слова, только случай выпадал редко». Раневская просила меня посоветовать Театру Моссовета какую-нибудь не слишком заигранную пьесу Островского, где нашлась бы роль и для нее. Я подумал-подумал и назвал комедию «Правда хорошо, а счастье лучше». Мне казалось, что Раневская может отлично исполнить центральную роль — властной старухи Барбошевой.

На другой же день Раневская позвонила мне в возбуждении: «Дорогой мой! Спасибо! Я ваша вечная должница. Нянька — это такая прелесть...» Какая нянька? Оказалось, ей куда больше по душе роль няньки Фелицаты — не «бенефисная», казалось бы, эпизодическая роль.

По настоянию Раневской пьесу приняли в репертуар, начали репетировать... И вскоре у меня дома появился режиссер Сергей Юрский с большой банкой растворимого кофе в руках — подарком Раневской. Я смущенно отказывался, но она решительно возразила по телефону: «За удачное сватовство в Замоскворечье полагалось дарить свахе платок. Я слыхала, вы любите кофе — пусть это будет мой платочек свахе».

Одновременно Раневская прислала билеты на спектакль со своим участием, как бы намекая, что мне пора основательнее познакомиться с ее искусством. Вот когда я посмотрел, наконец, труднодоступный даже для «присяжных» театралов спектакль «Дальше — тишина» с великолепным дуэтом Раневской и Р. Плятта. («Странную миссис Сэвидж» мне повезло увидеть на сцене прежде.)

Спектакль в духе старинной сентиментальной драмы, но, впрочем, вполне современный, был действительно хорош и вызвал единодушные восторги публики. Однако едва я попытался на другой день сказать это Раневской, как услышал яростное опровержение: — Я ужасно играла вчера. Неужели вы были на этом спектакле? Какой стыд, что вы это видели!

Признаться, я вначале подумал, что ей нужны разувения, дополнительные доказательства успеха, бо-

лее щедрые похвалы. Но вскоре смирился перед искренним напором ее недовольства собой.

А между тем в ее существовании на сцене было то же, что и в жизни: соединение сердечности и беспощадности, чувствительности и неожиданной эксцентрики. Главную популярность Раневской принесли роли комедийные, гротесковые. Пошлость и грубость были ее врагами, она во множестве изображала таких женщин. И делала это с художественным изяществом, потому что умела передать незаметные переходы от пошлого к человеческому, от наглого к жалостному и беспомощному. В последние же годы ее волновала драма старости. Боязнь одиночества, светлые порывы души и беспомощные выходы старческого эгоизма — все это читалось в ее голосе, жестах, движениях. И — напоследок — особо острое зрение на людское добро.

Я задумывался: замечено или прожито это было? Кто знает? Но, проживая жизнь актерскую, одинокую, не выйдя замуж, не имея детей, утешаясь в старости привязанностью симпатичного пса по кличке Мальчик, прославленная актриса имела, по-видимому, в своем душевном опыте нечто такое, на что могла опереться, изображая своих печальных и жизнелюбивых героинь.

«Три четверти ролей, какие я должна была играть, мною не сыграны, — говорила она. — Я была некрасива, заикалась, и режиссеры меня не любили. Они любили молодых и красивых. К тому же в молодости я была бездарна...» И на сыпавшиеся тут же возражения: «Да-да, это потом со мною случилось, что я стала кое-что понимать в искусстве. Но я еще не жила...»

А в совсем доверчивую минуту — о чем-то безнадежно утраченном, о несостоявшемся в личной судьбе:

«Вы говорите, что меня любят. Меня любит публика, «все», а мне нужна любовь одного... И ее не было... Что это я разоткровенничалась? Я любила в жизни трех людей. Свою учительницу, с которой я осталась в России, когда родители уехали, это было в Ростове-на-Дону. Потом актрису Павлу Леонтьевну Вульф, ученицу Комиссаржевской, — она пристрастила меня к сцене...»

Третьего так и не назвала.

И все-таки она была счастлива. Желания человека так безмерны, а наши понятия о счастье или несчастье столь приблизительны, что иногда меру удачи легче определить не в упор, а по отбрасываемой тени. Когда Раневская сетовала на жизнь, я вспоминал другую знакомую судьбу, незаметную, почти жалкую и прошедшую на моих глазах в тени ее знаменитого образа. Ее — Фаины Раневской.

Да простится мне это небольшое отступление. Я знал эту женщину без малого сорок лет, я дружил с ее сыном. В молодости она была актрисой маленького разъездного театра. И театр был незначителен, и она

друзья издали посмертную книгу сына, и не одну. Но зачем ей были теперь деньги?

И вдруг вспомнила, что когда-то мечтала музицировать.

Она купила новенькое темно-вишневое пианино, и оно отняло половину места в той узкой мышьяе норе, в которой они жили когда-то с сыном. С опозданием свершилась недоступная мечта, и если теперь кто-нибудь заходил ее навестить, она садилась за фортепьяно, ударяла по клавишам и, глядя на гостя, с победно-виноватой улыбкой напевала: «Ландыши, ландыши, белого мая приве-ет...» Теперь и комната нужна была побольше... Непостижим человек! В семьдесят лет она поступила в театральный кружок при клубе вблизи Белорусского вокзала. Бывшая актриса, она была здесь желанна. Ей поручили роль Настасьи Тимофеевны в чеховской «Свадьбе», она играла задорных и печальных старушек в переводных скетчах, и однажды режиссер сказал ей: «Вы наминаете мне Раневскую...» Она поблудела от счастливого волнения. Вторую свою жизнь она прожила без сына, пережив его на четверть века. Радовалась, что у нее завелись поклонники, не пропускающие ни одной ее премьеры на клубной сцене. Гордясь и немного смущаясь, она говорила: «Весь микрорайон зовет меня «наша Раневская». Вы ведь знакомы с ней? Скажите ей как-нибудь обо мне! Правда, я на нее похожа?»

Вероятно, ненаигранное сочувствие к таким вот одиноким душам помогало Раневской на сцене. Играя драму старости, она играла и упрямую жажду жизни. Это находило отзыв в сердцах зрителей старшего поколения, которые успели узнать об этом кое-что по опыту, но и у молодых, которые лишь смутно догадывались, что все это им предстоит.

Я рассказал Раневской о ее странном подобии, клубной, самодеятельной «двойнице». «Как вы думаете, когда она была счастлива?» — спросила, задумавшись, Фаина Георгиевна.

С началом репетиций пьесы Островского мы с Раневской стали видеться чаще, по ее приглашению я не раз бывал в доме в Южиском переулке и попробую описать его, каким запомнил.

Входящих пугал, приветствуя, бросаясь лапами на грудь, большой черный пес Мальчик. А из глубины квартиры раздавался низкий, с модуляциями, часто простуженный голос Раневской, приглашавшей вас войти. Просторная, светлая комната была чуть затенена экзотическими растениями в кадках. Стояла красивая, но давно требовавшая починки старинная мебель, а сама хозяйка сидела в просторном кресле, как большая барыня, одетая в сиреневый толстый халат. С появлением гостей она вставала, вынимала у себя градусник, убирала с колен книгу и начинала плавно двигаться по комнате, намереваясь чем-то немедленно угостить или одарить. Дарить она любила больше, чем получать подарки, хотя не скрывала, что и ей это приятно.

На одной из стен висели фотографии лиц, в большинстве своем знакомых каждому, с самыми возвышенными надписями: «Дорогой и замечательной...», «Дорогой и гениальной...» и подписи: Качалов, Ахматова, Пастернак, Николай Акимов. Другую же стену этого домашнего иконостаса занимали веселые, печальные, оскаленные, удивленные, мохнатые и гладко причесанные, в профиль и анфас собачьи морды. «Почему-то в публике, особенно в провинции, — объясняла Раневская, — распространилась весть, что я люблю собак, и мне все присылают их портреты».

Свою собаку, с которой она не расставалась в последние годы, ради которой избегала ездить в санатории и дома отдыха, она подобрала на улице. «Я дожила до такого плохого времени, — рассуждала Раневская, — когда исчезли домработницы. И знаете, почему? Все домработницы ушли в актрисы. Вам не приходило в голову, что многие молодые актрисы наминают домработниц? Так вот, у меня домработница опекает собаку. Та живет, как Сара Бернар, а я — как сенбернар. Вообще-то люди, которые любят животных, не могут быть злы. Моя мать была добрая женщина, и я унаследовала этот недостаток. Вот еще птицы. Я тоннами сыплю зимой воробьям пшено за окна. Вы подумаете: психопатка. А сейчас холод, пшено падает в грязь, затапывается, и они его не найдут. Честно говоря, я непрерывно думаю об этом».

Так и запомнилось: собаки, воробьи, растения в кадках — привычное домашнее окружение Раневской. Когда ее спрашивали, у кого она лечится, она независимо отвечала: «Я лечусь у своей собаки». Но все же врачи, которых она ради красного словца не щадила, как я мог понять, исправно ее навещали и, обнаружив сильнейший неполадок в легких, удивлялись, чем она дышит. На этот случай у Раневской был заранее заготовлен ответ. «Я дышу Пушкиным», — заявляла она.

Это была правда. Пушкиным, как и Чеховым, и Толстым, она жила вседневно. С воодушевлением читала строки Ахматовой:

*И было сердцу ничего не надо,
Когда пила я этот жгучий зной.
«Онегина» воздушная громада,
Как облако, стояла надо мной.*

Восхищалась, как точно передают слова «воздушная громада» всю огромность и вместе с тем легкость пушкинского создания. А тут еще «облако» над головой, и взгляд в небеса, где оно неспешно проплывает... Чудо!

Однажды она позвонила мне крайне возбужденная, требуя адрес редакции какого-то тонкого журнала, где была напечатана оскорбившая ее своей бесцеремонностью статья о Пушкине. «Недавно они просили у меня интервью, и я опрометчиво согласилась, не думая, что они способны на такую гадость!» Зная вспыльчивость Раневской и ее отходчивость, я спросил, если она не отошлет письмо, подарить мне на память автограф? Так и случилось. Сейчас письмо это передо мною. «Как могли поместить Вы в Вашем журнале подобное безвкусице, бесцеремонность к памяти Великого Пушкина?» — негодовала Раневская.

Если о Пушкине она говорила возвышенно, с ощущением дистанции, то Чехова воспринимала коротко, как близкого человека, почти родственника, ведь она к тому же была его землячка. Вспоминала Таганрог, дом, где она жила с родителями, — Николаевская, 12. В памяти ее остались аллеи городского сада, спуск, ведущий к морю, вид зеленых, с акацией из-за забора, улиц. «Окна раскрыты, и из каждого окна несет музыка». «Так уж и из каждого?» — усомнился я. «Представьте, в Таганроге во многих домах стояли фортепьяно. Наш город был очень музыкален», — парировала Раневская. Память о семье Чеховых в Таганроге была еще совсем свежа. «Я лечила зубы у его племянника, — вспоминала Фаина Георгиевна. — Мама знала многих, с кем он был знаком, у кого бывал. Гимназисткой я бегала к домику, где он родился, и читала там книги, сидя на скамье в саду».

В 1904 году летом они жили на какой-то роскошной даче — семья Раневской была состоятельной. «буржуазной», как она говорила. «Сколько лет мне было тогда? Я родилась... в 1896 году. (В другой раз называлась другая дата.) Значит, восемь? Вдруг крик из комнаты матери: «Его нет! Умер! Умер!» В испуге я вбежала в комнату: кто, кто умер? Мать с газетным листом в руках, а в газете извещение: «Вчера на курорте Баденвейлер в Германии скончался Чехов». Я пошла в библиотеку отца, открыла том Чехова наугад и прочла «Скучную историю». Сколько лет мне было? Быть может, девять. Я читала «Скучную историю» и все поняла. Так кончилось мое детство».

Новых книг Раневская почти не читала, а только перечитывала старые, надежные: Чехова, Лермонтова, Льва Толстого. О Толстом тоже говорила охотно, по долгу, в особенности когда в Театре имени Моссовета задумали ставить «Живой труп». «Я впитала любовь к Толстому не с молоком, а со слезами матери. Второй раз мать рыдала над газетным траурным сообщением в 1910 году. Она говорила, что не знает, как жить дальше, «погибла совесть, совесть погибла».

В 1920 году юная Фаина Раневская решила совершить паломничество в усадьбу и к могиле любимого писателя. Софьи Андреевны уже не было, но в Ясной Поляне сохранялся стиль жизни толстовской семьи. Раневскую поразили мелочи: в спальне рядом с умывальным тазом зеленый обмылок — это вегетарианское пальмовое мыло Чертков присылал Толстому из Англии. Ночное ведро — Толстой не разрешал выносить его прислуге, каждое утро сам спускался с ним по лестнице.

На обратном пути из Ясной Поляны в какой-то дорожной гостинице Фаине приснился сон: Толстой вошел в комнату, присел на ее постели... Проснулась и почувствовала жар. «У меня началась лихорадка... имени Толстого».

Как-то, уже сравнительно недавно, в голицыном Доме творчества Раневская повстречала бывшего секретаря Толстого Николая Николаевича Гусева. Она долго не выпускала из своей руки его руку, пожимавшую не однажды руку Толстого. Потом попросила сказать хотя бы одну фразу, одно словечко Толстого, о котором Гусев никогда и никому прежде не говорил, о чем не писал в своих книгах. Секретарь Толстого задумался. И вдруг наклонился к ее уху и скороговоркой произнес слова, какие, видно, вырвались у Толстого в сокрушенную минуту: «Дети плохие, дети плохие, дети плохие».

В «Живом трупе» Раневской предложили сыграть роль матери Виктора Каренина — старухи Карениной. «Не знаю, как быть, — по обыкновению насмеливо отозвалась она. — Отказаться нельзя. Но и соглашаться».

ИЗНАЧАЛА

в нем не отличалась, а все же какая это знобящая болезнь — сцена! Личные невзгоды, потом война заставили ее уйти с подмошек — она стала домохозяйкой, воспитательницей дошколят, музорганизатором в клинике, где, заболев, лежал ее сын. Оставленная мужем, она жила в «пенале» — узкой каморке большой коммунальной квартиры, страдала от бедности, вечно считала копейки. Случилось так, что тяжело больной ее сын оказался талантливым литератором, стал печататься, имел успех, но в тридцать лет внезапно скончался у нее на руках от туберкулезного менингита. Горе ее было беспредельно. Жизнь потеряла смысл. Два года она провела в доме скорби, утратив рассудок, и вернулась домой притихшая, ослабевшая, чтобы как-нибудь равнодушно дотянуть отпущенные ей богом дни. С безразличием узнала она о том, что на нее свалились деньги, которых она не ждала, —

ся опасно. Завтра вся Москва будет говорить: «Раневская сошла с ума, она играет Анну Каренину!»

И снова переводила разговор на театр, на свою в нем судьбу. «Вы не поверите, в это трудно поверить, но ведь я стеснительна. Только когда выхожу на сцену, надеваю парик, платье чужое — становлюсь нахальной, вроде бы это не я. А когда без всего этого — я застенчива и очень заикаюсь».

Жалуюсь на то, что она так мало сыграла в театре, Раневская замечала, что только одна ее роль ей самой нравилась — бандитки Маньки из «Шторма», «но там я почти все слова сама придумала». Она вживалась в роль так полно, так всерьез, что пустотелые фразы в современных пьесах нередко заменяла и дополняла своими. Драматург и режиссер, принимая восторги публики на премьере, добросовестно забывали в этот миг, как мучила их Раневская своими непрерывными вопросами, недовольством собой и своей ролью, постоянными пробами, разрушением, казалось бы, готового рисунка роли на репетициях. Да, работать с ней было непросто...

Сама же она, похоже, сожалела, что не попала в школу мастеров Художественного театра, на выучку к Немировичу-Данченко и Станиславскому, которого боготворила. Как-то в Камергерском переулке она бросилась вслед открытой пролетке, в которой сидел красивый, прямой, седой человек, и в избытке чувств, не зная, как полнее выразить охвативший ее восторг перед своим кумиром, крикнула, протянув руки вслед удаляющемуся экипажу: «Мальчик мой!» Станиславский оглянулся недоуменно.

Неудача ожидала ее и с Немировичем-Данченко. Василий Иванович Качалов, хорошо относившийся к молодой Фаине, хлопотал, чтобы ее приняли в Художественный театр, и договорился о ее встрече с Немировичем. Дрожа от волнения, она вошла в кабинет Владимира Ивановича. Неизменно корректный и сдержанный, он пригласил ее сесть и сказал: «Я вас не видел еще на сцене, но о вас хорошо говорят. Надо подумать, не войти ли вам в нашу труппу?» Она смешалась, вскочила со стула, стала кланяться и от волнения забыла имя и отчество собеседника. «Я так тронута, дорогой, дорогой Василий... Василий Степанович!»

«Он как-то странно посмотрел на меня, — рассказывала Раневская, — и я выбежала из кабинета, не протрившись. Тут же поняла, что сделала что-то не то, и в слезах позвонила Качалову. «Мд-да...» — произнес растерянно добрейший Василий Иванович и все же пошел объясняться с Владимиром Ивановичем, уговаривая принять ее вторично. Успеха его заступничество не имело. «Да нет, Василий Иванович, — сказал Немирович. — И не просите. Она, извините, ненормальная, я ее боюсь».

Раневская была одарена эмоциональностью, ставившей ее и в жизни, и на сцене на край эксцентрики. Но способность критически оглянуться на себя, столь редкая в актерском мире, позволяла ей балансировать на опасной грани, не сползая в пошлость или искусственность. У нее было прирожденное чутье правды, стихийная грация, поддержанная воспитанием на лучших образцах.

Сама она уверяла, что ей просто повезло, потому что смолodu ее окружали люди, привыкшие дышать воздухом искусства и заражавшие преданностью ему. По ее рассказам, два сильнейших в жизни впечатления — это Федор Иванович Шаляпин и московские цыгане. Знаменитая балерина Екатерина Васильевна Гельцер подобрала провинциальную девочку, мерзнувшую на улице вблизи колонн Большого театра, привела в дом и обогрела. «С Гельцер и ее компанией ездили к Яру и в Стрельну. Там были чудесные цыгане и старуха цыганка незабываемо пела: «Наглядитесь, наглядитесь на меня...» Гельцер многому меня научила — она была феноменально необразованная и феноменально умная...»

Шаляпина Раневская впервые услышала во «Вражьей силе» Серова. Он вышел на сцену театра Зимина и сказал шепотом после увертюры: «Не могу петь...» — повернулся и ушел со сцены. Он был сильно взволнован тогда конфликтом с публикой — демократическое студенчество не могло ему простить, что он встал как-то на колени перед царской ложей. Но он вышел снова, запел — и все стало неважно, кроме этого голоса. «Гениальный певец и артист — пластинки не передают того, что я слышала», — вздохнув, заметила Раневская.

...Я не перебивал ее, а она, закутавшись в шаль и чуть сгорбившись в своем кресле, глубоко ушла в «страну воспоминаний».

«Шаляпин... И еще Чехов... Как он из сына лавочника мог стать аристократом? А я ведь знала аристократов, потому что родилась давно. Мне кажется, что в субботу мне будет 90 лет. Сколько лет вашей матушке? Семьдесят семь? Девочка! В ее годы я парила, как эльф, и прыгала, как козочка... Да, об аристократах... В Севастополе я встретилась с одной из Волконских. Дело было в первый год революции. Мы подружились. Она собиралась уезжать за границу... Все мои родные уехали в Швейцарию, а я осталась в России, потому что думала, произошла революция и, значит, здесь будет что-то самое важное...»

И вдруг, спохватившись: «Что это? Пришли гости, а я говорю одна. Значит, я плохо воспитана. А я знаю, что такое хорошее воспитание. Сейчас мало воспитанных людей, но я их успела повидать».

Я спрашиваю ее об Ахматовой. Обычно она охотно рассказывает о ней, к случаю. Но специально, по заказу, из нее не выдавишь ни словечка. «Зильберштейн просил написать о ней воспоминания для «Литературного наследства». «Ведь вы, наверное, часто ее вспоминаете?» — спросил он. «Я ответила: Ахматову я вспоминаю ежесекундно. Но писать о себе воспоминания она мне не поручала... А вообще ее фамилия Горенко. Она была очень несчастна». Вот и весь сказ.

По другим мемуарам мне были известны рискованные шутки Раневской, имевшей дерзость в присутствии автора петь ахматовские стихи «Слава тебе, безысходная боль, умер у нас сероглазый король» на разудалый мотив «Ехал на ярмарку ухарь-купец...» Ахматову это смешило. Но я помню другое — с каким неподдельным личным чувством, низким голосом выпевая строки, Раневская читала:

*Я пью за разоренный дом,
За злую жизнь мою,
За одиночество вдвоем
И за тебя я пью...*

Неразделенная любовь была темой и самой Раневской. «Все, кто меня любил, — сказала она однажды, — не нравились мне. А кого я любила — не любили меня». Так ли это было или не совсем так, я не знаю, но она воспринимала этот мир с напряжением неутоленного чувства счастья, и, может быть, оттого с такой правдой несла драму одиночества на сцене.

Нянька Фелицата в комедии «Правда хорошо, а счастье лучше» привлекала ее, похоже, тем же. Слово «счастье» в названии пьесы рифмуется с именем Фелицаты — сама не слишком счастливая, она хочет нести радость другим...

Пока Раневская учила эту роль, она звонила мне домой едва ли не ежедневно. Восхищалась пьесой Островского и жаловалась, что с трудом запоминает текст. Врач уверял ее, что на состоянии памяти сказывалось давнее злоупотребление снотворным, многолетнее курение. «А я думаю, дело не в этом: нас приучили к одноклеточным словам, куцым мыслям, игрой после этого Островского!»

Ей хотелось показать Фелицату как прекрасное, чистое существо. Она всех вскормила, воспитала и все же одинока в доме, которому служит. Ведь именно она вопреки всему устраивает счастье молодых героев — Платона и Поликсены, а сама в этот миг как бы становится не нужна; хозяйка дает понять, что ее выгонят.

Раневской хотелось спеть в финале куплет старой песни. В юности она слышала ее в исполнении великого актера Владимира Николаевича Давыдова. Она напевала мне эту песню: «Корсетка моя, голубая строчка...» — и спрашивала неуверенно, можно ли позволить себе такую «отсебятину», если у Островского этого нет? «Я ведь полунителлигентная женщина, из гимназии меня выгнали... Боюсь, вы меня не поймете... но так почему-то подходит эта песня для няньки...»

Я не стал охлаждать ее воображения ученым педагогом, тем более что режиссер, ни с кем не советуясь, уже придумал для пьесы таких «штук» и «фортелей», включая эффектное хоровое пение, что призывал Раневскую на этом фоне выглядеть весьма скромно.

Премьера прошла с успехом, хотя Раневская играла с огромным напряжением, боялась перепутать текст. Чувствовалось, что, становясь центром спектакля, она как бы выпадает из его темпераментного, экстравагантного рисунка. Ее Островский был проще, скромнее и сердечнее.

Вершиной ее роли была последняя сцена: прощальным взглядом окинув стены и будто попрощавшись со всем, что здесь было прожито, нянька Фелицата покидала дом: это уходила из него его живая душа. Не давая пролиться слезам и мешая их с показным весельем, Раневская напевала, пританцовывая:

*Корсетка моя,
Голубая строчка.
Мне мамаша говорила:
«Гуляй, моя дочка»...*

Ее уход со сцены покрыли овации. Островский, подумав я, не посоветовал бы на эту выдумку.

Наутро я позвонил, чтобы поздравить Раневскую с успехом. Она сказала, что не спала ночь, ибо уверена, что провалилась. Ей не нравился спектакль, не нравились затеи режиссера, не нравилось, что слишком быстро вертится круг, меняя выгородку, но больше всего не нравилась себе она сама. «А как же овации, цветы?» — возразил я. «Ах, публика ничего не понимает» — отмахнулась она. «Впрочем, я всегда вспоминаю слова Ахматовой: какая ужасная профессия быть актером — обречены всего бояться, от всего зависеть...»

Правда, ужасная профессия, готов был согласиться я, особенно если быть неудачником. Но вдруг подумал: а впрочем, прекрасная профессия — если быть Фаиной Раневской!

...Вечеринка подходила к концу. Угощение удалось на славу: и спиртное, и мясо на ребрышках, поджаренное на углях, и салат, и особый соус, который приготовила Мег. За стол они сели в пять. Теперь часы показывали полдевятого, уже темнело; при большом количестве гостей настоящее веселье в это время обычно и начинается. Но их было всего пятеро: литературный агент с женой, молодой, недавно прославившийся писатель, тоже с женой, и журнальный редактор, выглядевший гораздо старше своих шестидесяти с небольшим. Редактор пил только минеральную: в прошлом он лечился от алкоголизма, о чем рассказывал писателю литагент. Однако все это осталось в прошлом, как, впрочем, и жена редактора, отчего их, собственно говоря, и было пятеро.

Когда на выходящий к озеру участок позади дома писателя опустилась темнота, вместо веселья их охватило какое-то серьезное настроение. Первый роман молодого писателя получил хорошие отзывы в прессе и разошелся большим числом экземпляров. Ему повезло, и, к чести его, надо сказать, он это понимал.

С раннего успеха молодого писателя разговор, приобретая странную, игриво-мрачную окраску, перешел на других писателей, которые заявляли о себе рано, но потом вдруг кончали жизнь самоубийством. Вспомнили Росса Локриджа, затем Тома Хагена. Жена литературного агента упомянула Сильвию Платт и Анну Секстон, после чего молодой писатель заметил, что не считает Платт интересным автором: она покорила с собой не из-за успеха, а скорее наоборот — приобрела известность после самоубийства. Агент улыбнулся.

— Давайте поговорим о чем-нибудь другом, — попросила жена молодого писателя, немного нервничая. — А что вы думаете о безумии? — игнорируя ее, спросил агент. — Бывали среди писателей и такие, кто сходил с ума от успеха. — Голосом и манерами он немного напоминал актера, продолжающего играть свою роль вне сцены.

Жена писателя собрала снова перевести разговор в другое русло: она знала, что ее мужа интересуют подобные темы, и не только потому, что ему доставляло удовольствие говорить об этом в шутовском тоне. Напротив, он слишком много думал о таких вещах и от этого, может быть, пытался шутить. Но тут заговорил редактор, и сказанное им показалось ей таким странным, что она забыла про свой невысказанный протест. — Безумие — это гибкая пуля.

Жена агента взглянула на редактора удивленно. Молодой писатель в задумчивости наклонился чуть вперед.

— Что-то знакомое... — произнес он. — Конечно, — сказал редактор. — Эта фраза, вернее, образ «гибкой пули», взят у Марианны Мур. Она воспользовалась им, описывая какую-то машину. Но мне всегда казалось, что он очень хорошо отражает состояние безумия. Это нечто вроде интеллектуального самоубийства. По-моему, и врачи теперь утверждают, что единственное истинное определение смерти — это смерть разума. А безумие — это гибкая пуля, падающая в мозг.

Жена писателя поднялась из кресла: — Кто-нибудь хочет выпить? Желających не нашлось.

— Ну, тогда я хочу, раз уж мы собираемся говорить на эту тему, — сказала она и отправилась смешивать себе новую порцию коктейля.

— Как-то, когда я работал в «Логансе», — сказал редактор, — я получил рассказ. Сейчас, конечно, «Логанс» там же, где «Кольерс» и «Сатердей ивинг пост», но мы протянули дольше их обоих. — В его

Стивен КИНГ

Баллада
о г...
п...
т...

голосе послышались нотки гордости.— Каждый год мы публиковали тридцать шесть рассказов, иногда больше, и каждый год четыре-пять из них попадали в антологию лучших рассказов года. Люди читали их. Короче, рассказ назывался «Баллада о гибкой пуле». Написал его человек по имени Рег Торп. Молодой человек такого же примерно возраста, как наш хозяин, и примерно в такой же степени известный.

— Это он написал «Персонажи преступного мира», да? — спросила жена литературного агента.

— Да. Удивительная судьба для первого романа. Отличные отзывы, коммерческий успех и в твердой обложке, и в мягкой, издание Литературной Гильдии, и все такое. Даже фильм оказался неплох, хотя, конечно, с книгой не сравнишь. До книги он просто не дотянул.

— Мне она понравилась,— сказала жена писателя, втягиваясь в разговор против своей воли.— Он что-нибудь еще с тех пор написал? Я читала «Персонажи» еще в колледже, а это было... в общем, было слишком давно.

— Нет, он ничего больше не написал,— сказал редактор.— Кроме того рассказа, о котором я упомянул. Он покончил с собой. Сошел с ума и покончил с собой.

— О-о-о... — устало протянула жена писателя.— Опять это.

— Рассказ публиковался? — спросил молодой писатель.

— Нет, но не потому, что автор сошел с ума и покончил с собой. Он так и не попал в печать, потому что сошел с ума и чуть не покончил с собой редактор.

Агент вдруг встал, чтобы налить себе еще, хотя его стакан был почти полон. Он знал, что летом 1969 года, незадолго до того, как «Логанс» прекратил свое существование, редактор перенес тяжелое нервное расстройство.

— Этим редактором был я,— проинформировал гостей редактор.— В определенном смысле мы с Регом Торпом сошли с ума вместе, хотя я жил в Нью-Йорке, а он в Омахе, и мы никогда не встречались. Книга его вышла за шесть месяцев до этого, и он перебрался в Омаху, чтобы, как говорится, собраться с мыслями. Что произошло с ним, я знаю, потому что иногда вижу с бывшей женой Рега, когда она заезжает в Нью-Йорк. Она художница, и довольно неплохая. Ей повезло. В том смысле, что он чуть не взял ее с собой.

Агент вернулся и сел на место.

— Теперь я начинаю кое-что припоминать,— сказал он.— Там была замешана не только его жена. Он пытался застрелить еще двоих: один из них совсем мальчишка.

— Верно.— сказал редактор.— Именно этот мальчишка его в конце концов и доконал.

— Мальчишка? — переспросила жена агента.— В каком смысле?

По выражению лица редактора было понятно: он не хочет, чтобы его торопили. Он расскажет все сам, но не будет отвечать на вопросы.

— Свою же часть этой истории я знаю,— сказал он,— потому что я ее прожил. Мне тоже повезло. Чертовски повезло. Интересное явление... эти люди, которые пытаются покончить с собой, приставив к виску пистолет. Казалось бы, самый надежный способ, гораздо надежнее, чем снотворное или перерезанные вены, однако это не так. Когда человек стреляет себе в голову, часто просто нельзя предсказать, что произойдет. Пуля может отлететь рикошетом от черепа и убить кого-то другого. Она может обогнуть череп по внутренней поверхности и выйти с другой стороны. Может застрять в мозгу, сделать вас слепым, но оста-

вить в живых. Можно выстрелить себе в голову из «тридцать восьмого» и очнуться в больнице. А можно выстрелить из «двадцать второго» и очнуться в аду... Если такое место вообще есть. Я лично думаю, что это как раз здесь, на Земле, возможно, в Нью-Джерси.

Жена писателя рассмеялась звонко и, пожалуй, чуть-чуть неестественно.

— Единственный надежный способ самоубийства — это прыжок с очень высокого здания, но таким методом пользуются лишь крайне целеустремленные личности. Слишком уж потом все безобразно. Я это вот к чему говорю: когда вы стреляете в себя, так сказать, гибкой пулей, вы не можете знать заранее, каков будет исход. В моем случае произошло то же самое: я махнул с моста и очнулся на замусоренном берегу. Какой-то водитель лупил меня по спине и так двинул мои руки вверх и вниз, словно ему приказали в двадцать четыре часа привести себя в атлетическую форму, и он принял меня за тренажер. Для Рега пуля оказалась смертельной. Он... Однако я начал рассказывать вам свою историю, хотя у меня нет уверенности, что вы захотите ее выслушать.

В сгущающейся темноте он посмотрел на всех вопросительно. Литературный агент и его жена неуверенно переглянулись. Жена писателя собралась было сказать, что на сегодня мрачных тем уже достаточно, но в этот момент заговорил ее муж:

— Я бы хотел послушать. Разумеется, если тебе это не будет неприятно по каким-то личным мотивам...

— Рассказ Торпа пришел, что называется, «самотеком», — начал редактор.— но в то время в «Логансе» уже не читали незаказанные рукописи. Когда они все же приходили, секретарша просто клала их в конверт с обратным адресом и прикладывала записку примерно с таким текстом: «Из-за возрастающих затрат и отсутствия возможности у редакторского состава справляться с постоянно возрастающим числом предложений «Логанс» рассматривает теперь только заказанные рукописи. Искренне желаем успеха и надеемся, что вам удастся заинтересовать своим произведением кого-то еще». Надо же такую белиберду придумать!

— Короче,— продолжил редактор, доставая портсигар.— рассказ пришел. Девушка, занимавшаяся почтой, достала его, подколола к первой странице бланк с отказом и уже совсем собралась сунуть его в конверт с обратным адресом, когда взгляд ее упал на фамилию автора. «Персонажей» она читала. В ту осень все читали эту книгу, либо ждали очереди в библиотеке, либо рылись по книжным полкам в аптеках, ожидая, когда она выйдет в мягкой обложке.

Жена писателя, заметив мимолетное беспокойство на лице мужа, взяла его за руку. Тот ответил ей улыбкой. Редактор щелкнул золотым «Ронсоном», чтобы прикурить, и при вспышке пламени в сгущающейся темноте все они заметили, какое старе у него лицо: висящие, словно из крокодиловой кожи, мешки под глазами, испещренные морщинами щеки, по-старчески торчащий подбородок, похожий на нос корабля. «И этот корабль,— подумалось писателю,— называется «Старость». Никто особенно не торопится в плавание на нем, но каюты всегда полны. И палубы, если уж на то пошло».

Огонек зажигалки погас, и редактор в задумчивости затянулся сигаретой.

— Девушка, которая прочла рассказ, вместо того чтобы отправить его обратно, теперь редактор в «Патнамз Санз». Как ее зовут, сейчас не важно. Важно то, что на большой координатной сетке жизни вектор этой девушки пересекся с вектором Рега Торпа в отделе корреспонденции журнала «Логанс». Ее вектор шел вверх, его — вниз. Она отправила рассказ своему боссу, тот передал его мне. Я прочитал, и мне понравилось. Чуть длиннее, чем нам нужно, но я уже видел, где можно без ущерба сократить пять сотен слов, и этого вполне бы хватило.

— О чем рассказ? — спросил писатель.

— Об этом можно было бы и не спрашивать,— ответил редактор.— Его содержание отлично вписывается в мою историю.

— О том, как сходят с ума?

— Вот именно. Чему первым делом учат в колледжах обучающихся писательскому ремеслу? Пишите о том, что знаете. Рег Торп писал об этом, потому что сходил с ума. И мне, возможно, рассказ понравился, потому что я двигался в том же направлении. Вы можете, конечно, сказать, что меньше всего читающей публике нужен рассказ на тему «В Америке мы сходим с ума со вкусом». Популярная тема в литературе двадцатого века. Все великие писали на эту тему, и все писки заносили над ней топор. Но рассказ был смешной. Я хочу сказать, просто уморительный.

Никогда раньше я не читал ничего похожего, и позже тоже. Ближе всего, может быть, стоят некоторые рассказы Скотта Фитцджеральда... и «Гэтсби». В рассказе Торпа его герой сходит с ума, но сходит очень забавным образом. Вас не оставляет улыбка, когда вы доходите до парочки мест — самое лучшее из них, где герой выливает белила на голову одной толстой девице, — и тогда вы просто смеетесь в голос. Но, знаете, смех такой... нервный. Смеетесь, а сами поглядываете через плечо: не подслушивает ли кто. Строчки, создающие это напряжение, исключительно хороши: чем больше вы смеетесь, тем больше нервничаете. И чем больше нервничаете, тем больше смеетесь... до того самого момента, когда герой возвращается домой с приема, устроенного в его честь, и убивает жену и дочь.

— А каков сюжет? — спросил агент.

— Это не имеет значения,— ответил редактор.— Просто рассказ о молодом человеке, который постепенно проигрывает в сражении с успехом. Детальный пересказ сюжета просто скучен.

Рисунки Виталия ФЕДОРОВА

до
жвой пуле

Короче, я написал ему: «Дорогой Рег Торп, я только что прочел «Балладу о гибкой пуле» и думаю, что рассказ великолепен. Хотел бы опубликовать его в «Логансе» в начале будущего года, если Вас это устроит. Что Вы скажете о 800 долларах? Оплата сразу по соглашению. Почти сразу».

Редактор снова проткнул вечерний воздух своей сигаретой.

— Новый абзац: «Рассказ немного великоват, и я хотел бы, чтобы Вы сократили его примерно на пятьсот слов, если это возможно. Я даже соглашусь на две сотни: мы всегда можем выкинуть какую-нибудь карикатуру». Абзац: «Позвоните, если захотите». Подпись. И письмо пошло в Омахи.

— Вы все помните слово в слово? — спросила жена писателя.

— Всю нашу переписку я держал в специальной папке, — сказал редактор. — Его письма, копии моих. К концу их набралось довольно много, включая и три или четыре письма от Джейн Торп, жены Рега. Я часто их перечитывал. Безрезультатно, конечно. Пытаться понять гибкую пулю — это все равно что пытаться понять, почему у ленты Мебиуса только одна сторона. Просто так уж устроен этот лучший из миров... Да, я действительно помню все слово в слово. Почти все. Есть же люди, которые помнят наизусть «Декларацию Независимости».

— Готов спорить, он позвонил на следующий же день, — сказал агент, ухмыляясь.

— Нет, не позвонил. Вскоре после выхода «Персонажей преступного мира» Торп вообще перестал пользоваться телефоном. Это сказала мне его жена. Когда Торпы переехали из Нью-Йорка в Омаху, они даже не устанавливали в новом доме аппарат. Он, понимаете ли, решил, что телефонная сеть на самом деле работает не на электричестве, а на радиации. Считал, что это один из нескольких наиболее строго охраняемых секретов в истории человечества. Он уверял, жену в том числе, что именно радиацией ответственен за растущее число раковых заболеваний, а вовсе не сигареты, выхлопные газы и промышленные отходы. Мол, каждый телефон содержит в трубке маленький кристалл радия, и каждый раз, когда вы пользуетесь телефоном, ваша голова наполняется радиацией.

— Пожалуй, он действительно свихнулся, — сказал писатель, и все рассмеялись.

— Он ответил письмом, — продолжал редактор, отшвыривая окурок в сторону озера. — В письме говорилось: «Дорогой Генри Уилсон (просто Генри, если не возражаете), Ваше письмо меня взволновало и обрадовало. А жена, пожалуй, была рада даже больше меня. Деньги меня устраивают, хотя, признаться, публикация на страницах «Логанса» — уже вполне адекватное вознаграждение (но деньги я, разумеется, приму). Я просмотрел Ваши сокращения и согласен с ними. Думаю, они и рассказ сделают лучше, и сохранят место для карикатур. С наилучшими пожеланиями, Рег Торп».

После его подписи стоял маленький рисунок, скорее даже что-то просто начерченное, глаз в центре пирамиды, как на обратной стороне долларовой банкноты. Только вместо «Novus Ordo Seclorum» внизу были слова «Fornit Some Fornus».

— Или латынь, или какая-то шутка, — сказала жена агента.

— Просто свидетельство растущей эксцентричности Рега Торпа, — сказал редактор. — Его жена поведала мне, что Рег уверовал в каких-то маленьких человечков, что-то вроде эльфов или гномов. В форнитов. Для него это были эльфы удачи, и он считал, что один из них живет в его пишущей машинке.

— О господи, — вырвалось у жены писателя.

— По Торпу, у каждого форнита был маленький приборчик наподобие пистолета-распылителя, заполненный... Видимо, можно сказать, порошком удачи. И этот порошок удачи...

— ...называется «форнус», — закончил за него писатель, широко улыбаясь.

— Да, его жена тоже думала, что это забавно. Вначале. Форнитов Торп придумал двумя годами раньше, когда планировал «Персонажей преступного мира», и сначала она думала, что Рег просто над ней подшучивает. Может быть, когда-то так оно и было. Но потом выдумка развилась в суеверие, потом в непоколебимую веру. Я бы это назвал... гибкой выдумкой, которая стала в конце концов твердой. Очень твердой.

— В этом деле с форнитами имелись и забавные стороны, — сказал редактор. — В конце пребывания Торпов в Нью-Йорке пишущую машинку Рега очень часто приходилось отдавать в ремонт, и еще чаще она оказывалась в мастерской после их переезда в Омаху.

Один раз, когда его собственная машинка была в ремонте, Рег в той же мастерской взял машинку напрокат, а через несколько дней после того, как он забрал свою домой, ему позвонили из мастерской и сказали, что вместе со счетом за ремонт и чистку его машинки Рег получит еще и счет за чистку той, которую он брал на время.

— А в чем было дело? — спросила жена агента.

— Там оказалось полно всяческой еды, — сказал редактор. — Маленькие кусочки тортов и пирожных. На валике и на клавишах было намазано ореховое масло. Рег кормил форнита, живущего в его пишущей машинке. И на тот случай, если форнит успел перебраться, он кормил и машинку, взятую напрокат.

— О боже, — произнес писатель.

— Как вы понимаете, ничего этого я тогда еще не знал. Поэтому я ответил ему и написал, что очень рад его согласию. Моя секретарша отпечатала письмо, принесла его мне на подпись, а потом ей понадобилось за чем-то выйти. Я подписал, — она все не возвращалась. И вдруг — даже не могу сказать, зачем — я поставил под своей фамилией тот же самый рисунок. Пирамиду. Глаз. И «Fornit Some Fornus». Идиотизм. Секретарша заметила и спросила, действительно ли я хочу, чтобы она отправила письмо в таком виде. Я пожал плечами и сказал, чтобы отправила.

Через два дня мне позвонила Джейн Торп. Сказала, что мое письмо привело Рега в сильное возбуждение. Рег решил, что нашел родственную душу. Кого-то еще, кто знает про форнитов. Видите, какая сумасшедшая получалась ситуация? Тогда для меня форнит мог означать что угодно: от гаечного ключа до ножа для разделки мяса. То же самое касается и форнуса. Я объяснил Джейн, что просто скопировал рисунок Рега. Она захотела узнать, почему. Я, как мог, уходил от ответа: не мог же я ей сказать, что, подписывая письмо, я был здорово пьян.

Он замолчал, и над лужайкой повисла неуютная тишина. Присутствующие принялись разглядывать небо, озеро, деревья, хотя ничего интересного там за последнюю минуту-две не прибавилось.

— Я пил всю свою взрослую жизнь и едва ли смогу сказать, когда начал терять контроль над этой страстью. Я начинал пить во время ленча и возвращался в редакцию «на бровях», однако там я работал безупречно. А вот выпивка после работы — сначала в поезде, потом дома, — именно это выбило меня из колеи.

У нас с женой и так хватало проблем, но пьянство эти проблемы только усложняло. Жена довольно долго собиралась уйти от меня, и за неделю до того, как я получил рассказ Торпа, она все-таки ушла.

Когда пришел рассказ, я как раз пытался справиться с этим ударом. Пил слишком много. И вдобавок у меня наступило то, что сейчас модно называть «кризисом середины жизни». Тогда, однако, я знал только, что угнетен состоянием моей профессиональной жизни так же, как состоянием личной. Я с трудом справлялся... пытался справиться с растущим ощущением, что редактирование рассказов для массового потребителя, которые будут прочитаны лишь нервными пациентами в стоматологических клиниках, домохозяйками да изредка скукающими студентами — занятие отнюдь не благородное. Я пытался сжиться с мыслью — все мы в «Логансе» пытались, — что через шесть, или десять, или четырнадцать месяцев «Логанса», возможно, уже не будет.

И вот посреди этого серого осеннего ландшафта средневозрастной озабоченности появляется, словно яркий солнечный луч, очень хороший рассказ очень хорошего писателя — забавный, энергичный взгляд на механику сумасшествия. Я знаю, это звучит странно, когда говоришь про рассказ, в котором главный герой убивает жену и маленького ребенка, но вы спросите любого редактора, что такое настоящая радость, и он скажет вам, что это — неожиданное появившийся блестящий роман или рассказ, приземляющийся на вашем столе, словно большой рождественский подарок. Вы все, наверно, знаете рассказ Ширли Джексон «Лотерея». Он кончается так плохо, как даже нельзя себе представить. Я имею в виду, что там до смерти сбивают камнями одну добрую леди. И в убийстве участвуют ее сын и дочь, можете себе представить! Но это великолепный рассказ... Готов спорить, редактор «Нью-Йоркера», который первым его прочел, в тот день ушел домой, насвистывая.

Я все это говорю к тому, что рассказ Торпа стал для меня лучшим, что случилось тогда в моей жизни. Единственным хорошим событием. И из того, что его жена сказала мне в тот день по телефону, я понял, что для Рега мое согласие на публикацию рассказа тоже было единственным хорошим событием за последнее время. Отношения автора и редактора — это всегда взаимный паразитизм, но в нашем с Регом случае этот паразитизм достиг неестественных размеров.

— Давайте вернемся к Джейн Торп, — предложила жена писателя.

— Да. Я в каком-то смысле отвлекся. Она была очень рассержена из-за этих форнитов. Сначала. Я сказал ей, что начертил символ с пирамидой и глазом под своей подписью, не имея понятия, что это такое, и извинился, если сделал что-то не так.

Джейн подавила свое раздражение и рассказала мне о том, что происходило с Регом. Она, видимо, тревожилась все больше и больше, потому что погово-

рить ей было совсем не с кем. Родители умерли, а все друзья остались в Нью-Йорке. Рег не пускал в дом никого. Они все, говорил он, или из налогового управления, или из ФБР, или из ЦРУ. Вскоре после переезда в Омаху в их двери постукала маленькая девочка-скаут, продававшая скаутские пироги для сбора средств. Рег наорал на нее, велел убираться к черту, поскольку он, мол, знает, зачем она здесь, и все такое. Джейн пыталась спорить с ним, заметив, что девочке всего десять лет. На что Рег ответил, что у людей из налогового управления нет ни души, ни совести. И, кроме того, эта маленькая девочка вполне могла быть андроидом. Андроиды якобы не подлежат защите по законам о детском труде. Люди из налогового управления запросто могут подослать к нему андроида — девочку-скаута, набитую кристаллами радия, чтобы вызвать, не прятая ли он каких-нибудь секретов, а заодно и напугать в него канцерогенных лучей.

— Боже правый, — произнесла жена агента.

— Жена Торпа ждала дружеского голоса, и мой оказался первым. Я услышал историю про девочку-скаута, узнал о том, как ухаживать за форнитами и чем их надо кормить, услышал про форнус и про то, что Рег отказывается пользоваться телефоном. Со мной она говорила по платному телефону из аптеки, что в пяти кварталах от их дома. Джейн сказала мне, что на самом деле Рег боится не чиновников из налогового управления и не людей из ЦРУ или ФБР. Больше всего его беспокоило, что они — некая анонимная группа лиц, которые ненавидят Рега, завидуют ему и не остановятся ни перед чем, чтобы с ним разделаться, — узнают про форнита и захотят убит его. А если форнит умрет, не будет больше ни романов, ни рассказов, ничего не будет. Чувствуете? Квинтэссенция безумия. Они собираются его прикончить. В конце концов главным пугалом стало даже не налоговое управление, устроившее ему адскую жизнь из-за доходов от «Персонажей преступного мира», а они. Типичная параноидная фантазия. Они хотели убить его форнита.

— Боже, и что ты ей сказал? — спросил агент.

— Попытался успокоить ее, — ответил редактор. — Можете себе представить, я только что после ленча с пятью мартини разговариваю с этой перепуганной женщиной, стоящей в телефонной будке в аптеке в Омахе, и пытаюсь убедить ее, что все в порядке, и она не должна волноваться из-за того, что ее муж верит, что в телефонах полно кристаллов радия или что какая-то анонимная группа подсылает к нему андроидов в обличье девочек-скаутов собирать о нем информацию. Уговариваю не беспокоиться из-за того, что ее муж до такой степени отделил свой талант от собственных способностей, что в конце концов поверил, будто в его пишущей машинке живет эльф.

Я не думаю, что в чем-то ее убедил.

Она просила меня — нет, умоляла, — чтобы я поработал с Регом над его рассказом, чтобы он был опубликован. Она едва-едва не признала, что «Гибкая пуля» — это, может быть, последний контакт Рега с тем, что мы, смеясь, называем реальностью.

Я спросил ее, что мне делать, если Рег снова упомянет форнитов. «Подыграйте ему», — ответила она. Именно так: «Подыграйте ему», — и повесила трубку.

На следующий день я нашел в почте письмо от Рега. Пять страниц, отпечатанных через один интервал. В первом абзаце говорилось о рассказе. Он сообщал, что второй вариант продвигается успешно. Предполагал, что сможет убрать семьсот слов из первоначальных десяти тысяч пятисот, доведя объем рассказа до плотных девяти тысяч восьмисот.

Все остальное было про форнитов и форнус. Его собственные наблюдения и вопросы...

— Что ты написал в ответ? — спросил агент.

— Здесь-то и начались все неприятности, — медленно произнес редактор. — Для нас обоих. Джейн попросила подыграть ему, что я и сделал. К несчастью, слишком хорошо. Ответ на его письмо я писал дома, будучи сильно пьяным. Я сидел перед машинкой с запрокинутым в нее бланком и думал: «Мне нужен форнит. Пожалуй, даже мне нужно целую дюжину форнитов, чтобы они посыпали форнусом весь этот проклятый одинокий дом». В тот момент я был достаточно пьян, чтобы позавидовать помешательству Рега Торпа.

Я написал ему, что у меня, конечно же, тоже есть форнит, удивительно похожий поведением на форнита Рега. Ведет ночной образ жизни. Ненавидит шум, но, кажется, любит Баха и Брамса... Мне часто работается лучше всего после того, как я вечером послушаю их музыку, — так я ему и написал. Написал также, что мой форнит определенно питает слабость к киршнерской колбасе. Пробовал ли Рег кормить своего этим блюдом? Я просто оставил кусочки около своего синего редакторского карандаша, который беру домой, и наутро они почти всегда исчезают. Разумеется, если предыдущим вечером не было шумно, как Рег и сам заметил. Я поблагодарил его за информацию о радиации. Рассказал, что мой форнит живет у меня еще с колледжа. Мое собственное сочинительство так захвати-

ло меня, что я отпечатал почти шесть страниц, добавив в самом конце несколько строк о рассказе, чисто для проформы, и подписался.

— А под подписью?... — спросила жена литературного агента.

— Разумеется, «Fornit Some Fornus». — Он умолк на секунду. — Вы в темноте не видите, конечно, но я покраснел. Я был тогда жутко пьян и жутко доволен собой... Утром я, возможно, опомнился бы, но к тому времени было уже поздно.

— Ты отправил письмо в тот же вечер? — пробормотал писатель.

— Да, именно. А потом полторы недели ждал затаив дыхание. Наконец получил рукопись, адресованную в редакцию на мое имя, но без сопроводительного письма. Он сократил все, о чем мы договаривались, и я решил, что теперь рассказ просто безуказен, но сама рукопись... Я положил ее в свой кейс, отнес домой и перепечатал. Все листы были в странных желтых пятнах, и я подумал...

— Моча? — спросила жена агента.

— Да, я сначала тоже так подумал. Но оказалось, нет. Вернувшись домой, я обнаружил в почтовом ящике письмо от Рега. На этот раз десять страниц. И из его содержания становилось ясно, откуда взялись желтые пятна: он не нашел киршнерской колбасы и попробовал кормить форнита джорданской. Писал, что форниту понравилась. Особенно с горчицей.

В тот день я был более-менее трезв. Но его письмо в сочетании с этими жалкими горчичными пятнами, отпечатавшимися на листах рукописи, заставили меня двинуться напрямик к бару. Как говорится: «Круг не прошел — двести долларов не получаешь. Двигайся прямо в бар».

— А что еще он писал? — спросила жена агента. Рассказ все больше и больше завораживал ее. Она наклонилась вперед, перегнувшись через собственный немалых размеров живот в позе, напомнимшей жене писателя щенка Снупи**, влезшего на свою будку и изображающего горного орла.

— На этот раз всего две строчки про рассказ. Мол, вся заслуга принадлежит форниту... и мне. Идея с колбасой, мол, просто великолепна. Ракне от нее в полном восторге, и как следствие...

— Ракне? — переспросил писатель.

— Это имя форнита, — ответил редактор. — Ракне. И как следствие, Ракне серьезно помог ему с доработкой рассказа. А все остальное в письме — настоящий параноидный бред. Вы такого в жизни никогда не читали.

— Рег и Ракне... Союз, заключенный на небесах, — произнесла жена писателя, нервно хихикнув.

— Вообще нет, — сказал редактор. — У них сложились чисто рабочие отношения. Ракне был мужского пола.

— Ладно, расскажи нам, что было дальше в письме.

— Это письмо я наизусть не помню. Для вас же, может быть, лучше. Даже ненормальность начинается через некоторое время утомлять. Рег писал, что их молочник — из ЦРУ. Почтальон — из ФБР; Рег видел у него в сумке с газетами револьвер с глушителем. Люди в соседнем доме просто какие-то шпионы: у них фургон с аппаратурой для слежки. В угловой магазин за продуктами он больше ходить не осмеливается, потому что его хозяин — андроид. Он, мол, и раньше это подозревал, но теперь совсем уверен. Рег заметил переключившиеся провода у него на черепе под кожей в том месте, где хозяин магазина начал лысеть. А засоренность дома радиом в последнее время значительно повысилась: по ночам он замечает в комнатах слабое зеленоватое свечение.

Письмо его заканчивалось следующими строками: «Я надеюсь, Генри, Вы напишете мне и расскажете о Вашем отношении (и Вашего форнита) к врагам. Уверен, что контакт с Вами — явление весьма не случайное. Я бы сказал, это спасательный круг, посланный (Богом? Провидением? Судьбой?) — любое слово на Ваш выбор) в самый последний момент. Человек не может в одиночку долго сопротивляться тысяче врагов. Но вот наконец узнаешь, что ты не один... Видимо, я не сильно преувеличу, если скажу, что общность происходящего с нами — это единственное, что спасает меня от полного краха. Мне нужно знать, преследуют ли враги Вашего форнита так же, как моего? Если да, то как Вы с ними боретесь? Если нет, то как Вы думаете, почему? Повторяю, мне очень нужно это знать».

Письмо было подписано закорючкой с девизом «Fornit Some Fornus», потом следовал постскриптим в одно предложение. Одно, но совершенно убийственное: «Иногда я сомневаюсь в своей жене».

Я прочел письмо три раза подряд и по ходу дела «угорюлил» целую бутылку «Блэк Велвет». Потом начал раздумывать, что ему ответить. Я не сомневался, что передо мной «крик тонущего о помощи». Какое-то

время работа над рассказом держала его на поверхности, но теперь она завершилась. Теперь целостность его рассудка зависела от меня. Что было совершенно логично, поскольку я сам навлек на себя эту заботу.

Я ходил туда-сюда по пустым комнатам. Потом начал выключать все, что можно, из сети. Я был пьян, вы понимаете, а обильное принятие спиртного открывает неожиданные перспективы внушению.

Литературный агент ухмыльнулся, но атмосфера общей неуютной напряженности сохранилась.

— И пожалуйста, помните, Рег Торп был исключительным писателем. Он демонстрировал абсолютную убежденность в том, о чем писал. ФБР, ЦРУ, налоговое управление. Они. Враги. Некоторые писатели обладают очень редким даром писать тем серьезнее и спокойнее, чем больше их беспокоит тема. Стейнбек умел это, и Хемингуэй... И Рег Торп обладал тем же талантом. Когда вы входили в его мир, все начинало казаться очень логичным. И приняв саму идею форнитов, вполне можно было поверить в то, что почтальон действительно держит в своей сумке пистолет тридцать восьмого калибра с глушителем. Или что соседи-студенты на самом деле агенты КГБ с упрятанными в восковых зубах капсулами с ядом, агенты, посланные убить или поймать Ракне любой ценой.

Конечно же, я не поверил в базовую идею. Но мне было так тяжело думать. И я стал выключать из сети все подряд. Сначала цветной телевизор, потому как всем известно, что телевизоры действительно что-то излучают. Я отключил телевизор, и мне показалось, что мои мысли действительно прояснились. Мне стало настолько лучше, что я отключил радио, тостер, стиральную машину и сушилку. Потом я вспомнил про микроволновую печь и отключил ее тоже. Меня охватило настоящее чувство облегчения, когда я вырвал у проклятой твари зубы: у нас стояла печь одного из первых выпусков, огромная, как дом, и, возможно, действительно опасная. Сейчас их экранируют гораздо лучше.

Раньше я просто не представлял, сколько в обычном зажиточном доме вещей, которые втыкаются в стену. Мне привиделся образ эдакого зловредного электрического осьминога со змеящимися в стенах электропроводами вместо щупалец, которые соединены с проводами снаружи, идущими к энергостанции, принадлежащей правительству.

Редактор замолчал, отхлебнул минеральной и продолжил:

— И пока я все это делал, мое мышление как бы раздвоилось. В основном я действовал, подчиняясь суверенному импульсу. На свете множество людей, которые ни за что не пройдут под лестницей и не станут открывать зонтик в доме. Есть баскетболисты, которые крестятся перед штрафным броском, и игроки в бейсбол, которые меняют носки, когда игра не клеится. Я думаю, в таких случаях рациональный разум просто играет в стерео-дисбалансе с иррациональным подсознанием. Если бы меня попросили определить «иррациональное подсознание», я бы сказал, что это расположенная в мозгу у каждого из нас маленькая, обитая изнутри мягким материалом, комната, где стоит только один картонный столик, и на нем нет ничего, кроме револьвера, заряженного гибкими пулями.

Когда вы, идя по улице, сворачиваете, чтобы не проходить под лестницей, или выходите из дома под проливной дождь со сложным зонтиком, часть вашей цельной личности отделяется, заходит в эту комнату и берет со стола револьвер. Может быть, вы даже держите в голове одновременно сразу две мысли: «Ходить под лестницей безопасно» и «Не ходить под лестницей тоже безопасно». Но как только лестница оказывается позади или когда зонтик открывается — вы снова воссоединяетесь.

— Очень интересная мысль, — сказал писатель. — Я надеюсь, ты не откажешься развить ее чуть дальше. Когда, по-твоему, иррациональная часть личности прекращает баловаться с оружием и приставляет пистолет себе к виску?

— Когда человек начинает писать в газеты, требуя, чтобы лестницы запретили, потому что ходить под ними опасно.

Все рассмеялись.

— Короче, уже не сдерживаемый ничем, я пошел в свой кабинет, напечатал письмо Регу Торпу, вложил его в конверт, наклеил марку и отправил в тот же вечер. На самом деле ничего этого я не помню: слишком был пьян. Но, видимо, я все это действительно сделал, потому что, проснувшись на следующее утро, я обнаружил рядом с пишущей машинкой копию письма, марки и коробку с конвертами. Содержание письма вполне соответствовало тому, что можно ожидать от пьяного. Общий смысл был такой: врагов привлекают не только форниты, но еще и электричество, поэтому, когда ты избавишься от электричества, ты избавишься от врагов. В конце я приписал: «Электричество влияет на то, что ты думаешь об этих вещах, Рег. Интерферирует с ритмами мозга. Кстати, у твоей жены есть кухонный смеситель?»

— Фактически, ты начал «писать письма в газету», — сказал писатель.

— Да. Это письмо я написал в пятницу вечером. В субботу утром я проснулся около одиннадцати в жутком похмелье и с очень смутными воспоминаниями о том, что это на меня вчера нашло. Втыкая электроприборы в розетки, я ощущал мощные приливы стыда. И еще более мощные приливы, когда я увидел, что написал Регу. Я перерыл весь дом, разыскивая оригинал письма в надежде, что все-таки не отправил его. Но оказалось, что отправил. Остаток того дня я как-то пережил, приняв решение справиться с ударами судьбы, как мужчина, и завязать пить. Я был уверен, что сумею.

В следующую среду пришло письмо от Рега. Одна страница, от руки, почти целиком изрисованная закорючками со словами: «Fornit Some Fornus». А в центре — несколько предложений: «Ты был прав. Спасибо, спасибо, спасибо. Рег. Ты был прав. Теперь все в порядке. Рег. Огромное спасибо. Рег. Форнит чувствует себя отлично. Рег. Спасибо. Рег».

Он получил мое письмо с утренней почтой в понедельник. В полдень он отправился в местную контору энергокомпании и сказал, чтобы они отключили подачу электричества в его дом. Джейн Торп, конечно, закатила истерику. Ее плита работала на электричестве, а кроме того, еще смеситель, швейная машинка, посудомоечно-сушильный агрегат... ну, сами понимаете. К вечеру понедельника, я уверен, она была готова меня убить.

Только поведение Рега убедило ее в том, что я не псих, а чудотворец. Он спокойно усадил ее в гостиной и вполне рационально объяснил с ней. Сказал, будто понимает, что последнее время вел себя несколько странно, и знает, что она беспокоится. Сказал, что без электричества он чувствует себя гораздо лучше и будет счастлив помогать ей по хозяйству, чтобы облегчить хлопоты, которые вызвало отключение электроприборов. Потом предложил заглянуть поболтать к соседям.

— К агентам КГБ с фургоном, набитым радиом? — спросил писатель.

— Да, к ним. Джейн это просто ошеломило. Она согласилась пойти, но призналась мне позже, что готовилась к какой-нибудь действительно некрасивой сцене: обвинения, угрозы, истерика. Она даже собиралась уйти от Рега, если он не согласится на профессиональную помощь. В ту среду утром Джейн сказала мне по телефону, что дала себе обещание: электричество — это последняя капля. Еще что-нибудь в том же духе, и она уезжает в Нью-Йорк. Джейн, понятно, начинала бояться. Все менялось так постепенно, почти неуловимо... и она любила его, но даже ее терпению приходил конец. Джейн решила, что, если Рег скажет этим соседям-студентам хоть одно резкое слово, она уйдет. Гораздо позже я узнал, что она околными путями пыталась получить информацию о том, как оформляется в Небраске отправка на принудительное лечение.

— Бедная женщина, — пробормотала жена писателя.

— Но вечер, однако, прошел блестяще, — сказал редактор. — Рег был обаятелен, как в лучшие свои дни, а если верить Джейн, это значит, очень обаятелен. Она уже года три не видела его таким веселым. Замкнутость, скрытность — все исчезло. Он выпил пива и охотно разговаривал на любые темы, что волновали людей в те сумеречные дни: война, перспективы добровольной воинской службы, беспорядки в городах, законы против марихуаны.

Потом всплыло, что это Рег написал «Персонажей преступного мира», и они все, как выразилась Джейн, «авторопели». Трое из четверых книги уже читали, и, можете быть уверены, четвертый потом пулей понесся в библиотеку.

Писатель рассмеялся и кивнул. Знакомая ситуация.

— Итак, — сказал редактор, — мы оставим на какое-то время Рега Торпа и его жену без электричества, но гораздо счастливее, чем прежде...

— Хорошо еще, что он печатал не на электрической машинке, — сказал агент.

— ...и вернемся к вашему редактору. Прошло две недели. Кончилось лето. Ваш редактор, конечно, не удержался и несколько раз «развязывал», хотя в целом ему удавалось сохранять респектабельность. Дни шли своим чередом. На мысе Кеннеди готовились отправить человека на Луну. Вышел свежий номер «Логанса» с Джоном Линдсеем на обложке и, как всегда, разошелся плохо. Я сдал заказ на оформление рассказа «Баллада о гибкой пуле»: автор Рег Торп, право первой публикации, предполагаемая дата публикации — январь 1970 года, предполагаемый гонорар — 800 долларов, что в те времена было стандартом для основного произведения в номерах «Логанса».

Потом позвонил мой начальник, Джим Доуган. Не могу ли я заглянуть к нему? Я поднялся в его кабинет к десяти утра, чувствуя себя в лучшем виде и всем своим видом это демонстрируя.

* правила игры в «Монополию». — Здесь и далее примечания переводчика.

** персонаж мультипликационного фильма.

Я сел и спросил, чем могу быть полезен. Не буду говорить, что имя Рега Торпа не приходило мне в голову: то, что мы заполучили его рассказ, было для «Логанса» огромной удачей, и кое-кому полагались поздравления. Поэтому можете себе представить, как я был ошарашен, когда он придвинул мне через стол два бланка заказов на приобретение произведений. Рассказ Торпа и повесть Алдайка, которую мы планировали на февраль 1970-го. На обоих стоял штамп «ВОЗВРАТ».

Я взглянул на возвращенные заказы, потом на Джимми. Я ничего не понимал. В полном смысле слова не мог собраться с мыслями и сообразить, в чем тут дело. Что-то мешало. Я оглянулся и увидел маленькую электроплитку. Секретарша Джима Джени приносила ее каждое утро и включала в сеть, чтобы шеф всегда, когда захочет, мог пить свежий кофе. Эта процедура вошла в правило года три или четыре назад. Но в то утро у меня в голове вертелась только одна мысль: «Если эту штуку выключить, я смогу думать. Я знаю, что, если выключить эту штуку, я во всем разберусь».

— Что это, Джим? — спросил я.
— Мне чертовски жаль, Генри, что именно мне приходится тебе об этом сообщать, — сказал он, — но с января 1970 года «Логанс» больше не печатает беллетристику.

У меня началась головная боль. Сначала совсем не сильная, и я вспомнил, что у Джени Моррисон на столе стоит электрическая точилка для карандашей. Потом все эти флюоресцентные лампы в кабинете Джима... Обогреватели. Торговые автоматы в конце коридора. Если вдуматься, все здание целиком работало на электричестве. Я с удивлением подумал, как тут вообще что-то удавалось сделать... И, наверно, в этот момент мне в голову залезла новая мысль. О том, что «Логанс» идет ко дну, потому что никто здесь не может думать в полную силу. А причина этого в том, что редакция размещается в высотном здании, которое работает на электричестве. Все наши мыслительные процессы совершенно искажены. Еще подумал, что, если сюда пригласить медика с машиной для снятия электроэнцефалограмм, она бы выдала совершенно дикие кривые, сплошь состоящие из больших пиковых альфа-ритмов, характерных для злокачественных опухолей в мозгу.

От таких мыслей голова у меня совсем разболелась. Но я сделал еще одну попытку. Я попросил его по крайней мере поговорить с Сэмом Вадаром, главным редактором журнала, чтобы тот разрешил оставить рассказ в январском номере. Хотя бы как символ прощания с беллетристкой в «Логансе». Последний рассказ журнала.

Джимми поигрывал карандашом и кивал. Потом сказал:

— Я попробую, но, знаешь, я не думаю, что из этого что-то получится. У нас есть рассказ автора всего одного романа и рассказ Джона Алдайка, который ничуть не хуже. Может быть, даже лучше, и...

— **Рассказ Алдайка не лучше!** — не выдержал я.
— Бога ради, Генри, вовсе не обязательно кричать...

— А Я И НЕ КРИЧУ! — заорал я.

Мой кабинет находился этажом ниже. Я сбегал по лестнице, влетел к себе и, включив свет, схватил кейс. Вниз добрался лифтом, но при этом я зажал кейс между ног и заткнул пальцами уши. Помню, три или четыре человека, что ехали со мной в лифте, посмотрели на меня довольно странно. — Редактор сухо, коротко хохотнул. — Они испугались. Посади вас в маленький движущийся ящик с явным психом, вы тоже испугаетесь.

— Что-то не очень правдоподобно, — сказала жена агента.

— Отнюдь. Безумие должно начинаться с чего-то. И если мой рассказ вообще о чем-то — при условии, что про человеческую жизнь можно сказать, что она о чем-то, — тогда это история генезиса безумия. Безумие должно где-то начинаться и куда-то идти. Как дорога. Или траектория пули из ствола пистолета. Я, конечно, отстал от Рега Торпа, но на самом деле тоже уже шагнул по этой дороге. Бесспорно.

Куда-то нужно было идти, и я пошел к «Четырем Отцам», к бару на Сорок Девятой. Помню еще, что этот бар я выбрал, потому что там не было ни обильного освещения, ни музыкального автомата, ни телевизора. Помню, как заказал первую рюмку. После этого не помню уже ничего до тех пор, пока не очнулся на следующий день у себя дома в постели. На полу высохла лужа блевотины, а в простыне, которой я накрылся, зияла огромная прожженная окурком дыра. Видимо, я чудом избежал сразу двух ужасных смертей — не захлебнулся и не сгорел. Хотя вряд ли я что-нибудь почувствовал бы.

— Отключка, — продолжил редактор, — первая в моей жизни настоящая отключка. Это всегда преддверие конца: редко кто испытывает подобное много раз. Так или иначе, это вскоре кончается. Любый алкоголик скажет вам, что «отключка» — это совсем не то же самое, что «отруб». Жизнь стала бы гораздо проще, если бы это было так. Но дело в том, что отключаясь, алкаш продолжает что-то делать. Алкаш

в отключке ведет себя, словно неугомонный бес. Что-то вроде зловредного форнита. Он может позвонить своей бывшей жене и оскорбить ее по телефону, а может, выехав на противоположную полосу шоссе, врезаться в машину, полную детей. Может бросить работу, украсть что-нибудь в магазине или отдать кому-нибудь свое обручальное кольцо. Одним словом, неугомонный бес.

Я, однако, как потом выяснилось, придя домой, написал письмо. Только не Регу, а себе. И судя по этому письму, написал его как бы не я.

— А кто? — спросила жена писателя.

— Беллис.

— Кто такой Беллис?

— Его форнит, — произнес писатель в оцепенении. Тусклый взгляд его, казалось, сосредоточился на чем-то очень далеком.

— Да. Именно, — сказал редактор немного удивленно, потом снова прочел им по памяти то письмо. — «Привет от Беллиса. Твои проблемы вызывают у меня искреннее сочувствие, мой друг, но я хотел бы сразу заметить, что ты не единственный, кому трудно. Мне тоже досталась не самая легкая работа. Я могу посыпать пишущую машинку форнусом до конца твоих дней, но нажимать на клавиши придется тебе. Именно для этого Бог создал людей. Так что я сочувствую, но не более того.

Понимаю твое беспокойство по поводу Рега Торпа. Однако гораздо больше меня волнует положение моего брата Ракне. Торп беспокоится о том, что с ним станет, если Ракне его покинет, но лишь потому, что он эгоистичен. С писателями всегда такая беда: они все эгоистичны. Его совсем не волнует что будет с Ракне, если ТОРП покинет его. Или станет el bonzo seco.

Это никогда, видимо, не трогало его чувствительную душу. Но, к счастью, все наши тягостные проблемы имеют одно и то же промежуточное решение, поэтому я напрягаю свои крошечные руки и тело, чтобы предложить тебе, мой пьяный друг. Ты можешь пожелать узнать окончательное решение, но, уверяю тебя, его нет. Все раны смертельны. Принимай то, что есть. Веревка иногда бывает слабо натянута, но у нее всегда есть конец. Так что благодари судьбу за лишние секунды и не трать время, проклиная последний рывок. Благодарное сердце знает, что в конце концов всем нам висеть.

Ты должен заплатить ему за рассказ сам. Но не своим чеком. Торп, может быть, и страдает серьезным и опасным расстройством ума, но это ни в коем случае не означает глупость. — Редактор произнес это слово по буквам: «Г-л-у-п-п-о-с-т-ь», потом продолжил: — «Если ты пошлешь ему чек от своего имени, он раскурит тебя в пять секунд. Сними со своего счета восемьсот долларов с мелочью, и пусть твой банк откроет для тебя новый счет на имя «Арвин Паблишинг Инкорпорейтед». Дай им понять, что тебе нужны чеки, выглядящие серьезно, по-деловому. Никаких там картинок с пейзажами и прочей ерундой. Выбери друга, которому ты доверяешь, и оформи его сотрассантом. Когда все будет готово, выпиши чек на восемьсот долларов, и пусть этот друг его тоже подпишет. Потом отправь чек Регу Торпу. На какое-то время это его выручит».

Все. Дальше стояла подпись «Беллис». Но не от руки, а на машинке.

Писатель присвистнул.

— Первое, что я заметил проснувшись, была машинка. Выглядела она так, словно кто-то старался сделать из нее пишущую машинку, принадлежавшую привидению. Днем раньше у меня стоял черный кортоский «Ундервуд». Когда же я проснулся — с головной болью — с Северную Дакоту — машинка приобрела странный грязно-серый оттенок. Последние несколько предложений в письме выглядели сжато и бледно. Мне хватало одного взгляда, чтобы понять, что моему старому доброму «Ундервуду», по всей видимости, пришел конец. Я попробовал порошок на вкус и двинулся на кухню. На столе стоял вскрытый пакет сахарной пудры с воткнутой в него ложкой. А по дороге от кухни до закутка, где я в те дни работал, сахарная пудра была рассыпана буквально везде.

— Ты кормил своего форнита, — сказал писатель. — Беллис оказался сладкоежкой. По крайней мере ты так думал.

— Да. Но даже с такого жуткого похмелья я знал совершенно точно, кто этот форнит.

Он начал загибать пальцы.

— Во-первых, Беллис — это девичья фамилия моей матери. Во-вторых, фраза el bonzo seco. Этой фразой мы с братом в детстве обозначали психов. В-третьих — и это самое главное, — написание слова «глупость». Это как раз одно из тех слов, в которых я обычно делаю опечатки. Я как-то работал с одним в высшей степени грамотным человеком, который писал «рефрижератор» через «д» — «рефриджератор» — независимо от того, сколько раз корректор это слово исправлял. Был еще один доктор наук из Прин-

стона, который неизменно писал «женщина» вместо «женщина».

Жена писателя неожиданно рассмеялась: — Я тоже так пишу.

— Я, собственно, хотел сказать, что опечатки или описки человека — это нечто вроде его письменных отпечатков пальцев. Можете спросить любого корректора, который занимался произведениями одного и того же писателя несколько раз.

Короче, мы с Беллисом были одним лицом. Однако совет он мне дал чертовски хороший. Я решил, что он просто великолепен. Потом я так и поступил. Но тут есть кое-что еще: подсознание, конечно, оставляет свои следы, но в нем живет и совершенно незнакомый человек. Очень странный тип, который знает чертовски много. Я, например, никогда в жизни, как мне казалось, до этого не встречал выражения «сотрассант», однако оно присутствовало в письме, казалось уместным, и позже я узнал, что банки таким термином пользуются.

За трехнедельный период я написал Регу Торпу и его жене по паре писем. Помню, как писал ей, но не ему. Как и письмо от Беллиса, я написал их в периоды «отключки». Но, даже впадая в полную невменяемость, я сохранял свои рабочие навыки, так же как и привычные опечатки. Я ни разу не забыл сделать второй экземпляр под копируку и, очутившись утром, всегда находил копию где-нибудь рядом с машинкой. Потом читал все написанное, словно письмо от другого человека. Не то чтобы они выглядели письмами сумасшедшего. Нет. То, которое я закончил постскриптумом насчет смесителя, было гораздо хуже. Эти казались... почти здравыми.

В этот короткий период я получал ответные письма, удивительно светлые... Хотя этот солнечный свет казался мне каким-то странным, финальным. Словно... Впрочем, не обращайтесь внимания. Когда у меня оформится то, что я хотел сказать, я скажу. После.

Рег каждый вечер играл в карты со студентами, жившими по соседству, и к тому времени, когда начали опадать листья, они считали его чуть ли не богом, спустившимся с небес. Если они не играли в карты или во фризби, они разговаривали о литературе, и Рег ненавязчиво помогал им осваивать этот мир. Он взял щенка в местном отделении общества защиты животных и прогуливался с ним каждое утро и каждый вечер, встречаясь с другими соседями. Люди, решившие было, что Торпы — очень странная семья, начали менять свое мнение о них. Когда Джейн предложила нанять прислугу, поскольку справиться с домашним хозяйством без электричества ей оказалось не под силу, Рег сразу же согласился. Его беззаботное отношение к этой идее крайне удивило Джейн. Дело было не в деньгах: после «Персонажей преступного мира» денег им хватало. Дело, по мнению Джейн, было в них. Они, как заявлял ранее Рег, скрывались везде, а что может быть лучше для их агента, чем приходившая прислуга, женщина, которая может ходить по всему дому, заглядывая под кровати, в шкафы и, возможно, даже в ящики письменного стола, если они не заперты или не заколочены накрепко.

Однако он дал ей добро, сказав, что чувствует себя бессовестным эгоистом, потому что не додумался до этого сам раньше, хотя он — Джейн специально об этом упоминала — выполнял почти всю тяжелую домашнюю работу вроде стирки и тому подобного. Рег поставил только одно условие: чтобы эта женщина не смела заходить в его кабинет.

Лучше всего — с точки зрения Джейн — и наиболее обнадеживающе было то, что Рег вернулся к работе, на этот раз над новым романом. Она прочла первые три главы и решила, что они просто великолепны. Все это, сказала она, началось, когда я взял «Балладу о гибкой пуле» для «Логанса»: до того момента он практически ничего не писал. Джейн меня буквально благословляла.

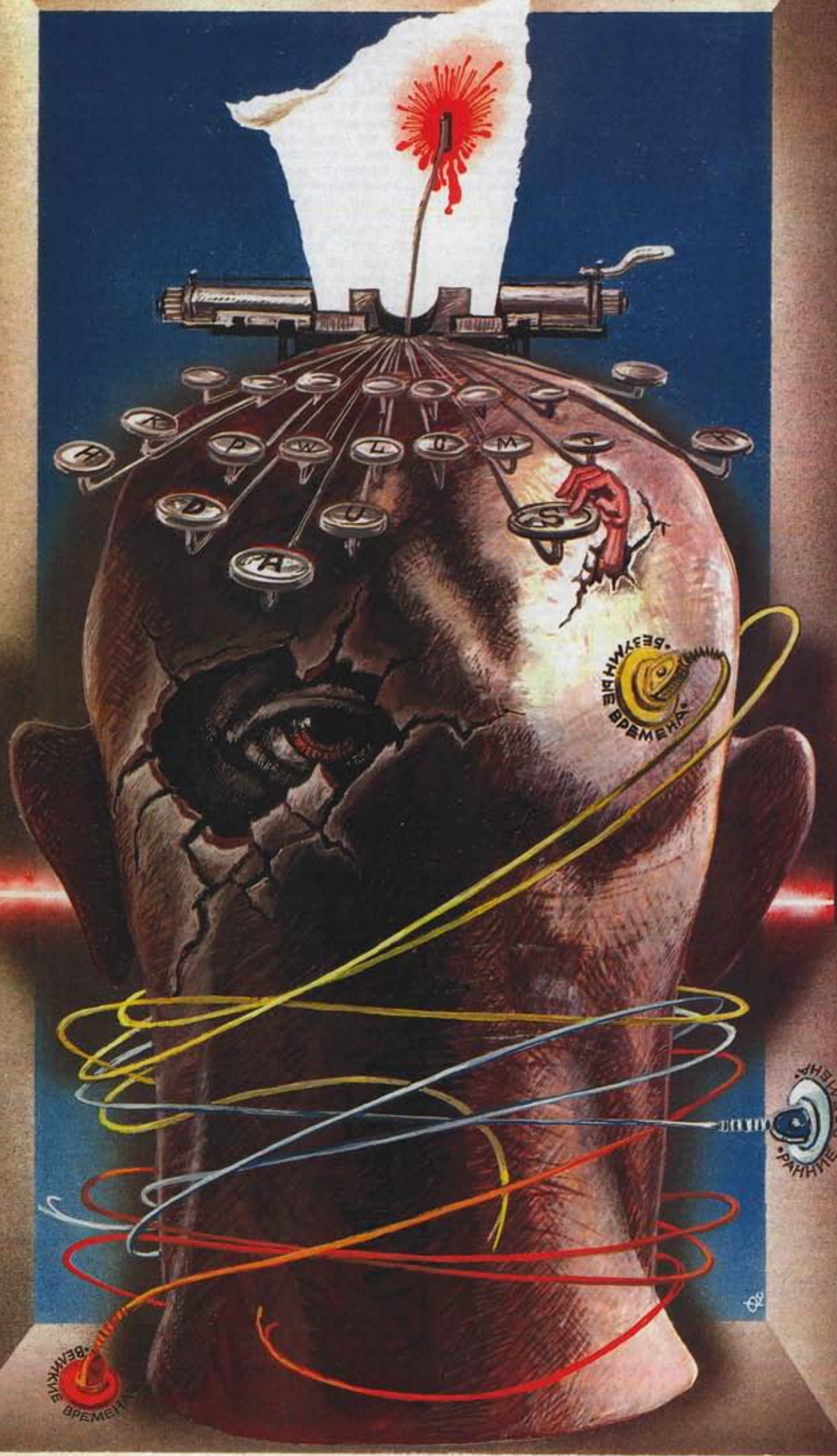
Джейн договорилась с темнокожей среднего возраста женщиной насчет работы по дому, потом решила на более-менее откровенный разговор о странностях своего мужа. Женщина, которую звали Гертруда Рулин, рассмеялась и сказала, что ей приходилось работать у людей и гораздо более странного поведения. Первую неделю, после того как Рулин приступила к своим обязанностям, Джейн провела примерно так же, как и первый визит к живущим по соседству молодым людям — в ожидании какого-нибудь дикого взрыва. Но Рег очаровал прислугу с такой же легкостью, с какой расположил к себе соседней-студентов: разговаривал с ней о ее работе для церкви, о муже и о младшем сыне Джимми, по сравнению с которым, по словам Гертруды, Грозный Деннис выглядел просто паинькой. Всего у нее было одиннадцать детей, но между Джимми и предыдущим ребенком прошло девять лет. Справлялась она с ним с трудом.

Рег, казалось, поправлялся. По крайней мере, если смотреть на вещи его глазами. Но на самом деле он оставался таким же сумасшедшим, как и всегда. И я,

лицо, имеющее право снимать со счета деньги и переводить другому лицу наряду с основным вкладчиком.

герой детской телепередачи.

конечно, тоже. Безумие можно сравнить с гибкой пулей, и любой специалист по баллистике скажет вам, что двух одинаковых пуль не бывает. В одном из писем ко мне Рег рассказал немного о новом романе, потом сразу перешел к форнитам. К форнитам вообще и к Ракне в частности. Рассуждал о том, действительно ли они хотят захватить их и подвергнуть исследованиям. Письмо заканчивалось словами: «С тех пор как мы начали переписываться, мое отношение к жизни заметно улучшилось. Возрос и мой интерес к ней. Я очень это ценю, Генри. Очень признателен тебе, Рег». А ниже постскриптом с неназойливым вопросом: определили ли мы уже художника-иллюстратора для работы над его рассказом? Вопрос вызвал у меня очередной приступ вины и острую необходимость оказаться рядом с домашним баром...

Рег помешался на форнитах, я — на электричестве. В моем ответном письме форниты упоминались только мельком: к тому времени я действительно подыгрывал Regу, по крайней мере в этом вопросе. Эльф с девичьей фамилией моей матери и мои собственные опечатки волновали меня мало.

Но с течением времени я все больше и больше начинал интересоваться электричеством, микроволнами, радиочастотами, воздействием радиоволн, излучаемых бытовыми электроприборами, микродозами радиационного излучения и бог знает чем еще. Я пошел в библиотеку и набрал книг на эти темы. Еще несколько книг купил. Обнаружил там массу пугающей информации... Конечно, именно эту информацию я и искал.

Я распорядился, чтобы у меня сняли телефон и отключили электричество.

Когда я получил письмо от Джейн Торп, где она писала про новое «открытие» Рега — фольгу, одна часть моего разума восприняла сообщение как еще один признак безумия Рега, и эта часть знала, что я должен отнестись к новому факту так, словно я целиком понимал правоту Джейн. Другая же часть — к тому времени гораздо большая — подумала: «Замечательная идея!» И на следующий день я закрыл в своей квартире розетки фольгой. Это я-то, который, как вы помните, в принципе помогал Regу Тропу. В некотором смысле это даже забавно.

В ту ночь я решил уехать из Манхэттена. Я мог поехать в старый семейный дом в Адирондаксе, и эта мысль показалась мне удачной. Единственное, что удерживало меня в городе, — это рассказ Рега Торпа. Если «Баллада о гибкой пуле» служила Regу своего рода спасательным кругом в водах безумия, то тем же самым она стала и для меня: я хотел поместить ее в хороший журнал. Сделав это, я мог бы уехать.

Таково было состояние бесславной переписки Уилсона и Торпа к тому моменту, когда все действительно пошло вразнос. Мы с ним сильно напоминали двух умирающих наркоманов, обсуждающих сравнительные достоинства героина и транквилизаторов. У Рега завелись форниты в пишущей машинке, у меня — в стенах, и у обоих у нас форниты завелись в голове.

Он замолк, погасил сигарету и взглянул на часы. Затем, словно проводник, объявляющий о прибытии поезда в какой-то значительный город, сказал:

— А теперь — необъяснимое.

Именно эта часть рассказа больше всего интересовала двух психиатров и других сотрудников клиники, с которыми я общался в течение последующих тридцати месяцев своей жизни. Собственно говоря, они добились отречения только от этой части, что доказывало бы им мое выздоровление. Как сказал один из них: «Это единственный эпизод истории, который не может быть объяснен. После, разумеется, восстановления вашей способности здраво рассуждать». В конце концов я отрекся, потому что знал — врачи тогда этого еще не знали, — что действительно выздоравливаю, и мне с невероятной силой хотелось поскорее вырваться из клиники. Мне казалось, что, если я не выберусь оттуда вовремя, я снова свихнусь. И я отрекся — Галилей тоже так поступил, когда его пытали огнем, — но я никогда не отрекался внутренне. Я не стану говорить, что события, о которых я хочу сейчас рассказать, действительно произошли. Скажу только, что я до сих пор в это верю.

Итак, друзья мои, необъяснимое!

Последние два дня я проводил в сборах. Кстати, мысль о том, что придется вести машину, не волновала меня нисколько. Будучи еще ребенком, я вычитал где-то, что машина — это самое безопасное место во время грозы, потому что резиновые шины являются почти идеальным изолятором. Я ждал, когда наконец заберусь в свой старенький «шевроле», закрою все окна и покину этот город, который начал казаться мне сплошным заревом огней. Однако, готовясь к отъезду, я вывинтил лампочку под крышей салона, залепил гнездо изолянтной и вывернул регулятор мощности фар до упора влево, чтобы перестала светиться приборная панель.

Когда я вернулся домой, чтобы провести последнюю ночь в квартире, там не оставалось уже ничего, кроме кухонного стола, кровати и пишущей машинки. Машин-

ка стояла на полу. Я не собирался брать ее с собой: слишком много недобрых воспоминаний она у меня вызывала, и, кроме того, у нее постоянно заедали литеры. «Пусть она достанется следующему жильцу,— подумал я.— Она и Беллис тоже».

Солнце садилось, и всю квартиру заливало удивительным светом. Я уже довольно сильно набрался, а в кармане пальто лежала еще одна бутылка. На ночь я вышел из своего закутка, направляясь, как жетя, в спальню. Там я, наверно, сел бы на кровать и думал бы о проводах, электричестве и радиации, напиваясь все сильнее, пока не наполнился бы до такого состояния, когда смог бы наконец уснуть.

То, что я называю «закутком», на самом деле было самой лучшей во всей квартире жилой комнатой с видом на запад до самого горизонта, а это для квартиры на пятом этаже в Манхэттене почти чудо. Почему я, собственно, и выбрал эту комнату для своего кабинета. Не удивляясь чуду, я просто наслаждался им. Комнату даже в дождливые дни наполнял чистый, радостный свет.

Но в тот вечер свет казался мне каким-то странным. От лучшей заходящего солнца стены окрасились в красный цвет. Цвет пламени в топке. Пустая комната казалась слишком большой. Звук шагов по деревянному полу отдавался коротким эхом.

Машинка стояла посреди комнаты на полу, и, обходя ее, я вдруг заметил в каретке неровно оторванный кусок бумаги. Я вздрогнул от испуга: когда я последний раз выходил за новой бутылкой, бумаги в машинке не было.

Я начал озираться, решив, что в квартире есть кто-то еще. Взломщик, например. Хотя, признаться, на самом деле я испугался тогда не взломщиков, грабителей или одуревших наркоманов... Я подумал о призраках.

Потом я заметил ободранный участок на стене слева от спальни, и по крайней мере стало понятно, откуда взялась бумага: кто-то просто оторвал кусок старых обоев.

Я все еще смотрел на стену, когда за моей спиной раздались «кляц!». Подпрыгнув, я обернулся и почувствовал, что сердце у меня колотится почти под самым горлом. Испугался я ужасно, но я знал, что это за звук. Никаких сомнений. Когда работаешь со словами всю свою жизнь, звук удара пишущей машинки по бумаге узнается мгновенно, даже в пустой комнате в сумерках, когда некому нажимать на клавиши.

Белые размытые пятна лиц смотрели на редактора из темноты, все сидели молча, чуть сдвинувшись друг к другу. Жена писателя крепко держала своего мужа за руку.

— Я чувствовал, как... реальность ускользает от меня. Может быть, это и положено чувствовать, когда подходишь наконец к границе необъяснимого. Я медленно приблизился к машинке. Сердце продолжало бешено биться у самого горла, но сам я сохранял спокойствие. Ледяное спокойствие.

«Кляц!» Мелькнул еще один рычажок. На этот раз я даже заметил, от какой клавиши.

Очень медленно я опустился на колени, но потом мышцы ног у меня как бы обмякли, и я полусел-полуупал перед машинкой. Мое грязное пальто растелилось по полу, словно юбка девчушки, присевшей в глубоком книксене. Машинка быстро кляцнула еще два раза, замолчала, потом еще раз. Каждый удар отдавался в квартире таким же коротким эхом, как мои шаги.

Обои были заправлены в машинку стороной с высохшим клеем наружу, и от этого буквы получались морщинистые и бугристые, но я сумел разобрать напечатанное слово — «ракне».

— Тогда... Редактор прочистил горло и сдержанно улыбнулся.— Даже по прошествии стольких лет мне трудно об этом говорить... Трудно вот так сразу... Впрочем, ладно. Все дело вот в чем: я увидел, как из машинки высунулась рука. Невероятно маленькая рука. Она пролезла между двумя клавишами в нижнем ряду, сжалась в кулачок и ударила по клавише пробела. Каретка сдвинулась на один шаг, издав короткий икающий звук, и рука снова исчезла.

Жена агента пронзительно захихикала.

— Угомонись, Марша,— сказал агент мягко, и она замолчала.

— Удары посыпались чаще,— продолжал редактор,— и через какое-то время мне начало казаться, что я слышу, как это маленькое существо, двигающее рычаги клавишей, пыхит, словно человек, который выполняет тяжелую работу уже на пределе своих сил. Потом машинка перестала печатать. На большинство литер налип старый обойный клей, но прочесть выданные на бумаге буквы мне удалось. Машинка остановилась на «ракне умира», когда следующая литера прилипла к клеевой стороне обоев. Я просто смотрел на нее какое-то время, потом протянул руку и высвободил клавишу. Не уверен, что Беллис смог бы справиться сам с этой задачей. Думаю, нет. Но я не хотел быть свидетелем... его жалких попыток. Одного вида его кулачка мне оказалось достаточно. Наверно, если

бы я увидел зльфу, так сказать, целиком, я бы свихнулся прут же. А подняться и убежать я не мог: ноги меня просто не слушались.

«Кляц-кляц-кляц». Крошечные всхлипы и вздохи, кулачок, высовывающийся после каждого слова, что-бы нажать пробел. Я не помню, сколько это продолжалось. Минут семь, может быть. Может, десять. Или вечность.

Но в конце концов кляцанье прекратилось, и я понял, что уже не слышу его дыхания. Может быть, он потерял сознание, или просто бросил все и ушел, или умер. От сердечного приступа или еще от чего. Последнее его осталось незаконченным. Весь текст состоял из прописных букв: «ракне умирает это все мальчишка джимми торп не знает передай торпу что ракне умирает мальчишка джимми убивает ракне белл».

Я нашел в себе силы подняться на ноги и пошел из комнаты, двигаясь большими шагами на цыпочках, как будто Беллис уснул, и я боялся, что он проснется, если в комнате опять раздастся отдающийся сухим эхом звук шагов по голому полу. Проснется и снова примется печатать. Мне казалось, что я не выдержу и крикну, если услышу хотя бы еще один «кляц!». И буду кричать до тех пор, пока у меня не разорвется сердце или голова.

Мой «шевроле» ждал на стоянке неподалеку от дома, заправленный, загруженный и готовый в путь. Я сел за руль и вспомнил о бутылке в кармане пальто. Руки у меня тряслись так сильно, что я выронил ее, но она не разбилась, упав на сиденье.

Я вспомнил про отключки, друзья мои, но отключка тогда была как раз то, чего я хотел и что в конце концов получил. Помню, как сделал первый глоток, второй, как повернул ключ зажигания и поймал песню Фрэнка Синатры «Древняя Черная магия», которая, как мне тогда показалось, очень соответствует обстоятельствам. Помню, как пел вместе с ним и прикладывался к бутылке. Машина моя стояла в последнем ряду автостоянки, и оттуда я видел равномерно переклюющиеся огни светофора на перекрестке. Я продолжал размышлять о коротких кляцающих звуках, раздававшихся в пустой квартире, и тускнеющем красноватом свете, льющемся через окно кабинета. О пыхении, при воспоминании о котором мне представился эльф-культурист, выполняющий упражнения внутри моей старой пишущей машинки. Снова и снова я видел перед собой шероховатую поверхность оторванного куска обоев с налипшими песчинками. Я невольно представлял, что происходило в квартире до моего прихода... Мысли сами возвращались к воображаемой сцене, показывая, как он, Беллис, подпрыгивает, хватается за оторванный уголок обоев у двери в спальню, потому что в квартире не осталось ничего более, похожего на бумагу, повисает на нем, отрывая в конце концов и несет к машинке на голове, как огромный лист пальмы. Я пытался понять, как ему удалось заправить лист в каретку... Мысли крутились, но отключка не наступала, и я продолжал пить. Фрэнк Синатра кончил петь, пошла реклама, потом Сара Вон запела «Я сяду и напишу себе письмо», и это опять же относилось ко мне потому что совсем недавно я сделал то же самое или по крайней мере я думал что сделал это до сегодняшнего вечера когда случилось нечто заставившее меня изменить свое мнение по этому поводу так сказать и я снова пел вместе со старой доброй Сарой Соул и видимо как раз тогда второго припева без всякого перерыва меня вдруг начало рвать потом кто-то двинул ладонью мне по спине поднял мои руки за локти и снова отпустил хлопнул ладонью поднял руки и отпустил... Это был шофер грузовика. Каждый раз, когда он бил меня по спине, я чувствовал, как у меня из горла поднимается и тут же собирается упасть обратно огромный глоток жидкости, но в этот момент шофер задирает мои локти вверх, и каждый раз, когда он это делал, меня снова рвало и вовсе не виски, а обычной речной водой. Когда я наконец пришел в себя настолько, что смог поднять голову и оглядеться, было уже шесть часов вечера тремя днями позже, и я лежал на берегу реки Джексон в западной Пенсильвании, примерно в шестидесяти милях от Питтсбурга. Мой «шевроле» торчал багажником из воды, и со своего места я даже мог разглядеть стикер с фамилией Маккарти на заднем бампере... У тебя еще есть минеральная, дорогая? Совсем в горле пересохло.

Жена писателя молча принесла ему стакан воды, и, подавая, она неожиданно для себя наклонилась и поцеловала его в сморщенную, как шкура аллигатора, щеку. Он улыбнулся, и в темноте заблестели его глаза. Это, однако, не обмануло ее: от веселья глаза никогда не блестят именно так.

— Спасибо, Мер.

Он сделал несколько крупных глотков, закашлялся и жестом отказался от предложенной сигареты.

— На сегодняшний вечер мне хватит. Собираюсь совсем бросить. В моем, так сказать, следующем воплощении.

Конец этой истории в общем-то я мог бы не расска-

зывать. Если и бывает за подобными историями какой грех, так это предсказуемость развязки... В моей машине нашли около сорока бутылок «Блэк Велвет», большинство из них пустые. Я нес что-то про эльфов, электричество, форнитов, плутониевые рудники, форнус и, видимо, казался им совершенно чокнутым. Собственно говоря, я и был совершенно чокнутым.

А вот что произошло в Омахе, пока я колесил, судя по найденным в отделении для перчаток корешкам чеков за бензин, по пяти северо-восточным штатам. Все это, как вы понимаете, я узнал от Джейн Торп в ходе долгого и болезненного периода переписки, закончившегося нашей встречей в Нью-Хейвене, где она теперь живет. Мы встретились после того, как меня в награду за отречение выпустили из клиники. В конце этой встречи мы буквально плакали друг у друга на плече, и именно тогда я поверил в то, что у меня еще будет настоящая жизнь и даже счастье.

В тот день около трех пополудни в дверь дома Торпов постучали. Посыльный с телеграфа принес телеграмму от меня — последний образец нашей злополучной переписки. Там говорилось: «РЕГ РАСПОЛАГАЮ ДОСТОВЕРНОЙ ИНФОРМАЦИЕЙ ЧТО РАКНЕ УМИРАЕТ ПО СЛОВАМ БЕЛЛИСА ВО ВСЕМ ВИНОВАТ МАЛЕНЬКИЙ МАЛЬЧИШКА БЕЛЛИС СООБЩИЛ ЧТО ЕГО ЗОВУТ ДЖИММИ FORNIT SOME FORNUS ГЕНРИ».

Если вам в голову пришел классический вопрос: «Откуда я это знал?» — сразу скажу: я знал, что Джейн наняла прислугу, но узнать о ее маленьком чертенке-сыне по имени Джимми я (кроме как через Беллиса) никак не мог. Видимо, вам придется поверить мне на слово, хотя справедливости ради должен добавить, что психоаналитики, работавшие надо мной в течение двух с половиной лет, так мне и не поверили.

Когда принесли телеграмму, Джейн была в бакалейной лавке. Бланк она нашла уже после смерти Рега в заднем кармане его брюк. На нем, кроме времени передачи и доставки, стояла также приписка: «Вручить лично. По телефону не передавать». Джейн сказала, что, хотя прошел всего один день, телеграмма выглядела такой затрепанной, словно она пробыла у Рега целый месяц.

В определенном смысле эти двадцать пять слов и стали той «гибкой пулей», которой я выстрелил прямо в голову Торпу аж из самого Патерсона, штат Нью-Джерси, будучи настолько пьяным, что даже не помнил этого.

Последние две недели своей жизни Рег прожил так, что казалось, будто он сама нормальность. Он вставал в шесть, готовил завтрак себе и жене, потом час писал. Около восьми заирал кабинет, уходил из дома и неторопливо прогуливался с собакой по окрестностям. Вел он себя во время этих прогулок очень общительно, останавливаясь поболтать с каждым желающим; заходил, привязав собаку снаружи, в кафе неподалеку, где выпивал чашечку кофе, потом отправлялся бродить дальше. Раньше полудня он возвращался домой редко, чаще в двенадцать тридцать, а то и в час. Джейн полагала, что отчасти это делалось, чтобы избежать встреч с шумной Гертрудой Рулин, потому что такой распорядок установился у Рега через пару дней после того, как она начала работать в их доме.

Возвратившись домой, он съел легкий ленч, отдыхал около часа, потом поднимался и писал еще два три часа. Иногда вечерами отправлялся известить молодых людей, живущих по соседству, с Джейн или один. А иногда они с Джейн ходили в кино или просто сидели в гостини и читали. Спать ложились рано, Рег — обычно раньше Джейн. Она писала, что интимная сторона их жизни не отличалась особым богатством, а то редкое, что между ними случалось, как правило, было неудовлетворительно для обоих. «Но секс для большинства женщин не так важен,— писала она,— а Рег снова работал в полную силу, и для него работа служила вполне приемлемой заменой. Я бы сказала, что даже при всех прочих обстоятельствах эти две недели были для нас самыми счастливыми за последние пять лет». Я чуть не плакал, когда читал ее письмо.

Я ничего не знал о Джимми. Но Рег знал. Он знал все, кроме самого главного — что мать Джимми, приходя работать, стала брать мальчишку с собой. В какую, должно быть, Рег впаля ярость, когда получил мою телеграмму и начал понимать! Опять они! И его собственная жена определенно одна из них, потому что только она бывала дома, когда там находились Гертруда и Джимми, но ничего ему не сказала. Еще раньше он писал мне в одном из писем: «Иногда я сомневаюсь в своей жене».

Вернувшись домой в тот день, когда пришла телеграмма, Джейн не застала Рега, но на кухонном столе лежала записка от него: «Дорогая, я в книжном магазине. Буду к ужину». Записка совершенно не встревожила Джейн... Хотя, знай она о моей телеграмме, именно ее нормальность, я думаю, испугала бы Джейн до смерти. Она бы поняла, что Рег решил, будто она перекинулась на их сторону.

Рег, однако, и не думал ходить за книгами. Он направился напрямик в оружейный салон «Литлджонс» на окраине города и купил автоматический пистолет сорок пятого калибра и две тысячи патронов. Наверное, он купил бы себе «АК-70», если бы их разрешали продавать в «Литлджонсе». Он собрался защищать своего форнита. От Джимми, от Гертруды, от Джейн. От них.

На следующее утро все происходило в соответствии с установленным порядком. Джейн, правда, показала, что Рег надел слишком толстый свитер для такого теплого дня, но она ничего ему не сказала. Свитер Рег надел, разумеется, из-за пистолета, который он, отправляясь гулять с собакой, сунул за пояс брюк.

Все происходило по-прежнему, за исключением того, что Рег дошел только до кафе, где он обычно пил кофе, причем на этот раз он двинулся туда напрямик, не сворачивая и не останавливаясь поболтать. Он отвел щенка к задней двери, привязал поводок к перилам и околицей вернулся к своему дому.

Хорошо представляя себе распорядок дня своих молодых соседей, он заранее знал, что их не будет дома. Кроме того, он знал, где они держат запасной ключ. Открыв дверь и поднявшись наверх, Рег принялся наблюдать за своим домом.

В восемь сорок он увидел, как прибыла Гертруда Рулин. Не одна. С ней действительно был маленький мальчишка. Совершенно неукротимое поведение Джимми Рулина в первом классе почти мгновенно убедило учителя и школьного воспитателя, что для всех будет лучше (кроме, может быть, матери Джимми, которая не отказалась бы отдохнуть от него), если он подождет еще год. Джимми повторно оказался в детском саду, и на первую половину следующего года его записали в послеполуденную смену. Два детских сада в том районе, где жила Гертруда, были переполнены, а договориться с Торпами, чтобы работать у них после полудня, она не могла, так как с двух до четырех работала еще в одном доме на другом конце города.

Джейн без особой охоты, но все же разрешила Гертруде приводить Джимми с собой до тех пор, пока она не сумеет его куда-нибудь пристроить, или пока об этом не узнает Рег, что рано или поздно наверняка случилось бы.

Она думала, что Рег, может быть, не станет возражать: он так мило все воспринимал в последнее время. С другой стороны, с ним мог случиться приступ, и, если это произойдет, Гертруде придется куда-то пристраивать Джимми. Гертруда сказала, что все понимает. «И ради бога», — добавила Джейн, — пусть он ни в коем случае не трогает никакие вещи Рега». Гертруда сказала, что все будет в порядке: кабинет хозяина заперт и останется запертым...

Торп, должно быть, пересек два двора, как снайпер, пробирающийся по ничейной земле. Он видел, что Гертруда и Джейн стирают постельное белье на кухне, но не видел мальчишку. Подобравшись к дому, он двинулся вдоль боковой стены. В гостиной никого... В спальне никого... Джимми оказался в кабинете, где Рег с мрачной уверенностью и ожидал его увидеть. Лицо мальчишки горело от возбуждения, и Рег, видимо, впрямь решил, что перед ним наконец-то их настоящий агент.

Мальчишка держал в руке игрушечный лучемер, направляя его в сторону стола, и Рег слышал, как внутри машинки кричит Ракне.

Вы можете подумать, что я приписываю умершему свои субъективные домыслы, другими словами, выдумываю. Но это не так. С кухни и Гертруда, и Джейн отчетливо слышали завывание пластмассового «космического бластера» Джимми... Он носился с ним по дому, стреляя во все подряд, с самого первого дня, и Джейн с надеждой ожидала, что у него вот-вот сядут батарейки. Звук они узнали безошибочно. И безошибочно определили, откуда он доносится — из кабинета Рега.

Мальчишка был настоящим сорванцом. Знаете такой тип? Если в доме есть комната, куда ему нельзя заходить, то он или попадет туда, или умрет от любопытства. На то, чтобы узнать, что Джейн держит ключ от кабинета Рега на каминной полке в гостиной, у него ушло немного времени. Бывал ли он там раньше? Думаю, да. Джейн припомнила, как она тремя или четырьмя днями раньше дала Джимми апельсин, а потом обнаружила апельсиновую кожуру под маленьким диванчиком в кабинете. Сам Рег апельсины не ел, уверяя, что они вызывают у него аллергию.

Джейн бросила обратно в раковину простыню, которую в тот момент полоскала, и бросилась в кабинет. Она слышала «вау-вау-вау» «космического бластера» и крик Джимми: «Попался! Теперь не убежишь! Я вижу тебя через стекло!» И она говорила... Она говорила, что слышала еще какой-то крик. Тонкий, отчаянный, столь наполненный болью, что он был почти непереносим.

«Когда я услышала это», — сказала она, — я поняла, что мне придется уйти от Рега независимо от того, что случилось в действительности, потому что все эти

старушечьи сказки оказались верными... и безумие — заразная болезнь. Потому что я сама слышала Ракне. Каким-то образом этот паршивец расстреливал Ракне, убивая его из двухдолларового игрушечного лучемета.

Дверь в кабинет была открыта, в замке торчал ключ. Позже в тот день я обратила внимание, что один из стульев в гостиной стоит у каминной полки и все сиденье выпачкано следами кроссовок Джимми. Сам он стоял, склонившись, у стола Рега. Рег пользовался старой конторской моделью пишущей машинки со стеклянными окошечками по бокам корпуса. Джимми прижал дуло своего бластера к одному из окошек и палил внутрь пишущей машинки. «Вау-вау-вау», фиолетовые отсветы пламени из машинки — все это внезапно заставило меня понять то, что Рег говорил об электричестве, потому что, хотя эта штука работала на самых обычных безобидных батарейках, я действительно вдруг почувствовала себя так, словно из лучемета вылетают волны губительного излучения, проникают мне в голову и выжигают мозг.

— Я вижу тебя! — кричал Джимми. Лицо его светилось самозабвенным мальчишеским ликованием — зрелище одновременно красивое, но и в чем-то страшное. — Ты не скроешься от Капитана Фьюче! Ты умрешь, прищелец!

И жалобный крик становился все слабее и тоньше. — Джимми, немедленно прекрати! — взвизгнула я.

Он подскочил от неожиданности. Потом повернулся, взглянул на меня, высунул язык и, прижав бластер к стеклянному окошку, снова начал стрелять. Снова «вау-вау-вау» и этот мерзкий фиолетовый свет.

По коридору бежала Гертруда, крича, чтобы он прекратил и немедленно убирался, и обещая ему трепку, какой он еще в жизни не получал... Но в этот момент входная дверь отлетела в сторону, и в прихожую с ревом ворвался Рег. Я взглянула на него всего один раз и тут же поняла, что он сошел с ума. В руке он держал пистолет.

— Не стреляйте в моего мальчика! — завизжала Гертруда и попыталась остановить его, но Рег одним ударом руки отбросил ее в сторону.

А Джимми, казалось, даже не замечал, что происходит. Он просто продолжал стрелять в пишущую машинку. Я видела, как пульсирует в темноте между клавишами машинки фиолетовый свет, и это напомнило мне электрическую дугу, про которую говорят, что на нее нельзя смотреть без специальных очков, потому что можно сжечь сетчатку глаз и ослепнуть.

Рег вбежал в кабинет, сбив меня с ног. — РАКНЕ! — закричал он. — ТЫ УБИВАЕШЬ РАКНЕ!

И когда он бросился через комнату, намереваясь, видимо, убить мальчишку, я еще успела подумать: «Сколько же раз он побывал здесь, стреляя из своего бластера, пока мы с его матерью меняли постели на втором этаже или развешивали белье во дворе, где мы не могли слышать ни звука, издаваемого его игрушкой, ни крика этого существа... этого форнита...»

Джимми не остановился, даже когда Рег ворвался в кабинет. Он просто продолжал стрелять в пишущую машинку, словно знал, что это его последний шанс, и с тех пор я иногда думаю, может быть, Рег был прав насчет них тоже? Только они вроде как плавают вокруг, время от времени ныряют кому-нибудь в голову и заставляют этого человека делать всякую грязную работу, а потом выскакивают, и тот человек, в котором они жили, говорит удивленно: «Я? Что я сделал?»

За секунду до того, как Рег добрался до Джимми, крик, доносившийся из пишущей машинки, превратился в короткий пронзительный вопль, и я увидела на внутренней стороне стекла разбрызганную кровь, словно то, что находилось там внутри, наконец просто взорвалось, как, люди говорят, должен взорваться живой зверек, если посадить его в микроволновую печь. Я знаю, как это дико звучит, но я видела кровь: она ударила стуктом в стекло и начала стекать вниз. — Готов, — удовлетворенно произнес Джимми. — Я его...

В этот момент Рег отшвырнул его через всю комнату, и он ударился об стену. Бластер выпал у мальчишки из рук, грохнулся об пол и раскололся. Внутри, конечно, ничего, кроме пластика и батареек, не оказалось.

Рег заглянул в машинку и закричал. Не от боли или ярости, хотя ярости в этом крике тоже хватало. Сильнее всего в крике звучало отчаяние. Потом он повернулся к мальчишке. Джимми упал на пол, и чтобы там в него ни вселялось, если в него действительно что-то вселялось, теперь он был всего лишь испуганным шестилетним мальчишкой. Рег направил на него пистолет, и это последнее, что я помню.

Редактор допил содовую и осторожно поставил стакан в сторону.

— Гертруда Рулин и Джимми помнили, однако, достаточно, чтобы восстановить картину происшедше-

* фантастический герой комиксов и детских радиопле-
редач.

го, — сказал он. — Джейн закричала: «Рег, НЕТ!» Когда он обернулся, она поднялась на ноги и бросилась к нему. Он выстрелил, раздробив ей левый локоть, но она так и не отпустила Рега, а пока она пыталась удержать мужа, Гертруда Рулин позвала сына, и он бросился к ней.

Рег оттолкнул Джейн и снова выстрелил. Пуля царапнула по левой стороне ее черепа, и, пройди она на долю дюйма правее, Джейн была бы убита. Впрочем, если бы она не вмешалась, Рег, без сомнения, убил бы Джимми Рулина и, возможно, его мать.

Он выстрелил в мальчишку, когда тот бросился на руки матери в дверях кабинета. Пуля прошла через его левую ягодицу вниз, вышла из бедра, не задев кости, и зацепила лодыжку Гертруды Рулин. Было много крови, но никто серьезно не пострадал. Гертруда захлопнула дверь и потащила своего кричащего, истекающего кровью сына через коридор на улицу.

Редактор снова замолчал, задумавшись. — Джейн или потеряла сознание к тому времени, или просто заставила себя забыть, что произошло дальше. Рег сел в кресло, приставил пистолет к середине лба и нажал на курок. Пуля не прошла сквозь мозг, оставив его на всю жизнь «растением», и не скользнула по внутренней поверхности черепа, вылетев без вреда с другой стороны. Несмотря на гибкость фантазии, последняя пуля оказалась твердой, как ей и положено быть. Мертвый, Рег упал на свою пишущую машинку.

Когда ворвалась полиция, они его так и нашли. Джейн сидела в дальнем углу в полубессознательном состоянии. Вся пишущую машинку залило кровью, внутри, видимо, тоже была кровь: при попадании в голову всегда много крови.

Но вся кровь, как оказалось, группы «0».

Группы Рега Торпа.

И это, леди и джентльмены, конец моего рассказа.

Я уже не могу говорить — действительно, голос редактора превратился в хриплый шепот. Вечер закончился без обычной легкой болтовни напоследок и даже без неестественно веселых разговоров, которыми люди, бывает, пытаются прикрыть чрезмерную откровенность, возникающую за коктейлями, или по крайней мере замаскировать тот факт, что в определенный момент разговор стал более серьезным, чем допускает обстановка вечеринки.

Однако, проважая редактора до машины, писатель не смог удержаться от последнего вопроса:

— А сам рассказ? Что случилось с рассказом?

— Ты имеешь в виду рассказ Рега?..

— Да. «Балладу о гибкой пуле». Рассказ, из-за которого все это произошло. Он, собственно, и явился той «гибкой пулей», по крайней мере, если не для него, то для тебя. Что же, черт побери, случилось с этим великим рассказом?

Редактор открыл дверцу своего маленького голубого «четветта» с наклейкой на заднем бампере: «Настоящие друзья не позволяют пьяному гостю сесть за руль».

— Он не был опубликован. Если Рег держал копии, то он, видимо, уничтожил их, получив мое согласие на публикацию. Что, приняв во внимание параноидные фантазии про них, вполне вписывается в его характер.

Когда я свалился в Джексон-Ривер, у меня оставался оригинал рассказа и три фотокопии, все в картонной коробке. Если бы я положил ее в багажник, рассказ бы сохранился, потому что багажник машины даже не ушел под воду. Впрочем, если бы это случилось, листки бы потом высохли. Но я хотел, чтобы рассказ лежал рядом со мной, и положил коробку на соседнее с водителем сиденье. Когда я свалился в реку, окна машины были открыты, и листки... Я полагаю, они просто уплыли, и их унесло к морю. Мне гораздо легче и спокойнее верить в это, чем в то, что они сгнили вместе со всей остальной дрянью на дне реки, или что их сожрала рыба, или еще что-нибудь столь же эстетически непривлекательное. Верить в то, что их унесло в море, более романтично, хотя это и менее вероятный исход. Но, выбирая, во что верить, я все-таки сохраняю гибкость. Так сказать.

Редактор сел в машину и уехал. Писатель стоял, глядя ему вслед, пока огни машины не скрылись вдали, потом обернулся. Мег стояла у начала садовой дорожки, крепко обхватив себя руками, хотя в ночном воздухе все еще держалось тепло.

— Мы последние, — сказала она, нерешительно улыбаясь ему. — Пойдем в дом?

— Конечно.

На полпути к дому она остановилась и спросила: — В твоей пишущей машинке нет форнита, Поль?

И писатель, который иногда, хотя не так уж и редко, задумывался о том, откуда же все-таки к нему приходят нужные слова, храбро ответил:

— Решительно нет.

Рука об руку они прошли в дом и закрыли за собой дверь, оставив ночь снаружи.

**ПРЕМИИ «СМЕНЫ»
ЗА 1988 ГОД
ПРИСУЖДЕНЫ:**

Надежде
ВЕСЕЛОВСКОЙ —
за цикл
стихов (№ 5)

Масхуду
ДЖУНУСОВУ —
за беседу
«Живя под одной
крышей» (№ 9)

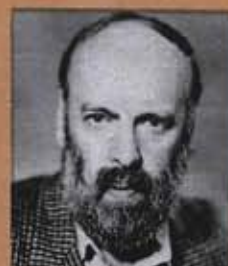
Павлу
ЕЛЬЧАНИНОВУ —
за беседу
«Не фантастика?» (№ 1)

Фазилю
ИСКАНДЕРУ —
за рассказ
«Пьяные на дороге»
(№ 7)

Сергею
КАЛЕНИКИНУ —
за статью
«Водилась рыбка
золотая» (№ 14)

Владимиру
КОРНИЛОВУ —
за венок сонетов
«Плач по Слуцкому»
(№ 21)

Андрею
КУЧЕРОВУ —
за очерк
«Новые недовольные»
(№№ 12—13)

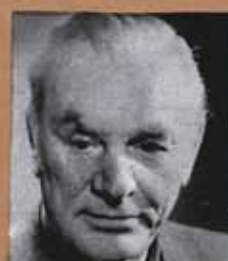
Владимиру
ЛАКШИНУ —
за очерк
«Булгаков» (№ 15)

Александру
ЛЕВИНТОВУ —
за статью
«Дорога... куда?» (№ 19)

Александру
МИЛЬЧАКОВУ —
за документальное
повествование
«Писать все-таки надо!»
(№№ 12—13) (посмертно)

Эдуардасу
МЕЖЕЛАЙТИСУ —
за эссе
«Родиться человеком»
(№ 12)

Алексею НИКОЛАЕВУ —
за очерки
«И помнить век
за днями» (№ 1),
«Грабеж» (№№ 18—19)

Алексею ОСТАЕВУ —
за иллюстрации
к повести
Веселы Люцкановой
«Клонинги» (№№ 5—6)

Валерию ПЕРВУШИНУ
за беседу
«Парад проблем»
(№ 18)

Ивану САВЕЛЬЕВУ —
за цикл стихов (№ 20)

Валентину СОРОКИНУ —
за цикл стихов
«Надежда человечества»
(№ 9)

Евгению СТЕЦКО —
за фотоочерки
«Не упустить
свой шанс»,
«Водилась рыбка
золотая» (№№ 6,14)

Олегу ТУРКОВУ —
за иллюстрации
к повести
Братьев Стругацких
«Улитка на склоне»
(№№ 11—15),

Элле ЧЕРЕПАХОВОЙ —
за очерк
«Трудные уроки» (№ 4)

Валерию ЩЕКОЛДИНУ —
за фотоочерк
«Скорбь и память» (№ 19)

Подведены итоги конкурса юмористических
рисунков «Вернисаж-88».
Решением жюри победителями конкурса признаны
Сергей БОГАЧЕВ (№ 1) и Владимир УБОРЕВИЧ-
БОРОВСКИЙ (№ 4).

Под редакцией гроссмейстера Виктора ЧЕПИЖНОГО

ПАРАД МИНИАТЮР

Продолжаем публикацию этюдов-миниатюр с черным ферзем.

А. ТРОИЦКИЙ
1898 г.

Выигрыш

В позиции с ничейным соотношением сил находится изящная комбинация с жертвой ладьи.

1. Лe6+! Л:e6 2. Фa6+ Крd5. Нельзя отступить на седьмую горизонталь из-за потери ферзя. 3. Фc4+ Крd6. «Заминирована» и большая диагональ — 3. ... Кре5. 4. Фc3+. 4. Фc5+ Крd7 5. Фa7+ с выигрышем.

Г. РИНК
1917 г.

Ничья

Ферзь и конь против ферзя — весьма распространенное соотношение сил в этюдах.

1. Фc7+ Кра8 2. Фa5+ Крb7 3. Кc5+ Крb8. Другие отступления ведут к потере ферзя. 4. Фb6+ Крc8 5. Фb7+ Крd8 6. Крd2! В этом соль этюда! В финальной позиции черные попали в цугцванг, у них нет ни одного удовлетворительно хода. 6. ... Фе7 7. Фb8 x.

Л. КУББЕЛЬ
1936 г.

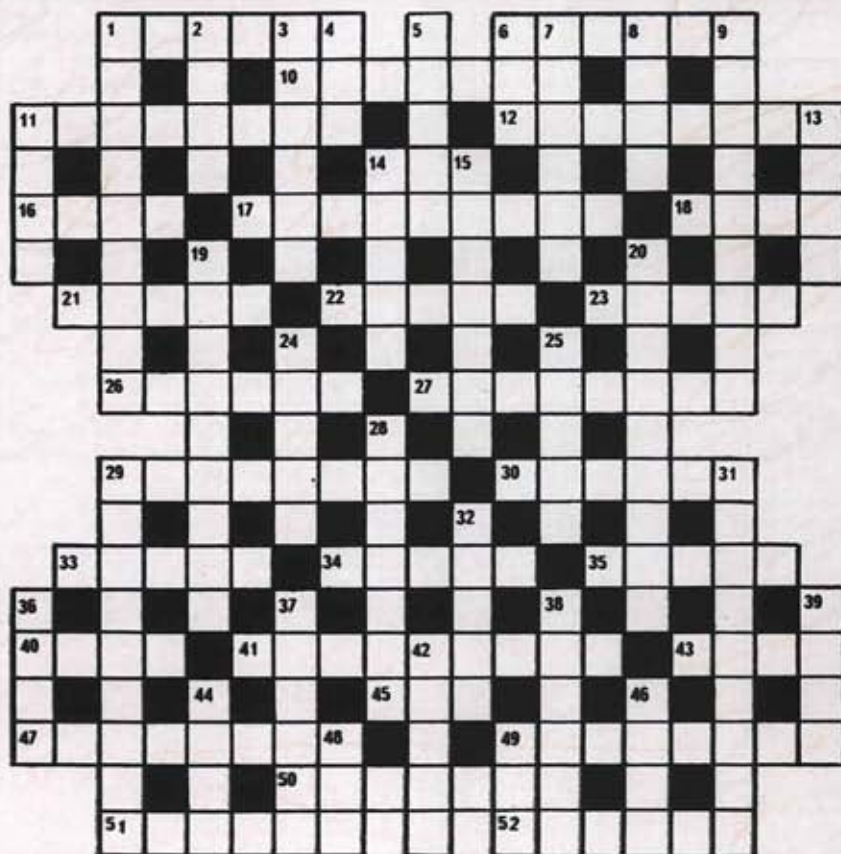
Выигрыш

Материальный перевес черных вынуждает белых стремиться к вечному шаху.

1. Лg7+ Крb6 2. Лg6+ Крc7. Пятая горизонталь недоступна черному королю. 3. Лg7+ Крd6 4. Лg6+ Кре7. На 4. ... Кре5 следует 5. Л:f5 Кр:f5 6. Лg5+ С:g5 — пат. 5. Лg7+ Крf7+ Крf8. Шахи белых исчерпаны. Но они не были бесцельны. Привлечение черного короля на вертикаль «f» позволяет осуществить патовую комбинацию. 6. Лg5! С:g5 7. Л3:f5+! Ф:f5 — пат.

КРОССВОРД

Составил В. Блажнов. Калининград

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

1. Райская птица-вещунья на холсте В. Васнецова, «внушшая» А. Блоку известное стихотворение. 6. Персонаж оперы С. Гулака-Артемевского «Запорожец за Дунаем». 10. «Скорее прогулка, чем танец», по «Музыкальному словарю» Г. Римана. 11. Кустарник, источник витаминов. 12. Лабораторный сосуд. 14. «Гербовый» зверь. 16. Газ с запахом одновременно озона и хлора. 17. Садовый павильон. 18. Наряд. 21. Сонеты Петрарки (муза-покровительница). 22. Пучина. 23. Цитрус, дикое формы которого пока не найдены. 26. Английский живописец-романтик. 27. Человек, не способный расстаться с бумажкой. 29. Народ, который в древности выводил быков и коров с большими, в виде лиры рогами, чтобы удобнее было накладывать ярмо. 30. Необычное приключение. 33. Служитель самой темной из профессий. 34. Сплав, сжимаемость которого больше, чем

у резины. 35. Морская рыба, которую во время нереста прибой выбрасывает на берег. 40. «Хорошо, что старость подходит к людям незаметно, как ночной ...», и похищает их силы понемножку» (А. Новиков-Прибой «Калитан 1-го ранга»). 41. Акустическое явление, без которого во многих романах А. Дюма пропал бы повод для драматических завязок или пикантных ситуаций. 43. Музыкальный жанр, первые классические образцы которого принадлежат И. Гайду. 45. Древнеримская монета на основе слитков-брусков. 47. Металл, оболочка для урановых стержней. 49. Литовский художник-символист и композитор. 50. График в кристаллизации, связывающий температуру и состав раствора или сплава. 51. Прозрачность. 52. Тропическое дерево, стебель которого за день может вырасти на 60 сантиметров.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Древнегреческий врач, знавший вопреки Ж. Ламарку, что «от пигмеев не рождаются великаны». 2. Европейское название каждого из арабов, завоевавших в средние века Испанию. 3. Самая тяжелая планета, хотя практически вся состоит из самого легкого химического элемента — водорода. 4. Герой в рассказе А. Грина «Сто верст по реке». 5. Первая трагедия А. Сумарокова. 6. Город в Габоне. 7. Зверь, изредка забредующий из Монголии в Дуэрские степи «познакомиться» с охотниками. 8. Цветок, родиной которого считают Иран. 9. Каждый из организмов, населяющих сушу. 11. Тайнопись. 13. Биополе, в которое верят йоги. 14. Изложница. 15. Животное, на которое человек сел значительно раньше, чем на лошадь. 19. Советский спортсмен, водивший «в бой ледовую дружину». 20. Прибор, конек А. Левенгука. 24. Продукт, покрывающий сейчас пленкой половину площади мирового океана. 25. Отравляющее вещество. 28. Одна из трав, на которых Х. Де

Фриз изучал мутации у растений. 29. Крымская здравница, берущая начало с открытия в 1886 году грязелечебницы. 31. Птица, прилет которой на Руси отмечали праздником с выходом в поле. 32. Цветок, который разводил А. Чехов. 36. Художник Максим Воробьев по отношению к художнику Сократу Воробьеву. 37. Герой русских сказок, умеющий превращаться в сокола. Сюжет заимствован из рыцарской поэзии. 38. Сибирская река, название которой связано, видимо, с голубиной водой. 39. «Украинский Чапаев». 42. Амазонская змея, у которой хвост очень похож на голову. 44. Европейская столица. По пробе воздуха над городом, взятой в 1904 году, в земной атмосфере впервые обнаружили гелий. 46. Спортивное объединение. 48. Корабль, на котором Р. Амундсен первым прошел от Гренландии до Аляски Северо-Западным проходом. 49. Характерная примета запорожского казака.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД ОПУБЛИКОВАННЫЙ в № 23

По горизонтали:

1. ...шун... 5. Юнко. 8. Соколов. 11. Дипломат. 12. Рекортан. 14. «Рак». 16. Нива. 17. Макаракша. 18. Амур. 21. Милан. 22. Хазар. 23. Такса. 26. Аркан. 27. Талант. 29. Виолон. 30. Графа. 34. Парик. 35. Потто. 36. Клоун. 41. Руда. 42. Жаворонок. 44. Фетр. 46. ...вор. 48. Беркейт. 50. Ираклион. 51. Ромашка. 52. «Атис». 53. Сани.

По вертикали:

1. Шиповник. 2. Атон. 3. Лот. 4. Бор. 6. Неон. 7. «Оптимист». 8. Салат. 9. Омар. 10. Верша. 11. Дина. 13. Нора. 14. Ратак. 15. Караван. 19. Направник. 20. Картофель. 24. Задор. 25. Матра. 28. Рокотов. 31. Байдарка. 32. Отпор. 33. «Мученики». 37. Краб. 38. Сатир. 39. Кобра. 40. Уран. 43. Роба. 45. Сени. 47. Икра. 49. Тор. 50. Икс.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 24 (1478) ДЕКАБРЬ

Главный редактор Михаил КИЗИЛОВ

Редколлегия:

- Сергей БАБКИН (заместитель главного редактора)
- Борис ДАЮШЕВСКИЙ (заместитель главного редактора)
- Александр КУЛЕШОВ
- Андрей КУЧЕРОВ
- Альберт ЛИХОНОВ
- Иосиф ОРДЖОНИКИДЗЕ
- Сергей ПОПОВ (ответственный секретарь)
- Юрий РАГОЗИН
- Роберт РОЖДЕСТВЕНСКИЙ
- Евгений РЯБЧИКОВ
- Вадим САЮШЕВ
- Виталий СЕВАСТЬЯНОВ
- Владислав СЕРИКОВ
- Виталий ФЕДОРОВ (главный художник)

Художник Владимир ЗАЙЦЕВ
Технический редактор Елена НАЗАРОВА

101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14

- 212-15-07 — для справок. Отдел:
- 212-21-59 — рабочей молодежи и науки.
- 212-21-35 — коммунистического воспитания.
- 212-23-79 — фотоочерка.
- 212-21-38 — военно-спортивный.
- 251-32-84 — международной жизни.
- 251-04-10 — литературы и искусства.
- 212-11-27 — писем и массовой работы.

Рукописи, фото и рисунки не возвращаются. Рукописи объемом более одного авторского листа (24 машинописные страницы) редакцией не рассматриваются.

Издательство ЦК КПСС «Правда» «Смена», 1988 г.

Сдано в набор 05.11.88. Подписано к печати 16.11.88. А 11828. Формат 70 × 108^{1/2}. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 21,7. Тираж 2 000 000 экз. Заказ № 3326. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Такое в футболе редко, но случается. Еще два года назад мало кто слышал о лучшем футболисте страны нынешнего сезона. Алексей Михайличенко ходил в дублерах киевского «Динамо», и никаких, казалось, шансов пробиться в основной состав, сплошь состоящий из игроков сборной, у него не было. Ему шел уже 24-й год, и вечный дублер такого возраста вызывает не столько симпатию, сколько сочувствие.

Но Михайличенко в жалости, как выяснилось, не нуждался. Коренной киевлянин, он и в мыслях не мог допустить, что может не подойти родной команде. Раз он ее не устраивает, надо терпеть и учиться.

И когда после мирового первенства в Мексике «сборникам» понадобилась короткая передышка, Алексею представился тот шанс проявить себя, которого он так терпеливо ждал. Он вышел наконец-то на большое поле, и болельщики получили еще одну возможность убедиться в непредсказуемости спорта. Дублер начал действовать. Он не просто закрыл брешь — он усилил команду. И какую команду!

Первым тренером Алексея был

Анатолий Федорович Бышовец. Один из самых ярких наших форвардов, блиставший на футбольных полях мира на стыке 60-х и 70-х годов, он взял в свою группу шустрого светловолосого паренька за неумное желание трудиться на всем пространстве зеленого прямоугольника. Создавалось впечатление, что ему безразлично, на каком месте играть, лишь бы играть. За время матча мальчишка успевал и подстраховать своего голкипера, вынося мяч с линии собственных ворот, и поразить ворота соперника. Он жил футболом, не разделяя в игре работу на черную и благородную. В пору футбольного детства Михайличенко так играл знаменитый голландец Круифф.

Можете себе представить, как мучился Алексей, надолго осев в резервном составе. Но при своем стремлении к широте игрового амплуа заменить был готов любого из именитых. И потому так органично вписался в итоге в основной состав. Обретение стабильного места в киевском «Динамо» дало ему пропуск в национальную сборную, а тренером олимпийской команды СССР стал к тому времени Бышовец. И вчерашний дублер засучил рукава, радуясь игре,

вознаградившей его за преданность и долготерпение.

До обидного короток спортивный век. Но в его стремительности есть своя прелесть. Сегодня мы уже нескладно удивились бы, не окажись Михайличенко в составе первой или олимпийской сборной. Сегодня у него есть свои болельщики: мальчишки, раскрыв рот, глядят на его размашистую игру, и тренеры внушают им, что будущее за такими вот универсалами, умеющими на любом месте сыграть с максимальной пользой для команды. Сегодня он пожинает плоды триумфа.

Такого действительно никому не удавалось в долгой футбольной истории: в один год подняться на пьедестал Олимпиады и европейского первенства. Такое в принципе и предположить-то трудно — не может спортсмен дважды в сезоне выйти на пик формы. Спорт высших достижений рассчитан ныне с компьютерной точностью и отличается в нем так часто немислимо, непостижимо, нелогично.

Но он сумел. Хотя чувствовал себя после «серебряного» успеха первой сборной полностью опустошенным. Его вклад в это второе место на чемпионате Европы трудно пе-

реоценить. Соперники, как два года тому назад и мы с вами, мало что знали о Михайличенко и сурово поплавились за недостаток «развединформации», не сразу разобравшись, кто он — игрок обороны, полузащитник, нападающий?

Он — футболист. Игрок, включенный после турнира во все символические сборные континента. Но его ждала еще и другая сборная.

Едва ли кто осудил бы его, откажись Михайличенко участвовать в Олимпийских играх. На первенстве Европы он выложился полностью; где взять силы для нового штурма? Но он слишком долго был вне большой игры, чтобы отказаться от шанса вновь испытать себя по самому большому счету.

Как он играл, вы видели. Может ли играть еще лучше, покажет время. Хотя теперь ему, конечно же, будет сложнее: сегодня Алексея Михайличенко знает, без преувеличения, весь футбольный мир. Мир, в котором он так уверенно ниспровергает авторитеты, по-прежнему, как мальчишка, упиваясь игрой.

Сергей МИКУЛИК
Фото Юрия СОКОЛОВА

МЕМОРИИ
МИХАЙЛИЧЕНКО

Страдания всегда оплачиваются трудом. Спасибо Бышовцу за то, что он не оставил меня спортивную мечту!
A. Michailichenko

Цена номера 35 коп.
Индекс 70820.